

Иван Полищук

КРАЙ РОДНОЙ

ЗОЛЬСКОЕ И ЗОЛЬЧАНЕ

Нальчик

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»

2009

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЕНИЯ ЗОЛЬСКОЕ

В 80-х годах 19-го века в России усилились гонения на сектантов христианской веры.

Под давлением властей и православной церкви сектанты центральных областей России и Украины искали пристанища на окраинах Российской империи. Немало их оказалось и на Кавказе, где можно было купить землю для всей общины.

В те годы благодатные земли между Пятигорьем и рекой Малкой не были заселены. По склонам Джинальского хребта и на равнине вольно простирались прекрасные сенокосы и пастбища. Заросшие вербами, терновником, барбарисом, хмелем балки радовали глаз...

То тут, то там буйствовала дикая конопля, похожая на трёх-четырёх метровые ели. С такого «деревца» можно было струсить с полведра голубого семени, любимой еды голубей. Помню, что мама толкла в горшке семя и полученное молочко использовала для приготовления теста.

Эти благодатные земли принадлежали казне и кабардинским князьям, многочисленные табуны которых привольно паслись на тучных пастбищах.

В те годы многие князья кавказских народов, стремясь жить не хуже московской и питерской знати, нуждались в больших деньгах и старались наполнять свои кошельки за счёт продажи земли хлынувшим на Кавказ сектантам. Так, на территории Кабарды появились Тамбовка, Ново-Ивановка, Кременчуг-Константиновка, Хомяковский, другие хутора.

В начале 80-х годов в районе Пятигорья появились посланцы из сёл Шендеривка и Комаривка Корсуньского уезда Киевской губернии. Они узнали, что князь Атажукин из села Ашабово продаёт землю в 25-ти верстах от Пятигорска на речке Золка. На ходоков из Киевщины местность при впадении Первой Золки в Центральную произвела благоприятное впечатление. Величественные горы на горизонте, голубоватый Джинальский хребет, множество родников и речушек с хрустально-чистой вкусной водой и мелкой рыбой, животворящий воздух и плодородная степь, полная зайцев, лис, дроф, куропаток, перепелов, коростелей и другой живности, кустарники и небольшие рощицы по балкам. Всё это покорило ходоков, и договор о покупке полутора тысяч десятин земли по 40 рублей за десятину (20 рублей сразу и 20 впоследствии) был подписан. Своё село ходоки заложили на левом берегу Центральной Золки. В пойме речки были густые заросли больших верб, давших речке название Дзалоко (по-кабардински верба называется дзаль). Русские по-своему переделали кабардинское слово и стали называть все вербные речушки более привычно для их слуха - Золками. Такое название в настоящее время имеют десять речушек, образующих одну Золку, впадающую в реку Куму.

Старожилы Зольского не помнят точной даты зарождения села. Но на время переписи 1884 года его ещё не было, а в 1886 году во время Военно-конной переписи упоминается хутор Атажукинского Товарищества (первое название баптистского поселения на Золке), в котором жили уже 15 хозяев, имевших лошадей:

У Токаренко Никиты и Тимофея, Ягодзинского Павла было по 5 лошадей. Хромых Павел, Кучеренко Савва и Чередниченко Дмитрий имели по 3 лошади, Палённый Николай и Черевко Евгений по 4, Сатырь Пётр, Погарецкий Иван и Чередниченко Иван - по 6 лошадей. Больше всего, 9 и 7, имели Юрковский Иван и Якушкин Антон. А Черевко Матвею принадлежали 2 мула.

Эти новосёлы были состоятельными людьми, но бедняки и батраки, вроде: Малошенко Мыны, Митяшкина Якова и братьев Ильи, Никиты и Карпа Полищук, никакой живности не имели. О том, что в сёлах было много безлошадных, наглядно видно из итогов Конной переписи. В 1886 году в Ашабово числилось 514 хозяйств. Из них 249 - безлошадные, зато у Кушхова Шамяля было 106 лошадей, у князя Атажукина Эдыка - 85, у Бацева Шамяля - 83, у Шогенова Хату - 55, у Канкулова Хачима - 50. Около 200 хозяев имели по 1-2 лошади.

Заложенное в конце 1884-го или в начале 1885 года поселение баптистов в 1887 году по императорскому указу получило название «Хутор Атажукинского товарищества» и в административно-полицейском отношении приписано к Атажукинскому сельскому правлению. В 1907 году его по императорскому указу переименовали в Баптистский хутор и Харченко Нестора избрали старостой.

Вначале даже самые богатые жили во времянках - турлучных хатках, обмазанных глиной, или в полуземлянках. Для сооружения времянок годились стволы и ветки верб и кустарников. Для постройки домов, сараев и амбаров новосёлы, не спеша, заготавливали стройматериалы. Их покупали в Пятигорске или в соседних аулах Ашабово, Бабуково и в станице Зольской. Довольно скоро был построен

кирпичный завод и приобрётён пресс для изготовления черепицы.

Целинная земля давала невиданные для украинцев урожаи, особенно кукурузы, выращивать и использовать которую новосёлов научили кабардинцы. Близость курортного Пятигорска благоприятно действовала на развитие села и обогащение хозяев, с большой выгодой поставлявших курортникам свежее молоко, молочные продукты, мясо. А также овощи, которых в дореволюционное время местное население не выращивало. Как-то отец мне показал один дом, где жила богатая вдова, любительница свежих молочных продуктов. Оказывается, отец, будучи батраком, по заданию хозяина за 25 верст успевал к завтраку принести этой барыне свежее молоко, сметану и творог!

В хуторе, как грибы после дождя, выросли саманные, а у зажиточных кирпичные или саманные с кирпичной облицовкой просторные дома, конюшни, сараи, амбары для зерна. У самых богатых (Балабан, Николаенко, Дьяченко, Токаренко, Погарецкий и другие) дома были покрыты жстью, в том числе и оцинкованной. Собственное производство черепицы позволило селянам отказаться от соломенных крыш даже для сараев.

С каждым годом всё выше поднимались сады, и во время моего детства из-за разросшихся груш и яблонь даже больших домов не было видно. Хутор рос за счет отделения молодых семей от родителей и новых переселенцев.

К 1900 году в нём было уже 34 хозяйства (112 мужчин и 101 женщина). 1 июня того года группа селян (Третьяк Дмитрий, Балабан Григорий, Погарецкий Иван, Кушнарченко Дмитрий, Добротворский Фома, Якушкин Трофим, Дьяченко Андрей, Крижановский Александр, Ягодзинский Павел, Токаренко Тимофей и Харченко Нестор) взяли в банке кредит - 30 330 рублей. На них они приобрели 456 десятин казённой земли по правому берегу 4-й Золки, которую старожилы до настоящего времени называют Казённой. Она впадает в Большую Золку у современного села Светловодское.

Кредит был взят с условием выплаты по 796 рублей 17 копеек 1 апреля и 2 октября в течение 55-ти с половиной лет. Всего 111 платежей по установленной сумме. Банк был уверен, что состоятельные крестьяне долг выплатят. К тому времени у Якушкина имелось 6 лошадей и 22 головы крупного рогатого скота, у Харченко 8 и 18, у Дьяченко 5 и 22, у остальных было по 2-4 лошади и по 5-8 голов крупного рогатого скота. Из-за отсутствия данных не известно как разделили приобретённую землю. Известно лишь, что до революции у Токаренко Павла было 50 десятин пахотной земли, а у Балабана Захара Григорьевича в два раза больше.

Эти поля, на которых работали многие батраки, давали хорошие урожаи, и хозяева, используя дешёвую рабочую силу, заметно богатели. Некоторые из кулаков были невероятно жадными! Обычно во время религиозных праздников пастухам дарили пироги, куличи, варёные яйца... Зачастую хозяйка, у которой была только одна коровушка, дарила больше, чем Николаенко, выгонявший со двора 12 коров.

Скряги накапливали капитал и держали его без пользы для семьи в кубышках. Дмитрий Чередниченко, у которого было три сына и несколько дочерей, и дом построил просторный, и в тайне от членов семьи запрятал «на чёрный день» клад ассигнаций, золота и серебра. Сыновья догадывались, что отец, держа семью на скромном пайке и экономя на одежде для детей и внуков, прячет от них деньги. Но никто не мог выяснить, где он их таит. Умирая, старый Дмитрий пытался сказать сыновьям, где его клад, но не мог выговорить ни слова. Лишь через много лет его сын Иван стал ломать старую времянку и неожиданно обнаружил кувшин с деньгами. Сохраняя тайну от братьев, нашедший клад сжёг уже не нужные «катеринки», а золотишко и серебро поменял на советские деньги не в Пятигорске, а вдали от него. Лишь через много лет жена Ивана проговорила о том, что детей она одела за сбережения их деда Дмитрия.

И Павел Токаренко припрятал кувшин с золотом и серебром. Об этом знали многие, но для односельчан так и осталось тайной, где он закопал его. Ходили слухи, что хозяин, вернувшийся после войны из Сибири, сам тайно выкопал свой клад.

Село разрасталось, к ранее названным добавились Антоненко, Борщенко, Волченко, Гнедов, Ефременко, Глушенко, Кириченко, Котовский, Крамарь, Кобзарев, Лошаченко, Лысохмар, Микулин, Каплаухий, Скорик, Степаненко, Федоренко, Яценко... Большинство из них пополнили ряды небогатых крестьян. К началу советской власти в хуторе, который в 1922 году получил название села Зольского, было уже около 70 дворов.

Гражданская война на Баптистский хутор особого влияния не оказала. Баптисты по своим религиозным убеждениям не берут в руки оружия, поэтому их среди сражающихся почти не было.

Воевал ли кто на стороне белых, не знаю, но несколько человек против них сражались. Мой дядя Карп Александрович, Иван Григорьевич Кравченко и сын хуторянина Гнедова воевали в составе Красной Армии, а один из Ягодзинских был красным партизаном. Карп Полищук погиб при обороне Царицина, Кравченко после войны был председателем сельсовета, а затем колхоза «Маяк». А Гнедов, по слухам, где-то в Сибири служил в Красной Армии и дослужился до высоких чинов.

Считая, что всякая власть от бога, хуторяне советскую власть приняли довольно спокойно. Вскоре после её установления в селе образовался Комбед, занимавшийся вопросами улучшения положения батраков и бедных селян, а также отряд ЧОН (Части особого назначения). Помню, как командир этого небольшого отряда Чередниченко Александр обучал молодых ребят строевой подготовке и обращению с оружием. В сельсовете, располагавшемся в небольшом доме рядом со школой (кирпичное здание, построенное как молельный дом в 1910 году), в специальной пирамиде стояло 8 винтовок, а рядом - железный ящик с патронами. Ключ от ящика хранился у секретаря сельсовета.

Удивительно, но винтовки никто не охранял. В те годы мы, детвора, часто находили винтовочные патроны. Ребята постарше, когда секретарь куда-то отлучался, брали винтовку и стреляли по воронам. Даже я однажды заполучил в руки винтовку и пальнул из неё, свалившись назад от отдачи.

Уместно заметить, что в селе воровства не было. Не помню, чтобы запирались на замок дома, школа, изба-читальня. Только лавки запирались, но сторожей возле них не ставили. В Зольском обслуживали покупателей кооперативная лавка у двора Николаенко (позже Нахушева) и частная во дворе Оксаненко (позже Эльчапарова), недалеко от школы. Борясь за покупателей, продавцы старались обслуживать их лучше. У Оксаненко все товары были чуть дороже, зато у него можно было взять нужное в долг и в любое время суток. В один из летних вечеров мама обратила внимание на то, что в лампе керосина нет. Она дала мне 16 копеек (15 на три литра керосина и одну копейку на две конфетки) и послала в лавку. Я побежал в кооперативную, но она уже была закрыта. Помчался к Оксаненко. Он работал во дворе. Увидев меня с бидончиком для керосина, хозяин оставил свою работу и пошёл в лавку. За мои 16 копеек он налил 3 литра керосина, но я остался без конфеток.

В селе появились большая молотилка, её приобрел Николаенко, и одноцилиндровый дизель, купленный Павлом Токаренко. Он приводил в действие молотилку, а зимой - небольшую мельницу. На полях появились косилки, заменившие косарей и жниц, лобогрейки и чудо техники докомбайнового периода - жатки-самосброски и жатки, которые не только косили, но и связывали скошенное в снопы. Но на небольших полосках бедняков до самой коллективизации хлеб убирали вручную: жали серпами или в лучшем случае косили косами. Убранный хлеб связывали в снопы, укладывали в специальные копны для просушки, а затем привозили во дворы для обмолота. Самые бедные, расстелив снопы на чисто подметённом дворе, обмолачивали их деревянными цепями. Те, кто побогаче, обмолачивали снопы специальным каменным катком. Его, тяжёлый и ребристый, по разложенным на току снопам таскали лошади или волы. Самые богатые свой урожай обмолачивали молотилкой.

После уборки колосовых на всё село начинал «чмыхать» дизель - его называли просто мотор - раздавался мощный гул молотилки, начинавшей свою работу во дворе Никифора Николаенко. Сам он не сеял, не косил и не молотил. На него гнули спины батраки, а во время молотьбы и многие из тех, кто после обмолота брали его молотилку в свои дворы. Ребятам было очень интересно наблюдать, как 6 пар сильных волов тащили молотилку в другой двор, и ещё пара волов или тройка лошадей тянула вслед мотор. И вновь на всю округу неслось «Чмых! Чмых!» дизеля и «Гов-в-в! Гов-в-в!» молотилки. Мы, детвора, готовы были целыми днями крутиться вокруг молотилки и мотора, особенно в тех дворах, где работали наши отцы и матери, и где хозяйки не жалели для нас куска хлеба, борща или чего-нибудь вкусненького. Бывало, в таких дворах мы даже засыпали на свежей соломе. Прошло уже 80 лет, а я помню бабушку Крамареву, которая накормила меня борщом, дала кусок пирога с фасолью, а затем и уложила спать в саду.

В Зольском противоречия между бедными и богатыми не были так заметны, как в других местах, где закабалённые бедняки жгли поместья своих эксплуататоров, а те с помощью полиции и войск расправлялись с непокорными, пороли их, сажали в тюрьмы и ссылали в Сибирь. Но в душах бедняков накапливалось недовольство, и лишь вера, требовавшая любить ближнего и прощать обиды тем, кто их нанёс, сдерживала взрыв недовольства.

Советская власть внесла в жизнь села много нового и способствовала выходу наружу

недовольства бедноты. Уже в 1926 году сельский Комбед принял решение о высылке из села кулака Павла Токаренко. В составленном 23 октября 1926 года акте отмечалось, что П. Токаренко до 1917 года владел 50 десятинами земли и «имел кабальные отношения с окружающим населением». Летом 1927 года был выслан Кушнарченко (Кушнир). Тогда я впервые увидел большую грузовую автомашину, на которой увезли его семью, как тогда говорили, «на Соловки».

Многим навсегда осталось неясным, почему выслали не самых богатых.

1927 год памятен многими важными событиями. Весной того года зольчане доверили сельское стадо, более 250 коров, моему отцу, Илье Александровичу Полищуку. Он вызвал из Шендеривки 15-летнего племянника Васю, так как требовался и подпасок. Вторым подпаском стал мой брат Саша, которому шел 8-й год.

Летом того года в ряде сёл начались выступления недовольных раскулачиванием и высылкой кулаков за пределы Кабардино-Балкарии. Вблизи Зольского не было слышно стрельбы, но над селом в сторону Каменноостского стали летать самолёты и в сельсовет начали привозить со стороны гор трофейное оружие: винтовки, в том числе английские и бельгийские, пулемёты и даже бомбомёт на колесиках. Я на правах сына уборщицы сельсовета вертелся вокруг этого оружия и однажды, когда там никого не было, решил заглянуть в ствол бомбомёта. Голову туда сунул, а вытащить не мог. Пятясь назад, я выкатил за собой то страшное орудие. Под хохот мужчин, находившихся во дворе, меня освободили от его железных «объятий».

В 1927 году группа зажиточных крестьян (братья Дьяченко, братья Погарецкие, Ягодзинский Фёдор и Волченко Моисей) объединились в ТОЗ (Товарищество по совместной обработке земли), приобрели американский трактор «Фордзон» и стали совместно обрабатывать свои поля. Появление того трактора, за рулем которого сидел бывший питерский рабочий, коммунист Моисей Волченко, стало выдающимся историческим событием!

Стоит отметить, что «Фордзон» был лучшим среди всех тракторов, работавших в сельском хозяйстве, а этот ТОЗ стал началом создания колхоза «Маяк», одного из первых в Нагорном районе Кабардино-Балкарии.

Уже говорилось, что жители Зольского спокойно приняли советскую власть и новые праздники отмечали так же активно, как и религиозные. В 1927 году к 10-летию советской власти селяне собирались особенно торжественно провести день 7 ноября. В то же время затаившиеся её противники к осени стали распространять слухи о конце света к 10-летию Октябрьской революции, ссылаясь на предсказания Библии. Помню, как к соседке, у которой собралось несколько женщин, пришла незнакомая сектантка, которая, манипулируя 15 спичками, доказывала, что грядёт конец света. Сначала из спичек она составила «сатанинское» число 666, а затем из тех же спичек сложила слово СССР, а потом - СТАЛИН... Утверждая, что СССР и его руководитель Сталин - творения сатаны, плутовка предвещала близкий конец света и советовала готовиться к нему, а не к празднованию дня Октября. Думаю, что в те дни не только эта «вещунья» ходила по селу, но всё равно 6 ноября в школе негде было яблоку упасть - полсела пришло на торжественное собрание! Открывая его, Волченко Моисей отметил, что благодаря советской власти в Зольском в недалёком будущем появится электричество, радио, клуб с кино, средняя школа и больница, на полях будут работать трактора и комбайны, которые сразу же станут молотить скошенный хлеб. Через село проведут хорошую дорогу и пустят трамвай до Ашабово.

Кто верил словам коммуниста, а кто и не верил. Но жизнь показала, что Волченко был прав. Лишь одно его предсказание не сбылось - трамвая в Зольском нет, зато селяне получили то, о чём и не мечтал бывший путиловец - телевидение и газовое отопление.

7 ноября утром в центре села собрались сотни взрослых и детей. Волченко Моисей восседал на тракторе, над которым развевался красный флаг. К трактору были прицеплены три подводы, на которые усадили старушек и детей. В 10 часов праздничная колонна от школы двинулась по улице вверх, в сторону села Залукодес. За трактором, тянувшим подводы, двигалось еще с десятков подвод, на которых везли котлы, дрова для костра, продукты и т. п. За этим обозом шли сотни людей.

Под аккомпанемент гармошки молодежь пела революционные песни: «Мы кузнецы, и дух наш молод», «Наш паровоз», «Смело мы в бой пойдем за власть советов» и другие. Когда праздничная процессия прибыла к кургану, стоящему у слияния Центральной и Южной Золок, состоялся митинг, праздничный обед, игры и соревнования по стрельбе, в том числе стрельбе по тарелочкам.

Многие годы селяне праздновали на этом кургане и день 1 Мая, и день 7 ноября.

Осенью наша семья «забогатела», как говорили в селе, - на заработанные деньги отец в Пятигорске купил очень хорошую серую корову, которая давала в день до 40 литров жирного молока.

Зима с 1927 на 1928-й год выдалась суровой. В одну морозную ночь на небе даже появились сполохи северного сияния, что очень удивило селян, а затем начались снегопады и метели. Нашу полуземлянку засыпало снегом полностью. Отцу приходилось прокапывать в снегу тропинку от дверей, а от окошек щели, чтобы в комнату проникал свет.

Сильные морозы и снежные заносы заставили зайцев ночами посещать сады и обгрызать деревья. Волки большими стаями подходили к Зольскому, ночами заходили во дворы и приносили людям немало беды. Участились нападения волков на людей.

Мимо нашей хатёнки проезжали все, кто из Малки или Камлюково ездил в Пятигорск на базар или по каким-то делам. Однажды вечером к нам погреться зашёл знакомый кабардинец, возвращавшийся из Пятигорска в Камлюково. Уже стемнело, и отец, опасаясь за его жизнь, стал спрашивать его остаться у нас ночевать. Однако камлюковец решил ехать домой. Через некоторое время, ложась спать, мы услышали его крик со стороны холма, на который он успел подняться. Несколько парней на конях с ружьями помчались на выручку несчастному. Но помощь опоздала. Большая стая хищников очень быстро растерзала лошадей и человека. На месте трагедии вокруг саней лежали только кости.

В 1928 году в нашем селе был организован колхоз «Маяк», в который вошли бедняки и середняки. Никого в колхоз не загоняли, как об этом пишут некоторые историки. Более того, вначале принимали не всех желающих. В 1928 году и нашу семью в колхоз не взяли потому, что у нас не было ни земли, ни тягла. Отец и на 1929 год оставался пастухом, а зимой добился выделения нам 3-х гектаров земли недалеко от Казённой Золки. По совету товарищей весной 1929 года отец договорился с одним единоличником, который вспахал наше поле и засеял его яровым ячменём. Только осенью 1929 года, когда колхозниками стало большинство селян, приняли и нас. В том году наша семья наконец-то переселилась в собственный домик. В начале 1929 года отец купил у Ильи Харченко небольшой огород с недостроенной хаткой. К осени её достроили, и мы, наконец, покинули нашу землянку.

В декабре 1929 года избрали правление колхоза, в которое вошли бывшая батрачка Дьяченко Татьяна, Чередниченко Иван и Дьяченко Николай. Кандидатами в члены правления избрали Палённого Ивана, Ягодзинского Григория и Яценко Василия. Избрали Совет колхоза в составе 16 человек и ревизионную комиссию. Её членами стали Добротворский Иван, Кравченко Анна и Полищук Илья, кандидатами - Микулин Василий, и Палённая Мария. В состав Совета колхоза вошли и члены ТОЗа.

Колхоз очень быстро завоевал авторитет. Уже 24 января 1930 года общее собрание рассматривало заявление десяти кабардинских семей из соседнего села с просьбой принять их в колхоз «Маяк». К сожалению, из протокола собрания, в котором приняли участие 98 мужчин и 78 женщин, не видно из какого села были они. В колхоз те семьи не взяли, вероятно, потому, что село, в котором они жили, отпускало их без выделения земли.

В том же январе на общем собрании приняли решение о сплошной коллективизации села и обобществлении тягловой силы и сельхозинвентаря. Разумеется, наиболее богатым хозяевам это не понравилось, они не спешили расставаться со своим богатством, особенно такие, как Николаенко. Появились слухи о выселении кулаков. По некоторым данным председатель сельсовета Добротворский Иван Фомич как-то в райисполкоме увидел список кандидатов на выселение и через надёжных людей сообщил об этом всем, кому оно угрожало.

В одну из летних ночей из Зольского бесшумно уехали Никифор Николаенко и Илья Харченко. К утру в их домах поселились жители села Заюково - бывший мулла Нахушев и Жигатов Шута. Вслед за ними в Зольском появились многие жители Заюково, Кызбуруна и Куркужина... Хашев Хазрет купил дом у Дьяченко Фёдора, Хуранов Темиркан - у Харченко Нестора, Нахушев Измаил у Погарецкого.

...Через несколько дней появились Емкужевы Заракуш и Касым, Нахушевы Исмель и Исуф, Маржохов Мусарби и другие.

Довольно быстро старожилы и новосёлы нашли общий язык, хотя многие кабардинцы не знали русского языка, а старожилы - кабардинского. Началось мирное доброжелательное сосуществование и обогащение обеих сторон от совместного проживания. Вскоре новосёлы вступили в колхоз «Маяк», включились в общественную жизнь Зольского. В ноябре 1930 года членами бригады по хлебозаготовке избрали и новосёлов Хуранова Темиркана и Емкужева Касыма, а в различные комиссии исполкома -

Емкужева Заракуша и Хашева Азамата. Председателем общего собрания села, состоявшегося 11 декабря 1930 года, был избран Емкужев Касым. В члены совета ввели Нахушева Исмеля, Хуранова Темиркана и Ворокова Оли.

На 25 октября 1930 года, к началу избирательной кампании, в Зольском числилось 688 жителей, из них избирателей - 367. На собрании членами исполкома наряду со старожилыми избрали Нахушева Исмеля, Шериева Сагат-Гери, Нахушева Рахмата, Хуранова Темиркана и Ворокова Оли, членами избирательной и ревизионной комиссий стали Жигатов Казибан и Емкужев Касым...

19 января 1931 года Емкужев Касым, Хуранов Пшикан, Каскулов Бей, Нахушев Назир и Хашев Хазрет стали учредителями Товарищества по совместной обработке земли, которое 7 февраля было зарегистрировано под названием «Красный партизан». В него вошли со своими семьями: Хуранов Темиркан Хизирович, Емкужев Касым, Батыров Лостан, Каскулов Пшикан Хамидович - 6 душ, Нахушев Башир Хазизович, Нахушев Иссуф Ахмедович, Лашев Мамиша Харисович, Дзиев Абдулах Гериевич, Емкужев Беслан Хамбиевич, Емкужев Зарашау Темирканович, Афаунов Булат Хажсетович, Жигатов Шута, Нахушев Исмель, Шаов Хажумар Кобанович, Купов Товен Гулович - 10 душ, Хамизов Исмаил, Дикинов Темиркан Мазанович, Хашев Назир Гарисович, Хашев Азрет, Карданов Хамид, Шурдумов Азрет Билостанович - 10 душ и Кускулов П. Х. - 9 душ.

30 января 1931 года председателем ТОЗа избрали Емкужева Касыма. Его заместителем Жигатова Шуту, кассиром - Нахушева Исмеля. Через несколько дней при участии представителя облисполкома состоялось собрание членов ТОЗа, на основе которого создавался новый колхоз. Представитель, знавший многих членов товарищества, категорически возразил против названия «Красный партизан», не отвечавшего действительности. После долгих споров согласились с названием «Коллективный труд».

Два колхоза разделили землю полюбовно. «Коллективному труду» досталось около 700 гектаров со стороны Псынадаха, «Маяк» - около 900 гектаров с Залукодесской стороны.

На первых порах «Маяк» во всём помогал новосёлам поставить на ноги свой колхоз.

Заселение кабардинцами никакой «революции» в Зольском не произвело. Люди продолжали мирно трудиться, вместе отдыхать и отмечать праздники, как советские, так и религиозные.

Особенно быстро подружились между собой дети. Кабардинцы научили русских играть в альчики и гонять чин. А старожилы помогли освоить лапту и чижику. Осенью 1930 года многие кабардинские мальчики поступили в школу. Со мной во 2-й класс пришли Нахушевы Назир, Хизир и Шагир, Шаов Мустафар, Хашев Хазеша и другие. Назиру было уже около 14 лет, а Шагир немного моложе. К сожалению, из-за незнания русского языка (а наш учитель Максим Филиппович не знал кабардинского), новички не справились с программой 2-го класса. Их зачислили в 1-й класс. Позже некоторые сумели только 4-й класс закончить, а Хуранов Толя, Хашев Хазеша, Шаов Мустафар, Шиков Таля и некоторые другие успешно закончили 7-й класс Зольской НСШ в 1938 году.

В 1930 году сплошная коллективизация в некоторых сёлах Нагорного района вызвала недовольство ряда жителей. Началось очередное восстание. Жители Зольского в восстании непосредственного участия не принимали, но, вероятно, имели связь с восставшими. Об этом говорит налёт группы восставших на Зольский сельский совет и захват всех руководителей села. То ли среди захватчиков были люди, не склонные к убийству, то ли захваченные сумели воспользоваться неопытностью тех, кому было поручено везти их в горы, но все трое арестованных к утру вернулись в сельсовет.

Некоторое время в Нагорном районе обстановка была сложной. В Зольском нашлись противники советской власти и колхозов, старавшиеся вытеснить из села «хохлов». Они под угрозой применения оружия заставляли некоторых старожилых продавать им дома и уезжать. Подвергались этому, в основном, бедняки. Мои родители не выдержали многодневного давления и вынуждены были продать нашу хатку за 1000 рублей и выехать на Украину, на родину мамы.

И на Украине, в селе Ново-Александровском в 5-ти километрах от станции Помошная, нас в колхоз не приняли из-за того, что у нас не было ни земли, ни лошадей. Мы сумели за 1000 рублей купить лишь небольшой дом с очень маленьким огородом. Родина мамы приняла нас неприветливо. Там мы с большими трудностями пережили голод 1933 года.

Голодный 1933 год задел и Зольское, но умерших от недоедания не было. Люди старались помогать друг другу, и даже нам, жившим далеко от села. За время пребывания на Украине отец трижды приезжал в Зольское и возвращался домой с мешочком кукурузной муки, подаренной ему

жителями.

В 1934 году зольчане, пережив тревожный 30-й и голодный 33-й год, попросили отца вернуться и вновь взять в руки пастуший арапник. К тому времени в Зольском установилась большая дружба между коренными жителями и новосёлами-кабардинцами. Зольчане даже вспоминать о тех днях, когда между старожилками и новосёлами не всё ладилось, не хотели.

В марте 1935 года мы вернулись в Зольское, и отец сразу же приступил к обязанностям сельского пастуха. Подпасками у него были мой брат Саша и я.

С годами колхозы села укрепились, богатели колхозники и даже такие, как Жигатов Шута, бывший заюковский кулак, активно работали в колхозе и не сожалели о вынужденном переезде в Зольское и потере имевшихся у них отар овец и лошадей. И «Маяк», и «Коллективный труд» построили хорошие колхозные дворы, бригадные станы, фермы. Большая заслуга в укреплении колхоза «Коллективный труд» принадлежит первому парторгу Казанчеву Мате. Мата был организатором и непосредственным участником строительства штаба колхоза, просторного колхозного двора, мельницы, бригадного стана. При нём заметно выросла парторганизация, повысилась дисциплина. Мата был образцом партийного работника ленинского типа, скромным, но требовательным к себе и к людям человеком, не знавшим ни выходных, ни отпусков.

Казанчеву активно помогали бывшие красные партизаны Хуранов Темиркан, Маржохов Мусарби и Камбиев Лапыт. Камбиев Лапыт потом стал одним из руководителей Карачаевского обкома партии. Но во время репрессий 1937-1938 годов, как и уважаемый в Зольском Хуранов Темиркан, он был несправедливо арестован и казнён.

Серьёзные перемены в жизни зольчан произошли в 1935 году, когда село стало центром образованного Зольского района. С этим событием связаны телефонизация и радиофикация села, гравийное покрытие улицы, тротуаров и дороги Пятигорск-Малка через нынешнее Светловодское и Зольское, открытие автобусного сообщения Пятигорск-Нальчик через Зольское, появление в селе отделения связи, больницы и столовой. Эти перемены благотворно действовали на повышение общей культуры селян.

Во многих домах появились грамотные квартиранты: работники райцентра от рядовой секретарши Райземотдела до секретаря Райкома Партии и председателя Райисполкома. Появилась своя сельская интеллигенция: телефонистки и секретарши, монтеры и шофера, комсомольские работники и почтовики... В том же 1935 году Зольская ТПКМ (школа крестьянской молодежи), просуществовавшая один год, была преобразована в Зольскую НСШ (неполно-среднюю школу). Первым её директором назначили Гаенко Даниила Лукича, преподавателя русского языка и литературы.

В 1937 году состоялся первый выпуск из 7-го класса школы. Свидетельства получили Борщенко Анатолий, Добротворские Люба и Николай, Ефременко Павел, Коваленко Иван, Каплаухова Шура, Кучеренко Маша, Кобзарева Валя, Осадчая Катя, Полищук Иван. А также Токаренко Шура, Палённая Дуня, Оксаненко Владимир, Резников Павел, Андрей, Надя и Фёдор Чередниченко, Якушкин Павел, Лошаченко Владимир...

Из первого выпуска в годы Отечественной войны погибли Ефременко Павел, Якушкин Павел и партизанка Добротворская Любовь.

Борщенко Анатолий, Коваленко Иван и Полищук Иван командовали взводами и ротами и закончили войну капитанами. Уже во втором выпуске было много ребят-кабардинцев, добившихся впоследствии успехов в жизни и принёсших своему селу славу. Среди них Хуранов Анатолий, ставший полковником авиации, Хашев Хазейша, лётчик, после войны возглавлявший Зольский Райземотдел, а затем Кабардино-Балкарский Обком профсоюза работников пищевой промышленности; лётчик Шаов (Бирсов) Мустафар, в мирное время возглавлявший Терский и Баксанский райкомы партии и родной колхоз «Зольский».

1 августа 1939 года в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, в которой приняли участие и делегации колхозов «Маяк» и «Коллективный труд», возглавляемые председателями И. Кравченко и И. Нахушевым.

Нападение Германии на Советский Союз жителями Зольского было встречено всеобщим возмущением и подъёмом патриотизма. В первый же день мобилизации 23 июня в армию ушли десятки добровольцев. Одним из первых стал бригадир тракторной бригады Хуранов Мусаби Патунович. Это он в 1927 году пригнал в село Куркужин первый «Фордзон» и был первым трактористом «Коллективного

труда». Мусаби Патуновичу довелось в войну дойти до Победы, а затем воевать в Китае до капитуляции Японии. Только в конце сентября 1945 года он вернулся в Зольское и вновь работал в тракторной бригаде. Славный ветеран умер в 1987 году.

Из Зольского на фронт ушло 134 человека, в том числе две девушки: Маснуха Людмила Петровна и Добротворская Анна Михайловна. Старшая сестра Ани, Люба, сотрудница Зольского Райкома Комсомола, была партизанкой Эльбрусского партизанского отряда. Её в декабре 1942 года в Пятигорске казнили фашисты. Домой вернулись 72 защитника Родины, половина из них - инвалиды. В списках погибших 62 человека. Судьба одного, Каракана Тленкопачева, неизвестна. Среди войны от него, бывшего тогда на фронте, перестали приходить письма, в списках потерь личного состава он не числится.

Зольчане воевали на всех фронтах, воевали не хуже других, о чём говорят их награды. Среди защитников Ленинграда был танкист Кучеренко Пётр Петрович, удостоенный трёх орденов «Красной Звезды» и ордена Отечественной войны. С такими же наградами, но без ноги вернулся с фронта отважно воевавший Яков Никитович Митяшкин.

Водитель танка Т-34 Лошицкий Николай Захарович награждён тремя орденами Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны. Среди защитников Сталинграда были Шаов Мустафар, Аня Добротворская, Анатолий Хуранов. Морской пехотинец Бовт Николай, награждённый тремя орденами, защищал Одессу и Севастополь.

62 жителя Зольского не вернулись с полей сражения, их могилы остались на просторах России и Украины, на Северном Кавказе и в Прибалтике, в странах Европы и в Китае.

Усилиями братьев Полищук - Ивана и Александра, Анатолия Муратовича и Хасанби Темиркановича Хурановых составлены списки не вернувшихся с войны и вернувшихся живыми. Списки публикуются в конце исторического очерка.

... Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в Зольском, бывшем под оккупацией с 10 августа 1942 года по 10 января 1943 года, произошли большие перемены. В 1948-1949 годах райцентр из Зольского перенесли в село Залукокоаже, через несколько лет два колхоза объединились в один - «Зольский». Его несколько лет возглавлял Шаов Мустафар, а затем около 30 лет - Кануков Аскер.

В 1946 году ещё одно важное событие произошло в Зольском - открыли среднюю школу. В 8-й класс пошли не только выпускники 7-го класса местной неполно-средней школы, но и ребята из Псынадаха и Залукодеса. Из-за трудностей первых послевоенных лет в 1949 году только четыре десятиклассника получили Аттестаты зрелости. Среди них были Мария Камергоева и Эльчапаров Музрач. Они впоследствии стали учителями родной школы. Мария Камергоева стала Елкановой, выйдя замуж за директора школы Самсудина Елканова.

В 1950 году состоялся второй выпуск. Выпускники 1950 года прославили не только Зольское, но и республику. Все они закончили ВУЗы и стали видными людьми. Мисхожева Мария, Кабечкий Леонид, Зайцева Нина и Кузнецов Борис работали учителями. Хазретали Хоконов стал профессором КБГУ, доктором физических наук, а Темботов Асланби профессором КБГУ, доктором биологических наук. Из 3-го выпуска все вышли в люди. Темботов Башир стал преподавателем химии в КБГУ, а Якушкина Лида учительницей родной школы. Выпуск 1952 года может гордиться Беляковым Августом Николаевичем, дослужившимся до полковника, и писателем Кириюхиным Валерием.

Небольшое село Зольское и его школа вырастили много замечательных, известных за его пределами людей. Это полковники Советской Армии Борщенко Анатолий Иванович, Лошаченко Михаил Федосеевич и Палённый Николай Иванович, писатель Мухамед Маржохов (Тенгиз Адыгов), один из руководителей Кабардинского обкома КПСС Жигатов Александр Азаматович, секретарь Зольского райкома КПСС Шиков Ильяс Табишевич, директор Нальчикского авторемонтного завода, доктор социологических наук Хамизов Ахмед Хусейнович, кандидат химических наук Дзиев Алубекир Дулахович, подполковник госбезопасности Митяшкин Владимир Яковлевич и его брат Виктор - героический подполковник морской авиации...

А семья Мухаммеда Хашевича Макитаева дала четырёх сотрудников правоохранительных органов: Старший сын Ауэс стал полковником милиции, Руслан - подполковником, Мухажир - участковым милиционером села Зольского, Муаед - сотрудником МВД...

Хорошую память о себе оставили: участник гражданской войны, председатель колхоза

коммунист Хашев Азрет; секретарь парткома колхоза Кумыков Казбек Талович; прокурор района Емжуев Билял Талович; командир стрелкового батальона, бывший секретарь Зольского райкома ВЛКСМ Маржохов Мухамед Мусарбиевич, погибший в 1944 году при освобождении литовского города Шяуляя.

Добрый след оставили генеральный директор КабБалкторга Шурдумов Мухаммед Азретович, начальник управления карьеров Жигатов Сафарби Азаматович, полковник внутренних войск Хуранов Хасанби Темирканович, знатный механизатор, депутат Верховного Совета КБАССР Хуранов Мустафар Пшиканович. А также колхозные агрономы Маснуха Петр Васильевич и Кумыков Казбек Талович; секретарь райисполкома капитан Коваленко Иван Антонович; директор Зольской школы кавалер двух орденов Славы Якушкин Виктор Андреевич...

Разные судьбы людей, и по-разному они остаются в памяти народной. К людям драматической судьбы относится Мухамед Апшев, которого в августе 1942 года вопреки его воле немцы назначили старостой села. Несмотря на то, что за время оккупации он не выдал фашистам ни одного односельчанина, при отступлении оккупантов он, опасаясь ареста, ушёл с ними. В 1945 году в Австрии он был арестован, и его под охраной везли в Кабарду. Уже на территории СССР Апшев бежал, добрался до Дальнего Востока, где 5 лет работал на приисках. После этого он вернулся в Зольское, пришёл в милицию с сообщением о добровольной явке. Во время суда над ним жители села выступали в его защиту. Говорили, что он не сотрудничал с гитлеровцами. Однако за побег в 1945 году его осудили на 10 лет. Мухамед Апшев стойко отбыл свой срок и, возвратившись домой, до конца жизни добросовестно работал в народном хозяйстве.

Тяжела судьба семьи Маша Османовича Тленкопачева. Его, как и Ивана Григорьевича Кравченко, немцы заставили быть председателем колхоза. И. Г. Кравченко стал председателем колхоза «Маяк». А Маш Тленкопачев возглавил «Коллективный труд». Хотя Маш Османович старался оберегать в первую очередь семьи, главы и сыновья которых воевали против фашистов, после освобождения Зольского его засудили «за сотрудничество с оккупантами». Ему, отцу двух отважных защитников Родины - Каракана и Башира, дали 10 лет, а районные начальники даже пытались его жену Гашалину и сына Шагира выслать из села. Лишь помощь Маршала Советского Союза Жукова и некоторых работников госбезопасности спасли семью Тленкопачева от высылки. Маш Османович через 5 лет по амнистии был освобождён, вернулся в Зольское и работал в колхозе. Умер он 18 июня 1970 года, а ровно через 8 месяцев, так и не узнав о судьбе сына Каракана и места захоронения Башира, скончалась и Гашалина.

...После войны в Зольском построена новая школа, здание правления колхоза, установлен памятник погибшим в годы войны односельчанам, на месте старых хат построены просторные дома, к селу и по его улице проложен асфальт.

В прежние годы каждый горец знал своих предков до седьмого колена, помнил о его делах, строго соблюдал традиции и обычаи своего народа и отважно защищал родину.

Будем надеяться, что потомки строителей и защитников Зольского, воспринимая новые достижения цивилизации, сохранят всё доброе, позволившее их предкам жить в дружбе и согласии, трудиться на благо Родины и защищать её от завоевателей. Пусть потомки старожилов своими достижениями в труде, науке и искусстве укрепляют добрую славу о своём селе и, вырастив на берегах Золки новый лес, вернут основание, послужившее поводом к названию села - Зольское, что по-русски значит - Вербное.

1999-2009 гг.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗОЛЬСКИХ ПРОСТОРОВ

В конце 19-го столетия на просторных степях и сенокосах от реки Малки до озера Тамбукан кроме станицы Зольской, монастыря Хомяковой и хутора Атажукинского товарищества (ныне Зольское) населённых пунктов не было. Царское правительство, защищая интересы князей и коннозаводчиков, не позволяло создавать на Золке новые поселения.

В то же время для быстро растущего населения кабардинских аулов на Куме, Малке и Баксане необходимы были новые земли. Кабардинцы настойчиво добивались разрешения поселиться на

благодатных просторах между Тамбуканом и Малкой.

Первыми в начале 20-го столетия такого права добились несколько семей, живших на реке Кума. Я думаю, что этому содействовали казаки станицы Суворовской, заинтересованные в расширении своих полей. Как бы там ни было, но кабардинцы получили право перебраться на Золку и в 1904 году основать свой аул Абукохабль в четырёх верстах от станицы Зольской, но не на берегу, а в четверти версты от речки. В 1922 году при переименовании населённых пунктов он стал селом Залукокоаже.

Склоны Джинальского хребта в пределах Нальчикского округа площадью около 150 тысяч десятин, оставаясь «казённой» собственностью, были общественным пастбищем для скота кабардинских крестьян. В начале 1913 года князя и коннозаводчики сумели «приватизировать» эти земли. Весной, когда крестьяне малкинских, баксанских и чегемских аулов пригнали к Золке свои стада, их встретили вызванные новыми хозяевами пастбищ войска и не допустили стада на традиционные места выпаса. Этот произвол князей явился причиной крестьянского восстания 1913 года, в котором участвовало 12 тысяч человек. Восстание было беспощадно подавлено, чистая родниковая вода Золки вновь обогрилась от крови кабардинской бедноты.

После установления советской власти в Кабардино-Балкарии пастбища на склонах Джинала вновь стали общественными, а на берегах Золок начали создаваться новые сёла.

Одним из первых появилось Светловодское. До революции на месте нынешней Куба-Табы был хутор Русский Куркужин. В 1918 году Даутоков-Серебряков уничтожил его, а жители разбрелись по Кабарде. В 1921 году они обратились в правительство Кабардино-Балкарской Автономной области с просьбой выделить им землю для строительства нового села. Руководство области выделило бывшим куркужинцам полторы тысячи гектаров земли у слияния Большой и Четвертой Золки, в двух километрах от Абукохабля. Село в 1922 году получило название «Светловодское», что соответствовало местности, богатой родниками с прозрачной водой.

До революции осетинское село Лескен-1 входило в состав Нальчикского округа. Когда решался вопрос о выходе Кабарды из состава Горской республики, большинство жителей Первого Лескена на общем сходе решило оставаться в Горской республике, а несколько семей во главе с Тазретом Макоевым решили переселиться в Кабарду. Для их хутора правительство Кабардино-Балкарии выделило участок земли на правом берегу Золки напротив Светловодского. Дюжина осетинских семей довольно быстро обосновалась под крутым склоном холма. В память о родине осетины дали своему хуторку интересное название - Лесгорье. Выше Светловодского на правом берегу Большой Золки появилось немецкое село Бруненталь.

В 1922 году на Четвёртой Золке в 4-х километрах выше Зольского переселенцы из Сармаково (Бабуково) основали село Залукодес, а в двух километрах ниже Зольского переселенцы из Малки (Ашабово) и Заюково (Атажукино-1) построили два села. На левом берегу Золки у очень красивого родника появилось село с соответствующим названием - Псынадаха, а на правом берегу - село Батех. В эти же годы на левом берегу реки Малки образовалось село Камлюково.

В 1926 году переселенцы из Сармаково у слияния Большой и Четвертой Золки основали Шардаково, а в 1928 году переселенцы из Малки основали небольшое село Это ко на левом берегу одноимённой речушки в двух километрах южнее озера Тамбукан.

Заселение Зольских просторов продолжалось и в последующие годы. В 30-х годах у Малкинского конезавода № 34, построенного ещё в дореволюционное время, появился посёлок Малкинской машино-тракторной станции, ставший селом Приречным, а вокруг отделения конезавода в 8-ми километрах выше Шардаково - село Белокаменка. На Второй Золке в 3-х километрах от Залукодеса построили небольшой посёлок штаба Зольских пастбищ. Там существовал молокоприёмный пункт, куда с ферм, расположенных на благодатных пастбищах, привозили молоко и перерабатывали в хороший сыр, в том числе и голландский. В 60-х годах этот населённый пункт разросся. На карте Кабардино-Балкарии появился новый посёлок Джинал.

Уже перед войной на левом берегу реки Кичмалка в 10 километрах от села Каменномостское (бывшее Кармово) основано село Кичмалка, где поселились жители аула Шыки, находившегося в верховьях Черка Безенгийского.

В 70-80-х годах сёла Зольского района, в том числе и новые, были электрифицированы, телефонизированы, радиофицированы и газифицированы. Хорошие асфальтированные дороги соединили все населённые пункты и даже Зольские пастбища со столицей республики, почти во всех

селах были открыты средние школы. Работали клубы и библиотеки, районная и ряд сельских больниц. На Зольской земле выросло новое высокообразованное поколение тружеников, а колхозные и совхозные поля, где в недавнем прошлом росли кустарники, дикая конопля и густые травы, стали давать высокие урожаи сельскохозяйственных культур.

За два десятка лет дикая степь заполнилась населёнными пунктами, расцвела садами и широкими полями пшеницы, кукурузы, подсолнечника... И Зольщина стала давать республике свой полновесный каравай!

2005 г.

КУРГАНЫ

В степях и на холмах Зольского района в своё время высилось много курганов. Большинство - малые, полтора-два метра высотой. То были древние захоронения не очень знатных представителей племён, обитавших в наших краях. Как-то по инициативе одного любопытного парня мы, мальчишки, вырыли на вершине низенького кургана яму глубиной около метра и обнаружили в ней лишь один скелет человека. Мы тут же засыпали яму и зареклись говорить о нашем недобром поступке.

Ещё в начале советской власти такие курганы стояли целыми. На них росли высокие травы. С созданием колхозов, получивших трактора и мощные плуги, курганы начали распахивать. К настоящему времени только старожилы могут найти следы бывших могил (украинцы все курганы называют могилами).

Некоторые высокие курганы служили древним обитателям сторожевыми вышками, как находящийся на полпути между Малкой и Псынадахой (высота 663), или Красивый Курган (высота 657) в двух километрах южнее Залукокоаже. На таких курганах в древности были сторожевые посты с запасом горючего материала. При наступлении врага сторожевики зажигали костёр. Увидев пламя или дым, на соседнем кургане, тоже зажигали костёр, и уже через час за сотни километров становилось известно, что с такой-то стороны идёт враг.

Среди высоких курганов были и могилы знатных людей. Многим известен малкинский курган, стоящий в 100 метрах от шоссе Нальчик-Пятигорск. На его вершине долгое время стояла беседка, с которой туристы любили обозревать кавказские горы от Эльбруса до Казбека. В конце 20-х годов прошлого века археологи раскопали этот курган, оказавшийся могилой скифского царя. Мой старший товарищ Анатолий Борщенко при раскопках служил у археологов водовозом. По его рассказам царя похоронили сидящим на золотом троне. У его ног лежали скелеты 6 его жён, 6 телохранителей и нескольких лошадей. Скифы считали, что и на том свете царю нужны жёны, телохранители и лошади. После окончания школы я вычитал в одном из журналов сообщение о том золотом троне. В статье говорилось, что его из Кабарды отвезли в Ленинград.

В детстве, когда мы с отцом пасли сельское стадо коров, меня очень интересовал курган, стоящий в 5 километрах южнее села Зольского. Издалека было видно, что на том кургане (высота 835) есть какая-то могила. От отца я узнал, что там похоронен известный абрек Мамыш, уважаемый народом. Как рассказывали старики, в начале прошлого столетия в Бабуково (Сармаково) жил отважный джигит Мамыш из небогатой семьи. Однажды во время танцев сын князя пытался отбить у парня девушку, которую тот любил. Мамыш воспротивился этому. Тогда княжич оскорбил и плетью ударил парня. Гордый джигит не мог вынести такого оскорбления и убил наглеца. В тот же вечер он тайно покинул родной аул. Вскоре в районе Пятигорья появилась небольшая группа абреков, которая нападала на состоятельных людей. У них отбирали деньги и ценности, но никого не убивали. Большую часть отобранного атаман Мамыш раздавал бедным, чем заслужил славу кабардинского Дубровского.

Однажды Мамыш с товарищами появился на территории монастыря Хомяковой, где абреки попросили, чтобы их накормили. Мамыш распорядился, чтобы ни одна душа не покинула монастырь, пока он находится в нём. Но всё же один житель под покровом ночи тайно ушёл и сообщил казакам, где находится известный абрек. Казаки окружили монастырь и попытались захватить абреков, но те сумели уйти, прорвав окружение и унеся с собой смертельно раненого атамана. Друзья похоронили Мамыша на кургане, который потом получил имя этого гордого и отважного джигита.

К сожалению, я давно не был в родных краях и не знаю, сохранилась ли на высоте 835 м та

могила, и помнят ли жители Зольского района Мамыша.

2006 г.

РОДНИКИ

Уверен, что многие пожилые люди, находящиеся в грустном состоянии, услышав неожиданно имя дорогого им человека или название их малой родины, вмиг становятся бодрее и даже моложе.

На днях, в сырой мрачноватый день, когда и на душе было мрачновато, я, просматривая свежую газету, увидел упоминание о Малой Золке. От одного только этого названия мне стало теплее, и даже погода за окном показалась более привлекательной. Золка - не понятное русскому человеку слово. Да и многие кабардинцы, чьи стада коров и табуны коней с давних времен паслись на берегах Малой Золки, Золки Южной, Второй, Четвертой, Пятой Золок, Большой и Сухой Золки, не знают почему названы так все речушки, сбегаящие с северо-восточных склонов замечательного пастбищного Джинальского хребта.

В былые времена на берегах этих речек были заросли ивняка и верб, и однажды какой-то наблюдательный кабардинец, увидев эти заросли, сказал: «Дзалоко», что значит вербное место. Пришедший сюда издалека русский, услышав это труднопроизносимое слово, воспринял его по-своему и переделал на более привычное для слуха - Золка (вроде, - от золы). Так как небольшие речушки были похожи, словно родные сестры, каждая из них оставалась Золкой с уточнением: Первая она или Пятая, Большая или Малая.

Все они, подпитываемые многочисленными родниками, постоянно, кроме времени сильных дождей или быстрого таяния снегов, были светлыми с чистой вкусной водой.

РОДНИКИ. Можно ли забыть их? Недаром в этом слове замечательный корень РОД, и оно сродни словам родной, родители, РОДИНА!

Сколько этих больших и малых родников в годы моего детства было на берегах всех Золок! Каждый из них имел свой характер. Один весело журчал в любую погоду, другой издавал тихий шипящий звук, третий бесшумно вытекал из-под лежащего камня... Но все большие и малые, шумные и тихие объединяло одно - вода каждого из них была одинаково вкусной. Чистая холодная она, словно магнит, притягивала людей к себе. И там, где имелись особенно обильные и красивые родники, появились сёла Зольское, Псынадаха (красивый родник), Светловодское, Залукокоаже, Залукодес, Шардаково, Лесгорье, Бруненталь (Октябрьское)... Возле Зольского на берегах речки и на склонах холма, тянущегося вдоль Малой и Второй Золки, било десятка два родников, в том числе три очень крупных, в которых даже рыбёшка водилась.

Бывало, в жаркий день подойдешь к такому источнику, сорвёшь лист лопуха, сделаешь из него черпачок, зачерпнёшь холодной хрустально чистой водички и пьёшь её мелкими глотками. Мне очень нравилась вода из небольшого родничка, вытекавшего из-под кургана, стоящего у места впадения Золки, бегущей со стороны Залукодеса в Центральную. В начале лета какой-то добрый прохожий смастерил из ствола лопуха трубочку и приладил её так, что водичка из источника текла через неё.

Как-то в жаркий день я, малолетний подпасок, пробегая мимо того родничка, не припал к нему, спешил за коровой, отошедшей от стада. Спустя годы, когда мы с братом за тысячи вёрст от Зольского пасли другое стадо там, где не было родников, от жары и жажды я уснул, и мне приснился мой любимый родничок. Так стало обидно, что я тогда, давно прошёл мимо и не испил животворящей воды! А позже о зольских родниках я часто вспоминал на фронте.

В детстве, когда наше стадо отдыхало на стойле близ кургана, стоящего у соединения Золок Центральной и Южной, мы с братом Сашей шли к самому мощному роднику, из которого выбегал солидный ручей. Напившись воды, мы любили наблюдать, как стайка плотвичек в роднике плавают сюда-туда. Нас особенно забавляло то, что стайка не следовала за каким-либо вожаком, как это заведено в стаде коров или в отаре овец, а вдруг, словно по команде, все рыбёшки поворачивались назад, и те, что были последними, становились первыми.

Даже в самые жаркие дни, когда на землю садился, словно на раскалённую плиту, в родниках вода была студёной. Ферма нашего колхоза «Маяк» находилась на Четвёртой Золке северо-западнее Залукодеса. Дневной и вечерний удой сохраняли во флягах, стоявших в роднике, и я после утренней

дойки вёз на молокозавод (посёлок Джинал) холодное, не прокисшее молоко.

Не знаю, есть ли другие места, где столько родников, сколько их было в Зольском районе?! Среди Золок я назвал одну, о которой сейчас, вероятно, никто и не слышал. Это Сухая Золка, в отличие от своих сестёр сбегала не с Джинальского хребта, а с южного склона Мамышева кургана. По какому праву ту речушку, впадавшую в Малку, назвали Золкой, не могу сказать, но всё-таки она в своё время существовала. Уже при моей памяти в летние месяцы она не доходила до шоссе Нальчик-Пятигорск. Только во время дождей или снеготаяния, проезжая из Малки в сторону Пятигорска, в двух километрах от Псынадаха, можно увидеть ручей, бегущий по направлению к станции Марьинской. О том, что в давние времена по той балке бежала настоящая речка, говорило наличие рыбы в её верховье. В родниках на южных склонах холма, тянущегося вдоль Малой Золки, мы с братом Сашей ещё в 1936 году ловили вкусных пескарей.

Интересно, что некоторые родники били не только у берегов рек и у подножья холмов, а даже почти на их вершинах. Такой родник был на горе, под которой расположился хутор Лесгорье. От него спешил вниз ручей, обеспечивавший жителей Лесгорья хорошей водой. Ещё с более высокого холма, от кургана, называемого зольчанами Малкинским, тоже бежал ручей, впадавший в Золку у южной окраины Батеха.

Если в выше упоминаемых ключах водилась различная живность, то в довольно большом ручье, впадавшем в Золку у села Зольского, никакой живности не имелось. Ручей, который мы называли Гнилушкой, начинался из источников, находившихся почти на вершине холма. Вода в нём имела запах керосина, и многие тогда предполагали, что под тем холмом может быть нефть.

...Родники, как жаль, что вас всё меньше и меньше!... Хочется, чтобы и наши потомки не только из книг знали о чудесных этих источниках, но имели бы счастье пить из них воду, которую не надо хлорировать и пропускать через различные фильтры.

Когда я вижу на телеэкране навязчивую рекламу: «Не дай себе засохнуть!», и наблюдаю за толпящимися в очереди за «Фантой», «Спрайтом» или какими-нибудь энерготониками, я жалею тех, кому неведом вкус живительной родниковой воды.

2008 г.

ЗОЛЬЧАНЕ

В красивом селе Зольском, благоухающем запахами трав тучных сенокосов и ухоженных садов, до 1930 года жили, за исключением 3-4-х семей русских и одинокого русского сапожника, баптисты, выходцы из Киевской губернии.

По правилам баптистской веры все называли друг друга братьями и сестрами. Но не было в тихом благодатном селе братского единства. Не могло быть братских отношений между хозяином 5 лошадей, 12 коров и огромной молотилки Никифором Николаенко и безлошадным Мыной Малошенко, как и между владельцем 150 гектаров земли

Захаром Балабаном и батраком Яковым Митяшкиным. Даже на собраниях в молельном доме единства не наблюдалось. Рядом с пресвитером никогда батрака не бывало. Почётные места всегда занимали состоятельные «братья», такие, как Балабан, Токаренко, Николаенко.

На всю жизнь я запомнил одно из праздничных собраний. Школьники под руководством учителя Алексея Алексеевича подготовили к нему одну сценку о доброте Христа. Моя старшая сестра Аня училась тогда в первом классе. Ей, как лучшей ученице, было поручено играть роль овечки, встретившей Христа. Я уже не помню всех слов «овечки», но концовку Аниной роли запомнил. Она, встретив человека, говорила: «Я маленькая овечка, а ты кто?» Человек, его играл сын кулака Павла Токаренко, отвечал одним словом: «Христос».

Учитель сказал ребятам, что всем «артистам» будут вручены подарки. Мои родители безбожниками не были, но на собрания почти не ходили. Помню, когда один баптист спросил отца, почему он не ходит на собрания в молельню, отец ответил: «Для общения с Богом не нужен храм, а нужна чистая совесть. Ещё никто не обвинял меня в том, что я бессовестный».

На то памятное собрание, к которому мама сгнила Ане новое платье, отправились всей семьёй.

Впереди всех шла сияющая Аня. Участники сценки сгруппировались поближе к пресвитеру. По окончании молитвы он, сообщив, что ученики подготовили интересную сценку из жизни нашего Господа Иисуса Христа, стал объявлять действующих лиц. Первым он назвал Токаренко Колю из 4-го класса, исполнявшего роль Христа. Аня в эти минуты от волнения просто трепетала! И вот пресвитер громко продолжает: «Овечку играет...» В это время радостная моя сестрёнка направляется к нему, но вместо имени Ани называется имя дочери Захара Балабана, которая даже не готовилась к выступлению! Вероятно, Захар, внёсший вклад в приобретение подарков, не хотел хоть чем-нибудь делиться со своим батраком. Аня вмиг преобразилась, согнулась и, закрыв лицо руками, побежала к выходу. Вслед за ней, словно оплётанные, двинулись к выходу и мы. По тому, как люди расступались, давая нам дорогу и сочувственно глядя в глаза, было видно, что они разделяют нашу обиду, ведь же задолго до собрания половина села знала, что Аня - «Христова овечка».

Тот случай так резанул душу сестры, что она, весёлая девочка, стала замкнутой, мрачной, а наша семья больше на баптистские собрания не ходила. Лишь на склоне лет, в годы войны, как мне рассказывали, отец по просьбе женщин прочитал им что-нибудь из Священного писания, вынужден был эти собрания посещать. Других-то грамотных стариков с не запятнанной репутацией в селе было очень мало.

Интересно, что в ту пору в Зольском замков на домах не было. Магазин запирали на замок, а сельсовет, в котором хранились винтовки ЧОНа, не запирался, только патроны хранились в сундуке, обитом жостью и замыкаемом на ключ. Я не помню ни одного случая воровства, если не учитывать детских налётов на сады, что воровством не считалось. Не помню драк взрослых, хотя ребята периодически дрались край на край.

На улице даже в праздничные дни лишь кого-то из тройки известных любителей спиртного можно было встретить в пьяном виде. Не только наш отец не признавал водки и вина, но и многие, даже богатые, крестьяне. Помню, как однажды шестеро состоятельных соседей, расстелив в саду у Погарецких на травке рядно, расселись вокруг шкалика водки и нехитрой закуски и в спокойной беседе, попивая из маленьких чарок горячительную влагу, отмечали какой-то праздник.

Ещё старожилы помнят Зольское песенным. Если в будни пели, идя на работу в поле или возвращаясь, а также вечерами допоздна, то по праздникам звонкие песни, в основном украинские, слышались весь день. Как правило, молодежь в такие дни организовывала интересные игры («Третий лишний», «Колечко» и другие) у кого-либо в просторной комнате, а в хорошую погоду на природе.

В пойме Золки росли огромные вербы. Парни на них сооружали качели и раскачивали высоко, кажется до неба, девчат. Радостный их визг, шум и гам весь день оглашали окрестности. Люди умели хорошо, до седьмого пота, трудиться, могли отдыхать и воспитывать детей, которых почти в каждой семье подрастало не меньше трёх. Порой ходили слухи о неверности некоторых мужчин и женщин, но распада семей не было.

Жизнь до 1930 года шла своим чередом без особых тревог и происшествий, если не считать, что в 1927 году по решению общего собрания селян за «кабальные отношения к батракам» высланы, как говорили тогда, «на Соловки» Токаренко Павел и Кушнарченко Дмитрий.

В 1930 году, когда шла коллективизация и повсеместно высылали в Сибирь кулаков, председатель сельсовета Иван Фомич Добротворский, будучи в райисполкоме, каким-то образом узнал, что предполагается высылка группы богатых зольчан. Он тайно сообщил об этом всем, кого ожидала печальная участь, и посоветовал им срочно продавать свои дома и уезжать в города. Учитывая, что в то лето во многих сёлах уже высылали богатых крестьян, в Зольское стали заглядывать кабардинцы в поисках тех, кто может продать дом.

Разумеется, большинство жителей о важных переменах не знали. В то лето мы уже были колхозниками, скот не пасли, и я имел немало времени на детские игры. Однажды я договорился с другом Сеней Харченко на следующий день сходить к большой круче и посмотреть на полёт молодых ласточек, и в назначенное время, выполнив все мамины поручения, направился к Сене. Подходя ко двору Харченко, я увидел стоявших у калитки двух детей в жёлтых колушках, хотя было жарковато. Рядом с детьми лежала большая незнакомая мне собака. Когда до детей оставалось около десяти метров, собака поднялась и, глядя на меня, оскалила зубы. От такой встречи я замер на месте, рассматривая издали мальчика и девочку. Мальчик вдруг произнёс: «Чушка куша?» (Свинью ешь?). Я догадался, что они кабардинцы, и, вероятно приехали в гости к Харченко, тоже спросил: «Лоша куша?»

(Лошадь ешь?). Дети не отвечали, а собака продолжала на меня тихо рычать. Три года до того я побывал в зубах злой такой шавки. Поэтому медленно отступил и спросил соседей Никулиных, что за гости приехали к Харченко. Мне сказали, что они, продав дом кабардинцам, куда-то уехали.

В тот же день одновременно с Харченко, который продал дом жителю Первого Кызбуруна Жигатову Шуте, уехал и Никифор Николаенко. У него дом купил, как говорили, бывший мулла из Заюково старый Нахушев. У деда было два внука, ставших моими друзьями. Их звали Талей и Ильясом. Они были Шиковы. Их отца я не знал.

Первого же, встреченного мною у дома Харченко маленького кабардинца, который тоже стал моим другом, звали Мухабом. Он учил меня игре в альчики и умению гонять по льду юлу-чин.

Ночные переезды продолжались, и к осени в селе уже не было Погарецких, Дьяченко, одного Оксаненко, Череватенко, Балабана... У меня появились новые друзья Хазеша Хашев, Раби Нахушев, Толя Хуранов и другие. Поначалу коренные зольчане с тревогой и недоверием отнеслись к новосёлам. Этому способствовали и некоторые новосёлы, стараясь выжить из Зольского его обитателей. Под их давлением пришлось и нам продать хатку и на свою беду уехать на Украину, на родину мамы. Как позже выяснилось, наше жилище понадобилось одному бедному соседу того, кто добивался нашего выезда, и именно он вручил отцу 1000 рублей за хатку. Новых хозяев мы и не видели.

Не знаю чем объяснить, но довольно скоро в селе создалась единая украино-кабардинская общность. Все зольчане, когда понадобился добросовестный пастух, попросили нашего отца вернуться. В марте 35 года они с радостью приняли нас, вновь доверив отцу сельское стадо.

Кабардинцы расселялись по всему Зольскому. Имея соседей старожилов, они брали всё лучшее из обычаев украинцев и делились с ними своими хорошими обычаями. Уже к 35-му году почти все новосёлы знали язык коренных жителей села и считали себя настоящими зольчанами. Кабардинцы привнесли в Зольское живительную струю, которая обогатила жизнь села. Прибавилось праздников, ибо и христианские, и мусульманские праздники мы отмечали вместе. Бывшие заюковские, кызбурунские, куркужинские и малкинские богачи у нас стали хорошими тружениками и патриотами Зольского и старались улучшить жизнь односельчан и крепить дружбу и единство.

Это помогло зольчанам внести свой вклад в Победу над гитлеровскими оккупантами. 134 человека, в том числе три девушки, ушли на фронт. Из 89 украинцев, защитников Родины, погибли в боях 38. Из 45 кабардинцев пали в сражениях 21. Довольно много украинских и русских парней, в том числе и я, после госпиталей остались работать или учиться за пределами родного села, и это способствовало новому оттоку коренных жителей из Зольского и значительному увеличению числа кабардинцев. За 50 послевоенных лет, можно сказать, реконкиста кабардинцев на зольские просторы завершилась. К настоящему времени лишь две или три русские женщины, вышедшие замуж за кабардинцев, живут в Зольском.

Повествование о селе Зольском на этом завершать нельзя. Необходимо рассказать более подробно о ряде его обитателей. И пусть читатель не обвинит меня в несправедливости, но я начну свои рассказы о зольчанах с самых близких мне людей, с очерка о моём отце Илье Александровиче Полищуке.

2008 г.

Памяти моего отца
Ильи Александровича Полищука

ПАСТУХ

Моему отцу, одному из самых добросовестных батраков Зольского, весной 1927 года односельчане доверили сельское стадо, в котором насчитывалось более 200 коров. В тот год наша семья состояла из шести человек. Тогда беднее нас, мне кажется, не было никого, поэтому отец сразу же согласился стать пастухом.

Он, настоящий сельский труженик, относился с большой ответственностью к любому делу! Многие считают, что в те далёкие времена каждый добросовестный работник мог стать состоятельным, если не пропивал и не транжирил заработанное. Но это не так. Отец не курил. Никогда даже пива не

пил. Где бы не поручали ему трудиться, всегда трудился на совесть. Но ведь платили гроши! Отец берёт каждую копейку и не складывал их, заработанные тяжёлым потом, в кубышку, а тратил только на нужды семьи, но выбиться из бедности не мог из-за своей честности.

Ещё до революции Илья Полищук, старший сын умершего безземельного жителя села Шендеривка Корсуньского района, узнав, что земляки-баптисты, покинувшие Киевскую губернию из-за религиозного притеснения и поселившиеся в районе города Пятигорска, живут хорошо и нуждаются в батраках, приехал к ним на заработки. Их хутор назывался Баптистским. Работая, как вол, Илья поддерживал маму с детворой, оставшихся на родине, и никаких запасов не накопил.

В 1912 году видному парубку исполнилось 23 года, и он женился на батрачке Громко Марии Тимофеевне, и началось их совместное скитание по «квартирам». Приходилось жить в разных хибарках кулаков, на которых они работали. В 1912 или 1913 году Полищука призвали в армию. После службы в Кутаиси он попал на Турецкий фронт и воевал под Карсом и Эрзерумом до весны 1917 года.

Интересно, что, когда Илья служил в Кутаиси, любящая жена смогла собрать мешок кое-каких харчей и отвезти мужу-солдату в поддержку. Причём, дорога была очень сложной: из Пятигорска до Кутаиси добирались на поезде только через Баку и Тифлис. Та рискованная поездка до сих пор в нашей семье остаётся примером преданности и настоящей женской заботы о любимом человеке.

После войны Илья и Мария продолжали батрачить. В 1918 году у них родилась Аня, в двадцатом - Саша, через два года - я, а в 25-м - дочь Шура. Большая семья требовала больших расходов, потому-то Илья Полищук сразу же согласился стать пастухом. В подпаски он взял 15-летнего племянника Васю и семилетнего сына Сашу. Мне, которому пошёл шестой год, было поручено носить обед к стаду. Обычно оно находилось примерно в одном километре от нашей лачужки. С весны 1928 года вместо Васи вторым подпаском стал я.

В прежние годы пастухи выгоняли стадо уже после восхода, когда самые ленивые хозяйки заканчивали утреннюю дойку, а пригоняли ещё до захода солнца. А отец стал выгонять стадо пораньше, чтобы коровы по росе успели хорошо попасться, а к обеду легли отдыхать. И лишь после захода солнца гнал их новый пастух домой.

Некоторым такой режим не понравился, но все довольно скоро убедились, что Полищук поступает умно - бурёнки на глазах поправлялись, стали давать больше молока. Зольчанок удивило, что пастух с первых дней старался узнать кличку каждой коровы, её характер, и каков её любимый корм, а также, когда хозяйева ожидают приплода от своих кормилиц. Зная всё о своём стаде, отец требовал от подпасков доброго отношения к скотине, не разрешал бить коров и особенно телят, палками. Ругал подпасков, если мы, недовольные строптивостью коровы, кричали: «Чтоб ты сдохла!», требовал не допускать драк между бурёнками и рассказывать ему всё об их состоянии.

К сожалению, и среди коров, как и среди их хозяек, были не только смирные, но и непослушные и даже трудно управляемые. Для таких у отца был большой арапник, которым он не злоупотреблял, но умело, словно цирковой укротитель, «воспитывал» вредную скотину. Мне никогда не забыть, как однажды бурёнка, постоянно убегавшая из стада в огороды селян, нанося там заметный ущерб, за который мы расплачивались, опять рванула в сторону огородов. Отец догнал беглянку, схватил за рог и так низко наклонил её голову, что она грохнулась на землю и долго лежала. Отдышавшись, нарушительница порядка поднялась и больше никогда не пыталась убежать из стада. Зато и арапника ей больше не доводилось отвеждать.

Видя заботливое отношение пастуха к их скотине, многие хозяйки старались чем-либо угостить его и маленьких подпасков. Особенно в праздничные дни. Обычно на Пасху в нашей лачуге не хватало места для подаренных вкусных куличей, крашеных яиц, караваев и других дорогих для нас продуктов. Так люди выражали свою благодарность Илье Александровичу.

Я не помню отца бездельничающим. Даже в часы, когда стадо отдыхало, наш тато (так украинцы называют отца) находил себе работу. Он был замечательным мастером по изготовлению соломенных шляп - брылей. В пору колосования отец заготавливал для этого солому. А потом на наших глазах ложились рядок за рядком зубчатые особым образом сложенные соломенные полоски, и появлялся новый брыль. Все родственники и друзья семьи ходили летом в таких. И, будь в отце торгашеская жилка, он мог бы на этом наживаться. Но природная честность позволяла умельцу лишь раздаривать эти настоящие произведения искусства.

Иногда мне думается, что, может, именно золотистый брыль, сплетённый отцом, а также

вышитая сестрой Аней украинская рубашка и привлекли ко мне внимание молодой учительницы Марии По гореловой, впервые увидевшей меня в коридоре Министерства Просвещения КБ АССР. Впоследствии Маша стала моей женой, и отец подарил любимой невестке красивую соломенную шляпку.

Еще отец знал много трав и на лугах показывал нам съедобные. Он научил нас искать вкусные семена и коренья, листья и молодые побеги. Эти знания помогли нам выжить в голодный 33-й год.

Я помню отца хорошим рассказчиком! Мы любили слушать интереснейшие истории из его детства, о жизни наших предков, среди которых были замечательные мастеровые и силачи. Один дядя славился как лучший колесник. Его колёса для телег даже без железного обода отличались особой прочностью, которую мастер подтверждал, бросая своё изделие с большой высоты на старый жёрнов. Колесо подпрыгивало на нём несколько раз и не ломалось. Рядом от радости прыгал и сам колесник! Два других дяди, развозившие по сёлам горшки на телеге, которую за неимением лошадей тянули коровы, могли, жалея тягловую скотинку, перед горой впрячься сами и вывезти телегу наверх.

...Часто отец рассказывал об армейской службе, обычаях народов, с которыми встречался на жизненном пути, а ещё - украинские сказки. При этом его руки не отдыхали: то он плёл кнут, то делал нам свистульки из прутиков вербы. Такие свисточки я потом научил делать своих детей, а они - своих.

Шесть лет отец пас общественное стадо и четыре года был заведующим молочно-товарной фермой колхоза «Маяк». За эти годы ему удалось добиться полного сохранения поголовья и выживания родившихся в поле телят. Коровы нашего стада выгодно отличались от коров соседних сёл и давали высокие надои. Наша серая Майка летом давала по 40 и более литров молока за день!

После войны я, по воле судьбы ставший горожанином, приехал навестить родных и односельчан. Люди, вспоминая прошлые годы, вполне серьёзно говорили: «В Зольском до Полищука и после Полищука настоящего пастуха не было»...

Надо сказать, что глава большой дружной семьи старался каждому из нас привить такое же отношение к труду, какое было у него. Я постарался не опозорить светлую память дорогого своего отца, долгие годы работая на ниве просвещения. Теперь мои дети и внуки гордятся, когда слышат такую высокую оценку моего труда: «До Ивана Полищука и после него у нас настоящих директоров школы не было».

2006 г.

НАШИ СОСЕДИ ХУРАНОВЫ И ТОКАРЕНКО

Летом 1930 года, когда в саду нашего соседа Никулина яблоки начали созревать, и мы с братом Сашей обдумывали, как бы нам незаметно от хозяев полакомиться вкусными фруктами, Никулин продал свой дом кабардинцам и уехал в Пятигорск. Мы с Сашей загрустили. Сосед, хоть и не разрешал нам рвать его яблоки и груши (у нас сада не было), но не бил, если видел, как мы их иногда рвём. А тут кабардинцы, которые, как говорила баба Ярына, кинжалом могут прирезать. Хотя несколько раньше в Зольском появились первые кабардинцы, Жигатовы и Нахушевы, из неизвестного нам села Заюково, и от них никаких неприятностей зольчане не испытывали, уверенности в том, что наши новые соседи окажутся хорошими, не было.

Но они познакомились с нашими родителями, и отец сообщил нам, что деда зовут Пшикан, а фамилия его Хуранов. Он, как видно, не вредный, кажется не богаче Никулина и нам нечего его бояться.

Хотя отец сказал, что дед не вредный, мы с Сашей, посматривая робко на яблоки, вспоминали слова бабы Ярыны. Неожиданно из своего дома вышел дед Пшикан и направился к нам. Мы опешили, но остались на месте. Старик подошёл и на ломанном русском языке, который мы, украинцы, почти не знали, стал говорить, показывая на фруктовые деревья его сада и на границу между нашими дворами, что яблоки ещё зеленые и рвать их не стоит.

Хотя Хуранов говорил не очень понятно, мы уяснили, что он старался нам внушить.

Оказалось, что дед не только не вредный, а даже добрый. Он сказал, что воровать яблоки и груши не надо, что все плоды, находящиеся на нашей территории (а их было довольно много на ветках, протянувшихся в сторону нашего двора), принадлежат не ему, а нам, но они ещё зелёные, надо

подождать, пока они созреют.

Вечером с поля вернулись отец, мать и бабушка Люба. Мы рассказали им, что с нами говорил дед Хуранов, и сказал, что все яблоки и груши, которые созреют на нашей стороне, мы можем спокойно сорвать. Мама порадовалась тому, что можно будет засушить на зиму яблок и груш для узвара (компота), который все мы любили. Мы же с Сашей решили, что теперь надо зорко следить за тем, чтобы в сад Хурановых не лазил сосед Коля Токаренко, который поглядывал на яблоки деда Пшикана, а значит, и на наши.

Соседями с другой стороны были Токаренко Яков Михайлович и Лидия Петровна. У них подрастали дети: Коля, Люба и маленький Лёня. На самой меже между нашими дворами красовался вишнёвый куст из пяти стволов. По договору с соседями три ствола принадлежали нам. Хотя у Якова Михайловича был садок с очень вкусной грушей, Коля и Люба старались с наших стволов рвать ещё незрелые вишни. Вот поэтому мы с Сашей к Коле относились с недоверием. Вскоре после покупки домика, когда мы ещё не поселились, придя к нашему двору, мы увидели Колю и Любу на наших вишнях. Саша направился к ним. Ребята вмиг соскочили с веток и с криком: «Яшка! Лида! Пастушата хотят нас бить!» убежали к себе во двор.

Такое обращение к отцу и матери так удивило нас, что и я и Саша замерли на месте. Потом мы спросили маму: «Коля и Люба настоящие дети дяди Яши и тети Лиды?». Мама сказала, что они настоящие дети, но родителей называют так, потому что слышат, как к ним обращаются младшие братья Якова Михайловича, Михаил и Пётр, живущие с ним в одном доме. Вероятно, уже под нашим воздействием Коля и Люба, ставшие нашими друзьями, больше не называли родителей Яшкой и Лидой, а, как и все нормальные дети - папой и мамой.

С семьёю Токаренко Якова Михайловича наша семья сблизилась довольно быстро, и вскоре мы подружились и с ними и с Хурановыми, во всём помогая друг другу. И, когда зимой 1930 года у Токаренко начался пожар, наш отец первым бросился спасать их дом.

Яков Михайлович был в числе первых, вступавших в колхоз «Маяк». Вместе с ним - и его братья. Михаил Михайлович начал работать бухгалтером, а Петр Михайлович - бригадиром. Амбар Якова Михайловича стал колхозным, и мы с братом Сашей всегда с интересом наблюдали, как колхозницы готовят зерно к посеву, а тракторист Моисей Волченко со своими помощниками ухаживает за «Фордзоном». О том, что было позже, я расскажу далее, а сейчас отмечу, что благодаря решению соседа Пшикана в том году впервые у нас был свой урожай яблок и груш, и зимой по праздникам мы наслаждались очень вкусным узваром!

Ближе к осени дед Пшикан привёз из села Куркужин внуков, оставшихся сиротами. Среди них оказался и мой одноклассник Толя, который стал одним из лучших наших друзей. Он тоже, как и Мухаб, учил нас играть в альчики, а с наступлением зимы гонять по льду чин, своего рода юлу конусообразного вида. Толя, как и другие ребята нашего возраста, с началом занятий поступил во второй класс. Однако из-за плохого знания русского языка ему пришлось пересест в 1-й класс. Семилетку он закончил на год позже меня, в 1938, а в 1941 году в Нальчике окончил техникум и аэроклуб.

В годы Великой Отечественной войны мой друг участвовал в боях за Сталинград. Посвятив свою жизнь армии, Анатолий Муратович прошёл путь от рядового лётчика до начальника штаба авиационного полка. Уйдя в отставку, полковник Хуранов работал на разных должностях в органах власти Кабардино-Балкарии, а затем много лет отдал общественной деятельности в Республиканском совете РОСТО (ДОСААФ) и в городском Совете ветеранов. Вместе с любящей женой Аней они воспитали хороших детей и теперь радуются внукам.

Вслед за Никулиным продал свой большой дом Нестор Харченко. Его купил Хуранов Темиркан. Так что рядом с нами оказались две семьи Хурановых. Темиркан был интересной личностью! Он неплохо знал русский язык и от Пшикана отличался более интеллигентным видом и грамотностью. Недаром в годы Гражданской войны он одно время был адъютантом у командующего шариатской дивизии Назира Катханова и воевал против деникинцев.

Я не помню, кто раньше был продавцом в нашей сельской лавке, но вскоре после приезда в Зольское им стал Темиркан. Причём очень уважаемым. К сожалению, в сентябре 1937 года по неизвестным односельчанам причинам его арестовали, и только через 9 лет люди узнали, что его расстреляли по ложному навету какого-то недруга. У Темиркана осталось три сына и дочь. Несмотря на то, что их отец был казнён, они выросли настоящими патриотами Родины. Старшей из детей, Марине,

ко времени ареста отца исполнилось 15 лет. Окончив Зольскую семилетку, она поступила в юридический техникум. После завершения учёбы в нём, работая в народном суде, заочно получала высшее образование в Кабардинском пединституте. Получив диплом, она стала работать учительницей в Зольской средней школе и трудилась в ней до ухода на заслуженный отдых. Это хороший пример целеустремлённости и верности выбранной профессии!

Её брат, Хасанби Темирканович, свою жизнь посвятил службе в милиции и в чине полковника ушёл в отставку. Хасан Темирканович, окончив курсы, всю жизнь работал механизатором колхоза «Коллективный труд». Самый младший из Хурановых, Хусен Темирканович, после окончания Кабардинского пединститута работал преподавателем, директором школы, а затем профтехучилища и на других ответственных должностях. Все они, как и их отец, трудились добросовестно и пользовались уважением соседей, коллег и знакомых.

...Поделюсь ещё одним интересным воспоминанием из детства. Коренные жители Зольского почему-то не заводили индюков, и я впервые увидел эту диковинную для нас птицу, когда приехал Темиркан со своим хозяйством.

У него было десятка полтора индюков, возглавляемых самым большим и красивым. Нам нравилось дразнить его, и однажды, когда шумное стадо зашло в наш огород, Саша и я с хворостинами в руках напали на вожака. Убегая от нас, он поднялся на крыло и улетел в густые заросли на берегу Золки. Его искали, искали, но не нашли. Куда он делся, неизвестно, но отцу пришлось уплатить за пропавшую птицу один рубль (по тому времени немалые деньги). Разумеется, на этом дело не закончилось. Хворостинами, которыми мы гнали несчастного индюка, отец так наказал нас, что мы больше не обижали ни индюков, ни гусей.

С появлением новых соседей мы начали приобщаться к кабардинской культуре. По приезде Хурановых в Зольское мы стали свидетелями кабардинской свадьбы. Хурановы выдавали замуж симпатичную Люсю. В теплый осенний день мы с интересом любовались кабардинскими танцами. Впервые я тогда видел, как танцуют кафу и величественный исламей.

Шли годы, другой наш сосед Яков Михайлович женил своих братьев. Взрослели Коля, Люба и Лёня. В 1939 году правление колхоза «Маяк» назначило Якова Михайловича заведующим продовольственным ларьком на Пятигорском рынке. И покупатели Пятигорска, и зольчане уважали добросовестного продавца даров колхозной земли: мяса, яиц, молочных продуктов, фруктов и овощей. Токаренко не жалел сил для своевременной реализации привезённой из села продукции. В один из морозных дней у него сильно заболел зуб. Якову Михайловичу следовало обратиться в Пятигорске к врачу, но он, мужественно перенося сильную боль, продолжал торговать. Лишь распродав товар, он поехал домой. Сельский фельдшер ничем помочь не мог и решил отвезти больного в село Баксан, хотя следовало бы в Пятигорск. Врачи районной больницы не смогли помочь страдающему человеку, у которого уже началось заражение крови. Яков Михайлович, которому было только 36 лет, умер. Его оплакивали не только родственники, но и все жители села.

Оставшись без мужа, Лидия Петровна сумела за годы войны сохранить своих детей, как сберегли их тысячи солдаток, вдов фронтовиков. И в этом великий подвиг наших женщин!

В 1942 году с фронта возвратился мой брат Саша. Ему, командиру пулемётного расчёта, пришлось участвовать в битве за Ельню. Однажды немцы открыли миномётный огонь по его пулемёту. Одна мина разорвалась перед самым «Максимом». Небольшой осколок, пролетевший через щель в щитке, попал в правый глаз Александра и выбил его. Другой угодил ему в левое предплечье, да так и остался в нём на всю жизнь.

После лечения Александра демобилизовали. Вернувшись домой, он вскоре пошёл проведать бывших соседей. К тому времени семнадцатилетняя Люба расцвела, и при встрече со стройным красавцем щёчки её заалели, как те вишни, которые в детстве они с братишкой таскали с наших веток. Прежняя детская дружба переросла в любовь, и в январе 1943 года Александр Ильич и Любовь Яковлевна зарегистрировались в сельском совете. К радости молодых мои родители получили по моему аттестату за 6 месяцев 2400 рублей, на которые и организовали свадьбу.

В те же дни Зольское провожало в армию парней, которым исполнилось 18 лет. В армию ушёл и Николай Яковлевич Токаренко, попавший в Грузию, на турецкую границу. Ему, как и младшему его брату, Леониду, не пришлось воевать. На их долю досталась защита рубежей страны. Одному на юге страны, другому на Дальнем Востоке, на Камчатке.

Николай Яковлевич много лет работал заготовителем и экспедитором Баксанского Райпотребсоюза. Его сын Николай после окончания Военного лётного училища живёт в Саратове. Он лётчик - испытатель. А эта профессия требует особого мужества. Дочь, Надежда Николаевна, после окончания медучилища живёт и трудится в Краснодарском крае.

Леонид Яковлевич всю жизнь плотничал. Его сын Николай, служа в армии, погиб. А дочь Лидия Леонидовна Токаренко окончила юридический техникум и работает юристом Баксанского завода «Автозапчасть». Её дочь Юлия, уже имея одно высшее образование, заканчивает Ростовскую Юридическую академию и работает в аппарате Президента КБР. Младшая Лидина дочь Ира - студентка Таганрогского Политехнического института.

Александр Ильич Полищук и Любовь Яковлевна вырастили трёх хороших дочерей: Олю, Надю и Веру. Оля, окончив Кабардино-Балкарский Государственный университет, работала инженером на Нальчикском заводе полупроводниковых приборов. Надя, после окончания Нальчикского медучилища всю жизнь трудится фельдшером сельской больницы в Ростовской области. А Вера, окончив горно-металлургический техникум в Орджоникидзе (Владикавказе), стала специалистом по добыче ценных ископаемых. До ухода на пенсию работала на алмазодобывающей драге в Пермской области. Все они, переняв лучшее от мамы, зольчанки Любви Токаренко, стали хлебосольными хозяйками, хранительницами домашнего очага.

У Оли две дочери: преподаватель математики Оксана и детский врач Юля. У Нади два сына и пять дочерей с целым набором профессий. У Веры старший сын машинист тепловоза, младший - бульдозерист, а дочь преподаватель географии и информатики.

Прошли годы. Жизнь сложилась так, что я лишь приезжал в Зольское к родителям. Позже они переехали в Светловодское. Когда же они умерли, а брат переехал в город Баксан, я бывал в Зольском только по печальным поводам, на похоронах близких. Много лет я не знал, где мои друзья детства. В 1960 году меня назначили инспектором Министерства просвещения КБ АССР. Став жителем Нальчика, я встретил в нём Анатолия Муратовича Хуранова. Скоро будет пол века, как мы с моей женой Машей поддерживаем дружеские отношения с Анатолием и Анной Хурановыми. Всегда во время наших бесед мы вспоминаем друзей детства и наше Зольское, породнившее выходцев из Киевщины с кабардинцами и ставшее примером содружества народов.

Уже в тридцатых годах, а затем во время войны и после неё в Зольском не было национальных противоречий. Люди плечо к плечу трудились на колхозных полях и помогали соседям строиться, поддерживали друг друга в беде. Они не только советские, но и религиозные праздники отмечали сообща.

Поучиться бы этому подрастающему поколению!

ОТВАЖНЫЕ ТАНКИСТЫ

Николай Лошицкий

Николай был старшим в многодетной семье, и после смерти отца на него легла забота о младших. Из-за своего трудного положения он только в 1938 году окончил Зольскую семилетку. В 1940 году Николай добровольцем направился на войну с Финляндией, но воевать ему там не пришлось, пока он добирался до Карелии, война закончилась. Зато Великую Отечественную войну Николай прошёл с первого до последнего дня, а 22 июня получил первое ранение.

После непродолжительного лечения он оказался на Брянском фронте. Его назначили водителем машины командира 282-й стрелковой дивизии полковника Г. Грачёва. В сентябре 1941 года в сражении под Трубчевском полковник Грачев был на передовой в одном из батальонов. Прорвавшие оборону дивизии немцы стремились окружить это подразделение. Комдив мог попасть в плен. Начштаба дивизии приказал Лошицкому ехать за Грачёвым. Так как на машине доехать туда уже не было возможности, смекалистый зольчанин взял два коня и по заросшим балкам добрался до позиции батальона. К сожалению от него никого, кроме комдива, не осталось.

К дому, в котором был комдив, приближались немецкие автоматчики. Николай увидел неподалеку наш пулемёт «Максим», возле которого лежали убитые пулемётчики. Он подобрался к пулемету и длинной очередь срезал с десятков гитлеровцев, остальные разбежались по кустам.

Прихватив замок пулемёта, Лошицкий прибежал в дом, увлѣк за собой комдива и... пока немцы очухались, Николай и комдив были в балке. Скоро они на конях примчались к штабу дивизии. За этот подвиг наш земляк получил первую награду - орден Красной Звезды.

Вскоре Николая ранило ещё раз. Снова госпиталь. После лечения Лошицкого назначили водителем бронемшины. В декабре 1941 года в ожесточѣнном сражении восточнее Белгорода немецкий танк опрокинул и раздавил броневик смело вышедшего на неравный бой зольчанина.. Экипаж, кроме Лошицкого, погиб, а сам он остался запечатанным в смятой бронированной коробке. Всю морозную ночь водитель пролежал в изуродованном броневичке среди тел мѣртвых товарищей, не зная, что штаб батальона уже послал похоронки на всех их. К счастью, советские войска перешли в контратаку, и пробегавшие мимо наши пехотинцы услышали крик Николая и спасли его.

После этого Николая Лошицкого направили на курсы водителей танков, и на фронт он вернулся в чине старшего сержанта, водителя танка КВ 116 танковой бригады. В сражении под Воронежем Николай получил медаль «За боевые заслуги», а в бою за Харьков - второй орден Красной Звезды.

В декабре 1943 года 116-я танковая бригада прорвала мощную оборону немцев на пути к Кировограду и первой ворвалась в город Александрию. В авангарде летел КВ Николая Лошицкого. За освобождение города бригада получила почѣтное звание Александрийской, а старший сержант Николай Лошицкий - орден Отечественной войны 1-й степени.

После Корсунь-Шевченковской битвы 116 бригада была на пополнении, и Николай получил очередную награду - двухнедельный отпуск домой. 12 июня 1944 года Зольское было взбудоражено появлением давно оплаканного Николая, который, сияя орденами и медалями, гордо, как и положено гвардейцу, шѣл по селу. Мать от радости плакала, обнимая любимого сына, а младшие братья и сестры визжали от восторга.

Две недели отпуска пролетели быстро, но за это время Николай побывал во всех бригадах и на всех фермах колхоза и у многих земляков. Вместе с отважным танкистом в дома входила уверенность в скорой победе над ненавистным врагом.

Летом 1944 года Николай Лошицкий участвовал в освобождении Белоруссии и Польши. За проявленную отвагу он получил третий орден Красной Звезды, а за отличный бросок от Одера до Эльбы комбриг полковник Юревич наградил Николая главной солдатской медалью «За отвагу».

28 декабря 1945 года отважный танкист Николай Захарович Лошицкий, вернулся в Зольское, увенчанный наградами, полученными за проявленную доблесть в боях. Его грудь украшали 2 ордена Отечественной войны, 3 ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», гвардейский знак и знак «Отличный танкист».

Пѣтр Кучеренко

У Петра Савельевича Кучеренко, уважаемого в Зольском, и его добрейшей Агафьи (по сельскому - тети Гаши) было три сына и две дочери. К великому сожалению семьи в начале 30-х годов один за другим умерли от гемофилии старший сын красавец Андрей, один из первых активных комсомольцев села, и мой одноклассник Вася. Дочери Татьяна и Маша со временем вышли замуж. Татьяна - за Лошаченко Николая, бригадира колхоза «Маяк». Они нажили двух дочерей - Галину и Лизу. Николай погиб на фронте, и матери одной пришлось растить дочерей.

Маша вышла замуж за Григория Охрименко. Они жили в Светловодском. У них были три дочери: Люба, Лиза и Надя и сын Петя.

Герой этого повествования Пѣтр Петрович родился в Зольском 24 декабря 1914 года. Ему не довелось получить серьезного образования. В селе до 1934 года была только начальная школа, которую Пете удалось окончить в начале коллективизации. Отец его одним из первых вступил в колхоз «Маяк», и Пете с 13-ти лет пришлось, как и другим его сверстникам, работать в колхозе. В те времена для крестьянских ребят с весны до поздней осени бездельничать не приходилось. По тем меркам Петя Кучеренко считался довольно грамотным юношей. Под влиянием старшего брата он постоянно повышал свои знания, читая книги и газеты, и стал активным комсомольцем. В 1935 году его избрали председателем Зольского сельсовета. На этом посту Пѣтр Петрович работал около двух лет. Затем три года служил в армии. После демобилизации инициативный зольчанин работал на различных должностях в колхозе «Маяк». А в самом начале войны вновь надел красноармейскую форму.

Петру Кучеренко пришлось воевать на Северо-Западном фронте и оборонять Ленинград. В блокадном городе боец Кучеренко от недоедания свалился, и его полуживого вывезли из этого ада по ледовой Дороге жизни. После выздоровления Петра направили на курсы танкистов, а после их окончания - на фронт.

Сержанту Петру Кучеренко выпала нелёгкая задача - под огнём противника ремонтировать наши подбитые танки и эвакуировать неисправные машины в тыл. Вскоре отважный и сообразительный сержант получил первый орден Красной Звезды за восстановление боеспособности танка Т-34 непосредственно на поле сражения. Моему земляку и троюродному брату, ставшему старшиной, с его взводом на территории Польши не раз доводилось среди ночи ремонтировать наши танки на нейтральной полосе. В 1944 году Пётр Кучеренко получает второй орден Красной Звезды, а за отвагу, проявленную при штурме Берлина, - третий. После окончания войны гвардеец вернулся в Зольское с ними, а ещё с орденом Отечественной войны и кучей медалей. Вскоре он переехал в Нальчик. Несколько лет работал в Гортопе, а затем до последних дней - на Нальчикском мясокомбинате. У Петра Петровича и его жены Марии было три сына. Их судьба незавидна. Володя умер от облучения на Чернобыльской АЭС. У него остались сыновья Женя и Дима. Средний сын Павел, водитель такси, из поездки в Чечено-Ингушетию не вернулся. Ни его, ни его машины найти не удалось. У него осталось две дочери. Младший сын Александр умер от болезни, оставив сына Петра. Хочется, чтобы судьба внуков Петра Петровича была лучше, чем у сынов.

ХАМИЗОВЫ

В Зольском во дворе дома, где поселился бывший житель села Ашабово Исмет Хамизов, росла, казалось бы, бесполезная лесная груша. Но она, самая высокая в селе, украшала не только двор, но и всю окрестность. Откуда бы не подъезжал к селу, первой из-за холма показывалась кудрявая вершина этой лесной красавицы. Огромная густая крона, образуемая мощными ответвлениями от главного ствола, в жаркие дни давала густую тень, а в ненастье под ней можно было укрыться от дождя. Весной она радовала буйным цветением и всё вокруг наполняла благоуханием, осенью одаривала мелкими, но вкусными плодами, а летом под ней было приятно отдыхать.

В ноябре 1939 года я около месяца замещал одного налогового Райфинотдела с окладом 300 рублей в месяц. В то время крестьяне платили налог, величина которого зависела от площади огорода и сада. Так как эта памятная мне груша росла среди двора, то она долго не учитывалась при налогообложении Исмета Хамизова. С приходом нового заведующего РайФО, который знал Хамизова по Ашабово и был к нему недружелюбен, ситуация изменилась - он решил исправить это «упущение». Меня послали измерить площадь, занимаемую грушей, и приплюсовать её к площади сада, росшего между забором и домом. Когда я шёл к Хамизовым, моросил небольшой дождь.

Зайдя во двор, я доложил о полученном мною задании хозяину. Он произнёс несколько недобрых слов в адрес земляка, но не мешал мне измерять площадь сухого круга. Оказалось, что крона дерева укрывает от дождя около одной сотки. Исмет спросил, как изменится величина налога с учетом площади, занимаемой любимым деревом. Я сказал, что всего на два с половиной рубля. Хозяин опять адресовал заведующему РайФО неласковые слова и сказал, что не обеднеет от увеличения налога, хотя от пышной красавицы доходов никаких не было. Старый кабардинец с доброй улыбкой не преминул мне напомнить, как я четыре года назад воровал его вкусные груши с другого дерева, растущего у забора: «Тогда ты за несколько минут успел набрать в свою сумку больше, чем на дикой груше созревает».

Знаменитой красавице-дичке я уделил много внимания потому, что с ней связана жизнь многих членов рода Хамизовых, который тоже знаменит своей могучей кроной. Под сенью этой груши выросли дети первого хозяина двора Погарецкого, а с 1930 года под ней родилось и выросло немало Хамизовых. Хозяйка двора любила в свободное время посидеть под щедрым на тень деревом в беседах с добрыми соседями. Под этой грушей возмужал старший сын Исмета - Корней. В Зольском не было никого, кто проработал в одной должности столько лет, сколько трудолюбивый и беспокойный Корней, бригадир 2-й полеводческой бригады колхоза «Коллективный труд», впоследствии ставшим «Зольским». Не знаю, был ли когда неугомонный этот человек в отпуске, но в те годы, когда я жил в Зольском, колхозники, тем более бригадиры, такого слова не знали.

Во все времена года, при любой погоде, для селян находится безотлагательная работа, и всегда одним из первых просыпался и выходил со двора Хамизов. Его крепкие натруженные руки, казалось, не ведали покоя. Ими, похожими на небольшие лопатки, Корней выполнял Гераклов труд. Если мифический богатырь очистил Авгиевы конюшни мощным потоком воды, то этот небольшого роста кабардинец, когда на ферме не хватало работников, самостоятельно вычищал огромный, на несколько сотен голов скота, коровник. Каждый день при любой погоде можно было увидеть Корнея, который на своей одноколке объезжал поля и фермы колхоза.

Наш отец с большим уважением относился к нему и всегда нам, мне и моему брату Саше, говорил, что мы должны брать пример с трудолюбивого Корнея. Некоторые считают, что покой и отдых удлиняют жизнь человека, а постоянный активный труд сокращает её. Но судьба не ходившего в школу и не умевшего читать книги и газеты этого представителя рода Хамизовых, прожившего 102 года показывает, что природа более благосклонна к активным труженикам, чем к лежебокам.

Под знаменитой грушей прошла юность близнецов Хасена и Хусена, родившихся в тревожном 1918 году. Я, восьмилетний мальчик, любил наблюдать за игрой кабардинских ребят в альчики. Во дворе Хамизовых вокруг Хасена и Хусена собирались большие мастера! В те годы почти все кабардинские ребята умели играть в альчики. Какими завлекательными были соревнования в меткости и сообразительности! К сожалению, у нас овец не имелось, а баранины мы и по праздникам не едали, потому альчиков (суставных косточек овцы) у меня не было. Приходилось довольствоваться ролью зрителя, болельщика, как теперь говорят.

Хусен и Хасен с детства были одаренными. Учились они хорошо и, когда в 1932 году в Пятигорске открыли Кабардино-Балкарский пединститут, а при нём Рабфак для национальной молодёжи, братьев Хамизовых, молодых колхозников, «Коллективный труд» направил туда на учёбу. Внимательные добрые русские преподаватели научили их русскому языку и дали знания, необходимые для учителей начальных школ. На рабфаке Хасен и Хусен вступили в ряды комсомола и после окончания учебы вернулись в село грамотными и политически подготовленными.

В те годы село Зольское стало районным центром Зольского района. Райисполком, райком партии, райком комсомола и школа нуждались в грамотных кабардинцах, и для Хасена и Хусена быстро нашлась работа. Но не надолго, осенью 1939 года братьев призвали в армию. Стали они красноармейцами.

Участие в непродолжительной войне с Финляндией для Хамизовых прошло благополучно, и братья продолжали добросовестно служить в Красной Армии. Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз застало кавказцев у западной границы. Судьба распорядилась так, что в огненном вихре войны где-то под Сталинградом погиб Хасен, а его брат Хусен стал сержантом. Отважного грамотного связиста приняли в ВКПб, назначили старшиной роты, и коммунисты роты избрали его парторгом. При освобождении Украины Хамизова тяжело ранило. После лечения в госпитале его демобилизовали по инвалидности. Вернувшись домой, Хусен тут же был назначен инструктором Зольского Райкома партии и с головой окунулся в работу.

Война продолжалась, фронт требовал оружия, боеприпасов, горючего, одежды, продуктов. Хотя колхозы, остались без мужчин, техники и лошадей, район перевыполнил план хлебопоставки и отправил фронту тысячи предметов одежды и обуви и сотни тонн продовольствия. И в этом немалая заслуга работников Райкома партии и в том числе инвалида войны коммуниста Хусена Хамизова.

Несмотря на огромную занятость работой, молодость брала своё. Хусен познакомился с секретарём Райкома комсомола Маржан Махотловой, полюбил её и вскоре они отпраздновали скромную свадьбу. 6 октября 1945 года у молодожёнов родился мальчик Ахмед, которому предстояло стать наиболее могучим стволом в богатой кроне древа Хамизовых, крепким и заметным, как груша, под которой он вырос.

Мальчиком Ахмед любил лежать под грушей, мечтать и набираться тепла. Прогревшись вволю, он бежал к Золке, речке своего детства... Мне кажется, то тепло мальчик с зелёных зольских холмов аккумулировал на всю жизнь, а потом щедро отдавал его. Именно за душевное тепло, неистощимую энергию, стремление помочь людям и ценят Ахмеда Хусеновича Хамизова, известного теперь далеко за пределами родной республики. Ведь он первый в Кабардино-Балкарии, да и, наверное, в нашем регионе, доктор социологических наук. Интересно, что долгие годы его знали как видного руководителя производства, а тут диссертация далёкая от техники, посвященная профессиональной и социальной

мобильности в трансформирующемся обществе. Парадокс?

Но являясь действительно хорошим руководителем предприятий, Хамизов сумел соединить науку с производством. Зная состояние дел на заводах Кабардино-Балкарии в девяностых годах, Ахмед Хусенович доказал необходимость пересмотра системы подготовки кадров для народного хозяйства, указав на тот факт, что наряду с безработицей появился явный недостаток рабочих профессий. Не только в Кабардино-Балкарии, но и во всей стране создалось несоответствие на рынке труда между спросом и предложением. В результате погони за престижными профессиями образуется большая армия невостребованных выпускников вузов, а рабочих остро не хватает. Со временем это может привести промышленность в полный упадок.

С первого класса Ахмеда отличала огромная тяга к знаниям. Первая учительница, Загират Канкулова, гордилась им и не смогла сдержать слёз, когда мальчик простался с ней и товарищами. Было жаль расставаться с таким способным учеником, но Хамизовым пришлось уезжать. Отца перевели на руководящую работу в другой район. Затем так было не раз, и мальчик отлично учился в школах Нартана, Жанхотеко, Чегеме, Сармаково. А ведь дома ему приходилось присматривать за младшими братишками и сестрёнками. Интересно, что, даже имея 8 детей, родители не искали «не пыльную» работу, отец продолжал трудиться на ответственных постах, а мать доросла до директора школы. Так что истоки колоссальной работоспособности Ахмеда Хусеновича - из семьи.

Всю жизнь Ахмеда, как и его отца Хусена Исмеловича, волновали вопросы не только его работы. Так во времена Хрущёва готовился закон о полном уничтожении ослов. Хусен Исмелович начал борьбу за сохранение этих неприхотливых четырёхногих тружеников, надёжных помощников горцев. В письме председателю Правительства Косыгину Хусен Хамизов доказал, что без помощи ослов, подвозивших боеприпасы в суровых условиях высокогорья, наша армия не удержала б перевалов, и захватчики прорвались бы в Закавказье. После получения этого письма Косыгин распорядился прекратить кампанию по уничтожению ослиного племени.

Мы видим, что и в наше ракетно-атомное и компьютерное время ослики очень помогают горцам жить и трудиться.

Самые разные, чаще общественно значимые вопросы волнуют и Ахмеда Хусеновича. Но у него на всё хватает времени. Скоростному темпу жизни его научил спорт. Поражает то, что школу Хамизов закончил, будучи чемпионом республики по нескольким видам спорта!

Зольчане не могли нарадоваться на такого земляка и однажды после триумфа Ахмеда в престижном забеге в Нальчике не просто горячо поздравили его, но пронесли его на руках по всему стадиону. Тогда он остро почувствовал вкус победы и решил - со спортом ему по пути. Ахмед начал работать физруком в Шардаково. Но заметивший перспективного легкоатлета известный тренер пригласил его в Ленинград, где Ахмед поступил в институт имени Лесгафта. Потом были годы интенсивных тренировок в Иркутске, служба на дальневосточной границе, где в свободное время солдат с Кавказа много читал, конспектировал первоисточники. Это позволило легко поступить на юрфак Иркутского университета. Но получить диплом не удалось: тяжело заболел отец, и наш земляк вернулся, чтобы помочь маме ухаживать за ним и не оставить без присмотра младших.

На родине Ахмед стал работать в школе, куда когда-то пошёл в первый класс, физруком, затем военруком, а после окончания истфака КБГУ заочно - историком. Примечательна тема дипломной работы: «Переписи населения 60 годов и социально-демографическое развитие КБР».

А в 1981 году Хамизов круто меняет судьбу, устроившись рядовым работником на «Телемеханику». Но лидерский характер его был замечен и пригодился на посту заместителя директора по социальным вопросам. Под его руководством построены база отдыха для заводчан и мощное подсобное хозяйство. Затем - перевод на отстающее предприятие, Машзавод, пошедший с приходом Хамизова в гору. То же и с заводом стройматериалов, где Ахмед Хусенович всё чётко наладил. Он считает: «Главное не то, как работает директор, а то, как в отсутствие директора действует его система».

И вот новый перевод, на сей раз на авторемонтный завод. Опять на прорыв! Проявив административно-хозяйственный талант, бывший спортсмен и учитель восстановил предприятие, доведя численность рабочих с оставшихся 10 до 170 человек и начав выпуск автобусов «КАВЗ». Это был рекорд! За ним следующие - модернизация производства, выход на новый уровень взаимодействия с потребителями. Выиграв тендер у Нефтекамского завода, Нальчикский авторемонтный приступил к

выпуску вахтовых машин для нефтяников «Роснефти» и Ставрополя.

Мы давно привыкли к удобству троллейбусов, но далеко не все знают, что троллейбусные линии в Нальчике построены при участии Хамизова и его трудового коллектива. Опоры линий, всё навесное оборудование произведены на авторемонтном. И стеллажи для Национальной библиотеки, и оборудование для рынков в Дубках и в микрорайоне Горный, а также для Черекского каскада ГЭС.

В сложное перестроечное время и за малые заказы брались, выполняли отлично. Можете сами убедиться, присмотревшись к декоративным воротам и решёткам ограждений частных домов.

Ахмед Хусенович сам работает на пять с плюсом и стремится, чтобы подчинённые также трудились, а для этого делает всё, чтобы у них и на производстве и в «порту приписки» был порядок. Потому за поддержкой к нему идут они и земляки-зольчане, соседи и друзья. А главной движущей силой развития производства лидер по натуре и учёный по призванию называет решение социально-бытовых вопросов коллектива на основе стабильной работы предприятия.

Все эти годы исследовательская жилка билась в Хамизове. Он старался понять мотивы поведения человека, секрет его успеха или неудачи, постичь законы развития общества, для чего счёл необходимым получить второе высшее образование. Опять без отрыва от работы окончил с отличием Кабардино-Балкарский агрометеорологический институт, а затем аспирантуру. С обретенной в спорте и закалённой на производстве выносливостью наш земляк продолжает штурмовать вершины науки. Следующей ступенькой стал Межгосударственный университет «Рутения», работающий под эгидой Международной академии наук Сан-Марино. Там неутомимый кабардинец защитил диссертацию на тему «Социальная и профессиональная мобильность работников в переходный период». Интересно, что представитель Кабардино-Балкарии собрал материал для кандидатской, а диссертационный совет признал его достаточным для докторской. Ахмеду Хусеновичу присвоено звание Доктора социологических наук, что подтверждает Диплом с алой корочкой. Раньше всех с этим счастливым событием поздравили Хамизова зольчане, ведь он первый Доктор наук в их селе!

Смолоду Ахмед Хамизов отличается настойчивостью, целеустремленностью, внимательным отношением к людям и мышлением государственного деятеля. Его волнуют заботы рабочих и служащих, он старается помогать нуждающимся. Отличаясь высокой работоспособностью, Ахмед Хусенович изучает передовой опыт промышленных предприятий и там, где трудится, внедряет новейшие достижения науки и техники. И не останавливается. Продолжая анализ механизма и факторов социальной и трудовой мобильности населения республики, изучает проблемы миграции и улучшает социальное положение земляков. Заботится о создании новых рабочих мест. Так недавно он открыл новую станцию техобслуживания микроавтобусов.

Хамизов остаётся разносторонним человеком. Был и кандидатом в депутаты, и председателем общества автолюбителей. Сумел с женой Светланой, педагогом по профессии, передать детям стремление к знаниям. По примеру отца Марина и Арсен получили по два высших образования и плодотворно трудятся. Дочь даже кандидатскую диссертацию по экономике защитила и успела двух внуков подарить. А сын пока одного продолжателя рода Хамизовых, зато очень смышлёного!

В большом сердце дедушки любви хватает на всех. Он не забывает ни одного из многочисленных родственников, (кстати обо всех них можно сказать только доброе) свою малую родину и всячески помогает Зольскому району, в том числе и техникой, финансами, как и подобает настоящим сынам. Так и живёт в любви к земле предков и в согласии со своей совестью человек высокого достоинства доктор социологических наук Ахмед Хусенович Хамизов. И я, как все зольчане, искренне горжусь таким земляком! Жизнелюбие, славные дела талантливого этого человека позволили ему занять заметное место в обществе. Как была заметна отовсюду величественная груша, под которой он вырос. Она украшала окрестности, а деятельность Хамизова украшает не только древо рода, но и Зольский район, Нальчик, любимую Кабардино-Балкарию.

Думаю, что каждый читатель, познакомившись с семьей и потомками Исмела Хамизова, поймет, что в генах всех Хамизовых добрые начала. Это наглядно показывает подвиг братьев Хамизовых из Каменноостского. Из шести ушедших на фронт братьев четверо отдали свои жизни во имя Победы. Благодарные земляки свято хранят память о героях, дав одной из улиц села имя «Улица Хамизовых».

МИТЯШКИНЫ

Недавно внуки подарили мне красный домашний костюм от Версаче. И когда я, проснувшись, надеваю красные эти брюки, мне вспоминается интересная картина из далёкого детства, когда мы жили ещё в землянке. Шёл нудный обложной дождь. Я вышел из землянки и, взглянув в сторону малкинского кургана, увидел пасшихся лошадей, принадлежавших кулаку Кушнаренко. Около табуна, словно гигантский сероватый гриб, стоял большой зонт, под которым сидел табунщик в чёрной рубашке и красных штанах.

Для меня, как и для других зольчан, чёрная рубашка была привычна, но красные штаны...Они вызывали у одних удивление, у других уважение (революционный цвет!), а у третьих, противников революции, - неприязнь к бедному бездомному батраку Якову Митяшкину, носившему те самые красные революционные штаны.

Старший сын бедного крестьянина села Петровского Ставропольского края Никиты Митяшкина, Яков, родившийся в 1906 году, после окончания Гражданской войны на Северном Кавказе ушёл из дому на заработки. Поиски работы, подходящей для малограмотного парня, привели его в Зольское к кулаку Дмитрию Кушнаренко, которому нужен был батрак. С тех пор парень, не имеющий ни кола, ни двора, ни образования, работу свою выполнял исправно. Но, вероятно, даже не предполагал, что у него будет хорошая семья, а его дети и внуки окончат техникумы и университеты и достигнут приличных высот в обществе.

Скромный работающий батрак понравился хозяину, а хозяйская дочь Маша его любила. Яша ведь был симпатичным, добрым, порядочным, да и, по всему видно, отвечал Маше взаимностью. Так что в начале 1927 года Кушнаренко отпраздновали свадьбу Якова и Марии. Но уже летом село было взбудоражено неожиданной высылкой семьи Кушнаренко, в общем-то, не очень богатой. Зольчане с удивлением смотрели, как приехавшие на большой грузовой машине люди грузят и увозят хозяев двора и их вещи.

Рыдающую Марию оставили в селе с мужем Яшей. Когда Кушнаренко увезли, его дом перешёл в собственность сельсовета. В нём открыли ветлечебницу, а Яков Митяшкин с молодой женой остались совсем неимущими. Пришлось ему вновь батрачить, а с ним и жене. Они стали работать по найму. Не имея собственного жилья, чета снимала квартиру то у одних, то у других односельчан. Но года через два старательные Яков и Мария построили себе хатку, в которой в 1929 году у них родился сыночек Володя. Мальчик не долго рос под присмотром мамы и пользовался её лаской. В 1932 году Мария умерла.

А в конце того же года в селе появилась молодая украинка Вера, бежавшая от голода из Киевской области. Вскоре рано овдовевший Яков и эта украиночка, Вера Петровна Оберкович, вступившая в колхоз «Маяк», зарегистрировали брак в Зольском сельсовете. В 1934 году у Митяшкиных родилась дочурка Нина. В 1937 году появился Витя, а через два года и Таисия.

Яков Никитович много лет работал на небольшом кирпичном заводе, построенном селом при его же участии на правом берегу речки у южной окраины Зольского, а в начале Великой Отечественной войны во время первой мобилизации был призван в армию. На плечи молодой колхозницы Веры легла забота о четырёх детях. Из них только двенадцатилетний Володя мог помогать матери. Он ухаживал за живностью, работал в огороде, доставал для дома топливо и присматривал за младшими.

А главу семьи определили на первых порах в тыловую службу полка. Затем он был курсантом полковой школы, в которой получил почётную для тех дней войны специальность пулемётчика. Воевать пришлось Митяшкину на Южном фронте. Сражался красноармеец отважно, что подтверждают его награды.

Ещё в начале 1942 года умелый пулемётчик за успешное отражение атаки немцев на Северском Донце был удостоен медали «За боевые заслуги». И в последующих сражениях он яростным огнём отважно отражал атаки фашистов. Во время наступления на Сталинград стрелковая рота, в которой воевал мужественный зольчанин, обороняла один завод. Бой длился весь день. И наши и гитлеровцы несли большие потери.

Во время контратаки нашей роты навстречу Митяшкину побежал немец. Бросив свой автомат и подняв руку с растопыренными четырьмя пальцами, он выкрикивал одно слово: «Киндер!» Яков, сам оставивший дома четверых ребятишек, понял, что у немца; как и у него, четверо детей и не стал

стрелять по безоружному врагу, решившему сдаться в плен.

Ожесточённый бой не утихал до заката, и, когда вечером прибыла помощь, от роты почти ничего не осталось. Лишь Митяшкин и его напарник продолжали вести огонь по врагу. Тогда немцы открыли по ним огонь из миномёта. Одна мина разорвалась рядом с пулемётом, и крупный осколок вонзился в правую ногу Якова. Из раны потекла кровь, но смельчак продолжал стрелять, пока не кончились патроны. Только после этого он достал из кармана индивидуальный пакет и наложил повязку на рану.

Лишь с наступлением темноты Якова доставили в санитарную роту. Полковой врач, сделав противостолбнячный укол, наложил на пострадавшую ногу давящую повязку и отправил раненого в медсанбат. Но там Митяшкину только сменили повязку и с группой других, нуждающихся в лечении, отправили в пересыльной медсанбат.

Отважного пулемётчика в теплушке везли на юг, подальше от фронта, а значит и поближе к дому. Яков даже не думал о том, что командование части представило его к большой награде - только что учреждённому ордену Отечественной войны. Лишь через 9 лет награда найдёт героя!

Стояла сильная жара, и раненная нога очень сильно воспалилась. Требовалась срочная операция, но в суматохе тех страшных дней лишь во Владикавказском госпитале Яков оказался на операционном столе. К тому времени от начавшейся гангрены нога до колена почернела, и, чтобы спасти жизнь раненому, врачи отрезали её полностью.

Ещё в первый день во Владикавказе Митяшкин, сообщил жене адрес госпиталя. Вера Петровна с разрешения председателя колхоза поехала туда. Увидев, что у мужа нет ноги, мужественно державшаяся женщина расплакалась. Узнав, что благодаря крепкому здоровью Якова рана на месте ампутации довольно быстро заживает, сострадательная и любящая его Верочка решила забрать мужа домой. Руководство госпиталя без лишней волокиты оформило необходимые документы. Уже через два дня отважный пулемётчик был дома и хотя медленно, но всё же сам передвигался на костылях.

Во время пятимесячной гитлеровской оккупации Зольского Яков со своего двора никуда не выходил. Подросший первенец старался помочь семье выжить в этих тяжелейших условиях. Ему приходилось работать в огороде, с друзьями ловить рыбу в Золке на пропитание и приносить с поля солону для печки.

10 января 1943 года гитлеровцы, сбитые с оборонительного рубежа перед Малкой, бежали. Зольчане с радостью встретили освободителей, которые, не задерживаясь в селе, продолжали теснить врага в сторону Пятигорска. Днём Володя с соседскими ребятами отправился в поле за соломой. У скирды дети увидели лежавшую на земле игрушку в виде бабочки. Любознательный Володя не ведал, что вероломные фашисты, отступая во многих местах оставили такие «новогодние подарки» для советских детей. Мальчик поднял бабочку и услышал, что она тихо зажужжала. Друзья, перепугавшись, крикнули: «Брось её!» и разбежались в разные стороны. Володя и бросил, но смертоносная игрушка отлетела недалеко и взорвалась. Один осколок пробил ему грудину и повредил сердце. Врачи не смогли спасти жизнь ребёнка. Через два дня этот удивительно стойкий подросток, сумевший за свои неполные 14 лет сделать для семьи больше, чем иной взрослый, умер.

Яков Никитович был человеком большой силы и воли. Потеря ноги и смерть первого сына, надёжного помощника не смогли сломать его, но раны на сердце оставили. Как только в Зольское вернулись из эвакуации районные начальники, Яков Никитович поступил на работу в Райпотребсоюз. Сначала развозил хлеб по торговым точкам, а затем работал заготовителем. В ноябре 1943 года у Митяшкиных родился сынишка, которого в память о погибшем первенце назвали Володей. Ещё один сын, Коля, родился в 1948 году. Вера Петровна как многодетная мать была награждена медалью «Материнская слава».

Семья выросла, на нужды Нины, Вити и Таси ходивших в школу, требовалось больше и больше денег, и Яков Никитович купил несколько ульев с пчёлами. Пасека с каждым годом пополнялась и исправно помогала семье. Так что пришлось инвалиду войны всю оставшуюся жизнь заниматься пчелами, стараясь, чтобы все дети учились и получили специальность по душе.

Первой этого достигла Нина. Она после семилетки окончила Нальчикский Торгово-кооперативный техникум. Затем недолго работала бухгалтером родной школы. Активную комсомолку избрали членом районного комитета ВЛКСМ. 8 лет Нина Яковлевна возглавляла орготдел РК ВЛКСМ. Но в начале 50-х годов центр Зольского района перенесли в село Залукокоаже, и смелой девушке пришлось в любую погоду и засветло и затемно пешком, что позже сказалось на здоровье, ходить на

работу за 6 километров! Несмотря на это, Митяшкина была одной из лучших комсомольских работников района. В 1957 году её премировали бесплатной путёвкой на Всемирный фестиваль молодёжи, проходивший в Москве.

В 1958 году Нина Яковлевна становится заведующей Зольским почтовым отделением районного узла связи. А на следующий год ей предложили переехать в Нальчик, работать в Центральной Сберегательной кассе оператором. Вскоре же за великолепные деловые качества и умение руководить людьми назначили заведующей 32-ым отделением сберкасс. В 1962 году эта незаурядная женщина вышла замуж за Долгова Дмитрия Фомича. У них родились сыновья: Владимир и Александр. Оба с высшим образованием, имеют семьи.

Уйдя на пенсию, Нина Яковлевна не смогла сидеть без дела и несколько лет работала оператором котельной, чтобы помочь детям получить высшее образование и наладить свою жизнь, как когда-то помогал ей с братьями и сестрами их любящий отец.

Старший сын Якова Никитовича и Веры Петровны, Виктор, исполнил свою мечту, поступив после средней школы в Ленинградское Военно-морское училище. После его окончания зольчанин служил в морской авиации Балтийского флота. Капитану Виктору Яковлевичу Митяшкину пришлось участвовать в военных действиях в Египте. По просьбе президента страны Насера наши лётчики обеспечивали охрану Асуанской плотины и ГЭС.

Это было очень ответственное, с риском для жизни, задание!

К своим служебным обязанностям Виктор относился со всей серьёзностью и успешно продвигался по службе, был удостоен ряда государственных наград. К сожалению, тяжёлые условия военной службы сказались на здоровье, он заболел бронхиальной астмой. Командование Воздушными Военно-морскими силами, учитывая богатый опыт подполковника Митяшкина и состояние здоровья, решило перевести его на юг.

1978 году наш доблестный земляк приступил к службе на Черноморском флоте в должности командира боевой части, находившейся в Николаеве. В мае во время инспектирования отдалённого подразделения вверенной ему части у Митяшкина начался сильный астматический приступ. На беду некому было оказать нужную медицинскую помощь, и 27 мая 1978 года жизнь Виктора Яковлевича оборвалась. Ещё молодой подававший большие надежды полковник В.Я. Митяшкин похоронен с воинскими почестями в Нальчике.

Дочь Якова Никитовича и Веры Петровны Тася, окончив 9 классов средней школы, в 1956 году стала дояркой колхоза «Зольский». В 1959 году она перешла на Малкинский конезавод №34. Через 3 года старательная представительница семьи Митяшкиных перебралась в Майский район, где и работала на Кабардинском конезаводе №94. Выйдя замуж за Николая Афанасьевича Змиевского, механизатора совхоза «Терек» Моздокского района, Таисия уехала к нему в посёлок Притеречный, где проживает в настоящее время. Чета Змиевских родила и воспитала дочерей - Татьяну и Любовь.

1986 год принёс Митяшкиным ещё одно горе - умер Николай, самый младший сын. После школы он стал механизатором колхоза «Зольский», а затем - шофёром в АТП города Новопавловска Ставропольского края. У него осталось четверо маленьких детей. Как и родители, Николай мечтал иметь большую дружную семью.

Володя, родившийся во время войны, рос любознательным. Он в 1961 году с серебряной медалью окончил среднюю школу. Затем романтика поманила - устроился рабочим в Кабардино-Балкарскую комплексную геологическую экспедицию.

В 1962 году призвали парня в армию. Ему довелось служить в ракетных войсках в Армении. После демобилизации в 1965 году Владимир Митяшкин поступил на физико-математический факультет Кабардино-Балкарского Государственного университета, где проявил себя как пытливый способный студент. На втором курсе он женился на своей односельчанке и однокласснице Ольге Полищук, второкурснице химического факультета. В 1968 году у молодожёнов родилась дочь Оксана. Студенческую семью поддерживали родители. Вдобавок к этому Владимир работал электриком Автоколонны № 1438 в Нальчике.

В 1970 году супруги успешно закончили университет. Ольга Александровна стала инженером Нальчикского полупроводникового завода, а Владимира Яковлевича оставили работать в университете на кафедре экспериментальной физики.

В 1971 году Митяшкина призвали на службу в органы Государственной безопасности и

назначили инженером отделения правительственной связи КГБ при Совете Министров КБ АССР. В ноябре 1971 года Владимиру Яковлевичу присвоили звание лейтенанта. Ответственно, по семейной традиции, относясь к исполнению своего долга, он заслужил уважение коллег и одобрение старших по рангу и успешно продвигался по службе.

В 1996 году, получив не один знак отличия, подполковник В.Я. Митяшкин с должности главного инженера, заместителя начальника Центра Правительственной связи ФАПСИ при Президенте РФ в КБР отправлен в запас по выслуге лет.

В этом же году нашему земляку высокого интеллекта и больших организаторских способностей предложили организовать работу по строительству и вводу в коммерческую эксплуатацию сети сотовой связи «СОТЕЛ» в должности технического директора ЗАО «Кабардино-Балкарская сотовая связь» и не ошиблись, как показало время.

Наверное, нелегко стараться заменить родителям любимого сына, бывшего настоящей опорой и хорошим хоть и не успевшим повзрослеть гражданином страны. И быть похожим на героя-отца да не растерять материнской доброты тоже непросто, но у Владимира Яковлевича это получилось.

У Митяшкиных две замечательные дочери. Оксана, после окончания КБГУ преподаёт математику в старших классах Нальчикской средней школы № 4. Младшая дочь, Юля, недавняя выпускница медицинского факультета КБГУ, работает в городской детской поликлинике № 1 врачом эндокринологом.

Уже подрастают талантливые внуки, радующие дедушку Володю и бабушку Олю своими успехами. Станислав, сын Оксаны, хорошо рисует, очень рано освоил компьютер. А Лизочка, Юлина дочка, - маленькая гимнастка и вполне вероятно, что через несколько лет будущий мастер спорта Елизавета станет чемпионкой

Старших из этой известной всем зольчанам (и не только) фамилии давно уж нет, но их черты и дела продолжают в молодой смене.

2009 г.

ЖИГАТОВЫ

Житель села Атажукино (Кызбурун-1) Жигатов Шута Жамботович первым среди кабардинцев переехал в Зольское. Вскоре в селе оказались и его братья: самый старший из Жамботовичей Азамат, Тли и Худ.

Поговаривали, что у Шуты немало лошадей и овец на горных пастбищах. Но я не уверен в правдивости тех слухов. Знаю, что к зиме 1930 года этот серьёзный кабардинец купил у нас корову Майку за 300 рублей, а в марте следующего года перед нашим отъездом из Зольского и молодую телушку, её дочку.

Жигатова уважали и зольчане и земляки-кызбурунцы. Это подтверждает интересный факт - на первом же собрании созданного колхоза «Коллективный труд» его избрали заместителем председателя колхоза. Шута Жамботович стал хорошим помощником Касыму Емкужеву.

Шута и его супруга Бляца имели трех сыновей и дочь. Старшим был Мухаб, с которым мы вскоре подружались, и он учил меня играть в альчики и гонять по льду юлу-чин. Младшие, Султан-Хамид и Мухамед, уже после войны служили в армии.

Шута и Бляца отличались неравнодушием и общительностью. Когда в 1935 году Зольское стало райцентром, в нём ещё не было специальных строений для разных райцентровских служб. Жигатовы кроме хорошего дома имели просторную летнюю кухню. Её они отдали под столовую, и с тех пор в их дворе всегда было много народа.

Родственник Шуты, Жигатов Казибан, тоже пользовался уважением окружающих. Об этом говорит решение общего собрания жителей Зольского, которым ещё 25 октября 1930 года Казибан был избран членом ревизионной комиссии. Его также ввели в состав избирательной комиссии села.

Более подробно следует рассказать о старшем сыне Жамбота, Азамате, и его семье. Он, фельдшер, был одним из первых интеллигентов в селе. Осенью 1930 года он делал школьникам прививки против оспы. А в то время многие очень боялись уколов, прививок. И умный доктор

пообещал первым смельчакам подарить по красивой коробочке. Мне очень хотелось для игры иметь красивую коробочку, и я оказался в числе счастливцев, получивших подарок врача. Взрослых же он умел доходчиво убеждать добрым своим голосом. До сих пор на моём правом предплечье видны следы прививки, сделанной Азаматом Жамботовичем, которая уберегла меня от опасной болезни.

Азамат и его жена колхозница Шарифа Талибовна родили и воспитали восьмерых детей! Так что по праву хорошую эту многодетную женщину наградили орденом Материнская слава. Старшая дочь Жигатовых, Маржалена, была одной из первых трактористок села. Всю войну девушка заменяла ушедших на фронт мужчин. Они с мужем, которому не хватало лет для того, чтоб идти в армию, тоже трактористом колхоза, помогали фронту своим трудом, выращивая урожай.

Салям Азаматович был шофёром, Адальби Азаматович - бухгалтером, Хуарка - старательной колхозницей, Сафарби - строителем. Талибат Азаматовна возглавляла колхозные детские ясли. Необычную для кабардинца профессию избрал Хараби Азаматович, став железнодорожником. И не рядовым, а начальником железнодорожной станции в Мурманске, где большинство людей до его появления там, на далёком севере, о кабардинцах только читали!

В 1940 году у Шарифы и Азамата родился сын, которому предстояло стать широко известным в Кабардино-Балкарии и за её пределами. Сына назвали Сашей. А соседи звали малыша Шуриком. Под таким именем его знали и в школе. Шурик был хорошим учеником и активным пионером. В 8 классе его приняли в комсомол. Вскоре одноклассники выбрали Жигатова комсоргом. Позже он был избран секретарем школьной комсомольской организации. А когда в школе создали ученическую производственную бригаду, Сашу избрали её бригадиром. По итогам работы в 1957 году бригада заняла одно из первых мест в районе. За хорошее руководство ею Александра наградили памятным знаком ЦК ВЛКСМ.

Вскоре после выпускного в средней школе Александра призвали в армию. Ему довелось служить в ГДР. Там, в армии, в 1960 году добросовестного и инициативного отличника боевой и политической подготовки, приняли в ряды КПСС.

Возвратившись в ноябре следующего года в Зольское, бывший солдат недолго сидел без дела. В январе 1962 года Молодого грамотного члена партии назначили инструктором райкома ВЛКСМ. А в 1965 году за активную работу в качестве инструктора и порядочность комсомольцы района избрали Александра Жигатова первым секретарем райкома.

На этом посту Александр работал недолго. Его успешную деятельность заметили руководители республики, и в 1967 году на очередной Кабардино-Балкарской комсомольской конференции славный зольчанин был избран 2-м секретарем обкома ВЛКСМ. Ему пришлось попрощаться с родным районом и поселиться в Нальчике. Вторым секретарём обкома ВЛКСМ Жигатов работал 5 лет. За это время он побывал не только во всех районах, но и в большинстве крупных комсомольских организаций республики.

В декабре 1979 года ответственного и авторитетного нашего земляка избирают первым секретарём обкома комсомола. Через год коммунисты столицы Кабардино-Балкарии избирают его в состав Нальчикского горкома КПСС, а на пленуме утверждают вторым секретарём.

Мы знаем, что иной работник недолго удерживается на одном месте потому, что от него стараются быстрее избавиться. Но Александр Азаматович недолго был вторым секретарём горкома партии совсем по другой причине! Коммунисты Кабардино-Балкарии, оценив организаторские способности Александра Жигатова в декабре 1980 года избрали его в состав обкома партии. 11 лет, до развала обкома, незаурядный этот человек успешно возглавлял главный отдел обкома - организационный.

Кому-то из молодых покажутся неинтересными эти строчки: избрали, работал... И что за работа для мужчины - инструктор, секретарь? Но старшее поколение знает, как нелегко было дело руководящих комсомольских и партийных руководителей. Это вовсе не конторская деятельность, а неустанная работа с живыми людьми на производстве и в колхозах, в организациях и воинских подразделениях. Страда ли в селе, прорыв ли на заводе - всюду партработники. Они разрешали самые разные вопросы, учитывая нужды народа, подчас в ущерб своей семье, общению с детьми. А ещё надо было выкраивать время на обучение молодых кадров и даже написание брошюр и книг о лучших комсомольцах, коммунистах, их опыте. Так что порой Жигатов спал, как Моцарт, по четыре часа в сутки. Авралы, волнения, сопереживание попавшим в беду, конечно, оставили след на сердце.

С 1991 по 1993 год Александр Азаматович был заместителем управляющего акционерной компании «Каббалксельхозтехника». В декабре 1993 года его, умудрённого годами работы с людьми, назначают руководителем аппарата Парламента КБР, который он успешно возглавлял почти 11 лет. В июне 2004 года Жигатов ушёл на заслуженный отдых.

За добросовестный труд наш земляк награждён двумя орденами «Знак Почёта», многими медалями и грамотами ЦК ВЛКСМ и других государственных и партийных органов.

При всей своей занятости Александр, стремясь получить высшее образование, в 1963 году поступил на заочное отделение инженерно-технического факультета КБГУ и успешно завершил учёбу через 6 лет. В дальнейшем Жигатов также заочно окончил и Ростовскую высшую партийную школу.

В сентябре 1965 года Александр женился на залукокоажской комсомолке Бжениковой Розе Рамазановне. У них - дочери Анжелика и Елена. У каждой - по двое детей.

В Зольском в доме Азамата Жамботовича продолжает жить Адальби Азаматович, которому довелось стать, как говорил отец великого Владимира Маяковского, «наследником фамилии и пустых имений». Не корыстны предки, но хороший хозяин поправляет дела.

Жигатов Жамбот был бы рад узнать, что у его внука Адальби два сына и восемь внуков. Жиг - по-кабардински дерево, ат - поднять. Значит над благодатной зольской землёй поднимается молодая поросль его рода. Пусть этот лес, славный род Жигатовых, полнится!

2008 г.

ЯКУШКИНЫ

В один из ясных весенних дней 1927 года зольчане были поражены невиданной картиной: перевозкой с одного края села в другой не какой-нибудь арбы сена, а большого амбара! Невиданное событие в тот день оторвало от дел многих жителей села от мала до велика. Работавшие в огородах люди, побросав свои лопаты и грабли, вышли на улицу поглядеть, как 4 пары волов, запряжённых цугом, тянут огромную тележку, на которой стояла половина большого амбара с крышей и закромами. Это событие сорвало урок.

Ученики, а за ними и учитель Алексей Алексеевич, увидев приближающуюся к школе процессию, вмиг оказались на улице. Ребятишки с весёлым шумом сопровождали необычный груз. Несколько мальчишек во главе с Павликом, старшим сыном Андрея Якушкина, примостились вокруг переполовиненного амбара.

Старшие, глядя на процессию, обсуждали происходящее. Кто-то произнёс: «Ну, теперь Якушкины окончательно разделились!».

Якушкины... Среди первых поселенцев будущего села Зольского не последнюю роль исполнял старый Антон Якушкин. По конной переписи 1886 года только у 14 новосёлов имелись лошади. У Якушкина Антона их было 7. Лишь у Ивана Ягодзинского больше - 9.

У Антона был сын Никита и безлошадный племянник Трофим, живший рядом. Трофим с группой односельчан в 1900 году на полученный кредит приобрёл участок земли. О его семье и о том, куда он потом делся, я, не помню. А о его двоюродном брате Никите с наследниками стоит рассказать. Он с сыном Андреем жил в юго-западной половине села.

Не ведаю, когда и как пустующий участок посреди северо-восточной части Зольского по соседству с двором Павла Токаренко, через улицу от дома Моисея Волченко, оказался в руках Якушкиных. Но примерно к 1925 году Никита построил на нём неплохую хату с небольшим сараем для сына Андрея и его жены Лиды, урождённой Волченко. К тому времени у них были сыновья Павлик, мой будущий друг и одноклассник, и маленький Витя.

Мне не известно, почему умерла совсем ещё молодая Якушкина, но Андрей Никитович недолго ходил вдовцом. Малолетним сыновьям нужна была мать, и он женился на Анастасии Лазаревне, которая впоследствии родила сына Бориса и дочерей Лиду и Олю.

Семье, разумеется, выделили участок земли. А где хранить урожай? Вот отец с сыном и решили распилить стоявший во дворе Никиты большой амбар и одну его половину перевезти через всё село во двор Андрея. Я помню, что амбары тогда стояли не на сплошном фундаменте, а на столбиках из кирпича. И амбар Никиты - на столбиках высотой около аршина. Перед тем, как распилить его, под

половину, отходившую Андрею, подвели длинные балки и установили их на специально изготовленные тележки. Когда стало можно начинать транспортировку, и разобрали часть забора, свояк Андрея, Моисей Волченко, подъехал на своём «Фордзоне». Он вытащил громоздкую платформу на улицу, где уже спокойно стояли волы в ожидании посильной только им работы.

По сигналу погонщиков волы, продолжая на ходу пережёвывать съеденную траву, не спешно, со скоростью километра два в час потащили тележку по улице. Примерно через час они со своим странным грузом были у двора Андрея. Тут откуда-то вновь примчался трактор, и последние метры к месту назначения амбар вёз Моисей. Я постарался подольше быть во дворе Андрея Никитовича, наблюдая, как плотники во главе с Каплауховым Михаилом прилаживают к привезённой половине четвёртую стенку.

Вскоре мы с Павликом установили, что в амбаре можно играть в прятки. Особенно интересно было, когда в закромах появилось зерно. Казалось, так хорошо прятаться в закроме с пшеницей! Зароешься в чистое зерно и доволен, что тебя не сразу заметят в полутёмном амбаре. Но однажды после неприятного случая, который мог завершиться трагедией, нам запретили в нём играть.

В тот год у Андрея Якушкина хорошо уродило просо. Чистым золотистым зерном заполнили большой загром. Однажды я решил там запрятаться. Прибежал и плюхнулся на просо, думая, что заруюсь в него. Но просо - не пшеница, и я, словно в воде, стал тонуть. Перепугавшись, я заорал от страха. Прибежавшие старшие успели вытащить меня. Тетя Настя потом вытряхивала просо не только из моей одежды, но и из ушей и носа.

Когда Андрей Никитович вступил в колхоз «Маяк», его хороший амбар перекочевал на колхозный двор, в нём хранили семенной фонд колхоза.

В 1929 году мы с Павликом поступили в 1-й класс. Он учился хорошо, был любознательным и, словно философ, стремился разобраться в различных явлениях, происходивших в природе. Наш учитель Сергей Николаевич не мог объяснить причин многих явлений, поэтому мы сами старались найти ответы на интересующие нас темы в журналах «Вокруг света» и «Техника молодёжи», которые с 1936 года отец выписывал для меня.

После окончания Зольской семилетки я поступил в Нальчикское педучилище, а Павлик - в библиотечный техникум в Ессентуках, и мы потом почти не виделись.

В 1939-1940-х годах я навещал Якушкиных. Андрея Никитовича почти никогда дома не было. Ему, колхозному бригадиру, приходилось по 15-16 часов трудиться на колхозном дворе, ведь на его попечении была колхозная конюшня.

В бывшем своём амбаре Якушкин хранил овёс для лошадей. Поэтому он часто бывал в нём где, кроме овса, хранил кое-что из сбруи. Однажды Андрей Никитович, взволнованный сообщением о начавшейся войне, неосторожно оступился в полумраке и ударился головой о металлический штырь, на котором висела сбруя. Удар был настолько сильным, что наш трудолюбивый и очень достойный земляк умер. В селе долго сожалели о нём.

В сентябре 1940 года я уехал в военное училище. Вскоре в армию призвали моего брата Александра и многих других ребят, в том числе и Павла Якушкина. Брат Саша после окончания полковой школы был пулемётчиком. В бою за Ельню его тяжело ранило. Он потерял правый глаз и инвалидом вернулся в Зольское. А заместитель политрука роты Павел Якушкин погиб на фронте, отдав жизнь за свободу Родины. Безмерно жаль, что оборвалась цепочка возможных грядущих поколений моего хорошего друга!

Виктор Андреевич пережил 5 месяцев оккупации села. Его вскоре после освобождения Зольского призвали в армию. Он попал в полковую школу в Гори, в которой освоил сапёрное мастерство и получил звание старшего сержанта. Воевал Якушкин на 2-м Белорусском фронте, будучи помощником командира сапёрно-разведывательного взвода. Дважды ранен. Второй раз уже за Неманом на земле Восточной Пруссии. За проявленный героизм награждён двумя орденами Славы и несколькими медалями. В январе 1945 года, получив инвалидность, демобилизованный старший сержант вернулся в Зольское.

Долго отдыхать не пришлось. В родной школе не было военрука, и Виктору Андреевичу предложили эту должность. В то время учительницей русского языка была Нина Григорьевна. Она понравилась бывшему сапёру, чувство было взаимным, и молодые сыграли скромную свадьбу. Через некоторое время военрука Якушкина, неплохо проявившего себя, назначили заведующим начальной

школы в соседнем селе Батех. Но скоро он перешёл опять в Зольскую школу, поступил учиться на заочное отделение исторического факультета Нальчикского пединститута. Хорошего учителя и воспитателя назначили директором — до самого выхода на пенсию руководил Виктор Андреевич родной школой!

Став пенсионерами, Якушкины переехали в город Лермонтов, где и живут вместе с дочерью. Дружные супруги родили и воспитали сыновей Бориса и Юрия и дочь Татьяну.

Борис окончил физико-математический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета. После получения диплома Борису Викторовичу довелось несколько лет работать в Аргентине, где он боролся с лавинами Южно-Американских Анд. В настоящее время ценный специалист руководит противолавинной службой Кабардино-Балкарии. Он женат на бывшей сотруднице этой службы Нине Ивановне, с которой живёт в Нальчике. У них две дочери: Светлана и Елена, которые перебрались в Санкт-Петербург.

Татьяна Викторовна, окончив химический факультет университета, работает инженером завода «Оргтехника» в городе Лермонтове Ставропольского края. Там же, в Лермонтове, работает и инженер-энергетик Юрий Викторович, окончивший Орджоникидзеvский энергетический институт.

Род Якушкиных продолжает Борис, брат Виктора. Он также давно переселился в Лермонтов, где работает шофёром. У Бориса Андреевича есть сын Владимир, живущий там же. У него два наследника: Андрей Владимирович, идущий в этом, 2008 году в армию, и Евгений, ученик 10-го класса.

В общем, есть надежда, что род Якушкиных не переведётся, а достойно продлится!

МАРЖОХОВЫ

Когда-то Маржоховы жили в Прикубанье на реке Лаба. Кавказская война 19-го века сорвала многих адыгов с родных мест, и они вынуждены были искать пристанища в Кабарде. Весной 1852 года несколько семей, в том числе и Маржоховы, осели в верховьях речки Куркужин и основали аул Абзыуан-хьэблэ (Верхний Куркужин). К началу 20-го столетия в этом селе жили четыре брата Маржохо-вых: Эльдар, Шамиль, Аслангери и Калягери - сыновья старого уважаемого родом Хусина.

Начавшаяся в конце 20-х годов коллективизация привела к новому всеобщему переселению. Зажиточные Маржоховы, пытаясь уйти от коллективизации, оставили Верхний Куркужин и переехали в Зольское.

Летом 1930 года, купив у Устина Погарецкого обширный двор с двумя домами, Маржоховы стали зольчанами. Мусарби Аслангериевич, Камац Канукович и Батырбек Татуевич с отцом быстро освоились в селе. Старожилы Зольского вскоре познакомились с их многодетными семьями. Как вспоминает внук Батырбека, Мачраил Абубекирович, особенно в их роду за ум, доброту и отзывчивость уважали Камаца Кануковича. Этого авторитетного человека не только младшие, но и старшие звали папой. Вскоре и другие оценили это и нередко приходили за советом к рассудительному соседу.

Более других новосёлов на зольчан произвёл впечатление Мусарби Аслангериевич. В то время не только среди горцев, но и в Пятигорске, куда селяне часто хаживали и ездили, людей интеллигентного вида было мало. А Мусарби в аккуратном тёмном костюме походил на школьного учителя. И ещё он удивил богобоязненных баптистов тем, что у него было две жены: пожилая женщина, мать моего товарища Боли, и молодая. Соседки вскоре установили, что в многолюдном дворе Маржоховых командует старшая, а младшая, как все остальные члены семьи, без пререканий выполняет её распоряжения.

В интересной дружной семье Мусарби было 5 сынов и 2 дочери: Мухамед, Борис, Башир, Боля, Бора, Альжан и Маржан. У Камаца - трое детей: сыновья Хамид и Лёля, и дочь Лала. А у Батырбека росли 5 сыновей и одна дочь: Абубекир, Исуф, Толя, Алий, Заурбек и Роза.

Все потомки старого Хусина отличались трудолюбием и сообразительностью. Многие из них были одарёнными личностями, смолodu имели способность принимать правильные решения и руководить коллективом. Не случайно сын Мусарби Аслангериевича, Мухамед, после окончания Зольской неполно-средней школы перед войной был избран секретарём Райкома Комсомола. Он одним из первых зольчан поступил в военное училище и стал офицером Красной Армии. Мухамед Маржохов был отважным командиром! Он довольно быстро дорос до майора и командовал стрелковым батальоном. 24 сентября 1944 года комбат майор М. М. Маржохов погиб геройской смертью в сражении

под Шяуляем.

...У Мухамеда и Жануси три дочери: Лида, Рима и Тома. Зольскую среднюю школу они закончили с Золотой медалью, и все получили высшее образование. Лида много лет работала заведующей детским инфекционным отделением Нальчикской горбольницы. Она была членом Академии медицинских наук России. Рима - Заслуженный врач, трудится в Республиканской больнице, а Тома - сотрудница Пенсионного фонда города Нальчика.

Другой правнук Эльдара, тоже Мухамед, сын Хажи Татуевича, стал писателем, известным в литературном мире как Тенгиз Адыгов. Он живёт в Москве, но часто приезжает на землю предков, питающую его талант. Исторический роман Тенгиза «Расколотый щит», в котором автор рассказывает о жизни адыгов в начале 13-го века, удостоен диплома «Лучшая книга года». Перу писателя принадлежит интересная повесть «Красная люстра», рассказы «Жаркое солнце июля», «Под одинокой вербой» и другие произведения, надолго оставляющие тепло в душе читателя. Совсем недавно вышли в свет три новые книги славного нашего земляка.

Среди Маржоховых, выросших в Зольском, малограмотных нет, почти все они имеют высшее или среднее специальное образование. И бездельников, как говорит Мачраил Абубекирович, среди них тоже нет.

У всех зольчан большим уважением пользовались братья Батырбек и Исмель Татуевичи. Братья старались помочь нуждающимся односельчанам. У них были ларьки в Пятигорске на Верхнем рынке. Они жили богато, но по своей доброте торговали честно. Достойным наследником дела и доброты Батырбека был его сын Абубекир. Говорили, что Абубекир не может уснуть, если за день не помог кому-нибудь. Характер этого любимого людьми старшего внука Тату Эльдаровича хорошо отражает моё четверостишие:

Когда вдруг с тобою несчастье случится,
Адыг не пройдет стороной,
Он тут же на помощь тебе устремится
- Обычай адыгов такой.

Столь же почитаема в селе сестра Абубекира Роза Батырбековна. Она много лет в родной Зольской школе преподавала русский язык и литературу. После её ухода на заслуженный отдых прошло немало лет, но не только её ученики, но уже и их дети с большим уважением относятся к этой мудрой благородной женщине.

Как уже отмечено, Маржоховы отличаются деловыми качествами. Так младший брат Абубекира и Розы, Али Батырбекович, много лет руководит Зольской ПМК-5, находящейся в Залукокоаже. Их двоюродный брат Хамид Камацевич свою жизнь посвятил службе в органах МВД. Он много лет возглавлял отдел транспортной милиции. За самоотверженный труд награждён Орденом «Знак Почёта» и другими знаками отличия СССР. После 40 лет добросовестной службы майор милиции Хамид Камацевич вышел в отставку. Он до сих пор является примером для молодёжи.

У Али Батырбековича обе дочери, Аида и Наида, тоже закончили Зольскую среднюю школу с Золотой медалью. Аида работает в Республиканском пенсионном фонде. Наида опытный бухгалтер одной из фирм города. Все успехи отросточков генеалогического древа Маржоховых - не с чистого листа. Они обусловлены хорошим наследством, доставшимся от предков: трудолюбием, стремлением к знаниям, добротой.

Внук Батырбека, Мачраил Абубекирович, хороший организатор. Где б ни трудился, всюду с пользой. А 8 лет, до выхода на пенсию, был Генеральным директором фирмы «Рембыттехника», которую затем возглавил брат Султан Абубекирович. Султан открыл также ресторан «Батыр», названный в память об уважаемом деде. Опыт Мачраила тоже пригодился здесь. А в свободное время этот мужественный человек освоил компьютер и начал писать свои воспоминания о роде Маржоховых.

Внуки Батырбека востребованы во многих сферах деятельности. Хазраил Абубекирович успешно возглавляет службу спасения при МВД КБР, за что награждён рядом орденов и медалей. Самый старший внук Батырбека, ветеран труда Мухарбек, добросовестный инициативный человек. Он долгие годы работал в Министерстве бытового обслуживания, а теперь на заслуженном отдыхе.

Большинство потомков старого Хусина не находя применения своим силам и способностям в Зольском, выехали в Нальчик.

В 2010 году исполнится 80 лет со времени появления Маржоховых в Зольском. Учитывая, что

этот род очень дружен, можно предположить, что на славный юбилей в село съедутся все. Благо, есть кому принимать гостей - на земле предков живут Али Батырбекович, Борис Мусарбиевич и внук Мусарбия Хасан Баширович.

Верится, что к следующим юбилеям род Маржоховых станет ещё мощнее!

2009 год.

ШУРДУМОВЫ

Род Шурдумовых, живущих в Зольском районе и их родственники, по данным его представителя доктора химических наук Барасби Шурдумова, происходит от известных в Западной Черкесии Лоовых. Прадед Барасби,-Машуко - сын Локо, в своё время принял фамилию Шур-дым. Он, переехав в Кабарду, поселился в ауле Верхнее Атажукино. Семья у Машуко была большая. Четыре работающих сына: Лукман, Якуб, Шухиб, Белостан на кабардинской земле завели дружные многодетные семьи, старательно укрепляли свои хозяйства и к началу коллективизации стали зажиточными крестьянами.

В 1930 году, стараясь избежать раскулачивания, многие семьи покидали свои сёла. Беда вынужденного переселения задела и Шурдумовых. Осенью того года Белостан и его сыновья Азрет, Музакир и Сахадин покинули Заюко-во и переехали в Зольский район. Белостан с Азретом приобрели в Зольском у Черевко Матвея землю и просторный дом в центре села, через дорогу от школы. Во дворе, кроме хорошего сарая, была ещё и небольшая хатёнка. Недалеко от Азрета поселился Сахадин, а Музакир приобрел дом в соседнем селе - Батех.

К тому времени в Зольском уже был колхоз «Маяк». Новосёлы, видя как трудятся и живут колхозники, довольно скоро оценили пользу совместного труда и начали вступать в колхоз. 19 января 1931 года пять кабардинских семей: Емкужева Касыма, Хуранова Пшикана, Нахушева Назира, Каскулова Бея и Хашева Азрета организовали товарищество по совместной обработке земли. В него в течение недели вошли более 20 семей, в том числе и семья Азрета Шурдумова - 10 душ.

В феврале 1931 года это товарищество преобразовали в колхоз «Коллективный труд». Вскоре в него вступил и Сахадин. Все взрослые Шурдумовы были хорошими тружениками и добросовестно выполняли работы, на которые посылал их бригадир колхоза Корней Хамизов.

Шурдумовы были добрыми отзывчивыми соседями Ягодзинского Ивана Павловича. Двор и огород с садом у Азрета отличался ухоженностью. У дома в небольшом палисаднике у Кати Черевко (дочери бывшего хозяина) росли цветы. Катя их очень любила и гордилась своими пионами, георгинами и ароматной ночной фиалкой. И при Шурдумовых палисадник продолжал радовать селян и гостей Зольского яркими цветами, за которыми любовно ухаживала юная Каральхан.

В 1933 году крестьяне села решили открыть школу крестьянской молодежи, пригласили из Пятигорска учителя Сергея Николаевича Александровского. Жильё для него нашли довольно быстро. Шурдумовы отдали свою хатку под квартиру учителя. Они помогали одинокому квартиранту, с которым Белостан и Азрет в свободное время находили темы для беседы. Члены семьи Азрета по вечерам с удовольствием слушали приятную музыку, доносившуюся из хатки. Сергей Николаевич часто брался за скрипку, она в руках мастера начинала завораживающе петь. Летом 1935 года Сергей Николаевич женился на женщине с умственными недостатками, которую все называли Касьяновной. И с ней Шурдумовы ужились, что подчёркивает их добросердечность.

У Азрета, кроме Каральхан, было три замечательных сына: Мухадин, Хасин и Николай. Хасин после окончания 7 класса работал киномехаником, а затем до ухода на пенсию - водителем машины Скорой помощи. Остальные дети получили высшее образование. Николай работал в шахтоуправлении Тырныаузского Вольфрамо-молибденового комбината. Каральхан стала заведующей швейной мастерской города Тырныауза, а, выйдя замуж, продолжала трудиться в Чегеме. Мухадин Азретович был страстным любителем гор. Он много лет отдал развитию Приэльбрусья, работал председателем Тырныаузского Горисполкома, директором гостиницы «Иткол» и начальником любимого альпинистами лагеря «Баксан». Он консультировал создателей фильмов, снятых в Баксанском ущелье, - «Вертикаль», «Голубой лёд» и других. Сын Мухаммеда Владимир включился в бизнес и занялся торговлей. Дочь Галимат -дипломированный врач, а Аминат, окончив факультет английского языка, работает в Москве.

У Музакира два сына - Леля и Муаед. Они живут и трудятся в Батехе.

Младшему брату Азрета, Сахалину, пришлось воевать с гитлеровцами. Ему посчастливилось вернуться домой живым с боевыми наградами. У него четыре сына: Борис, Джабраил, Ибрагим, Мухамед и дочь Аминат. Борис с женой, русской красавицей Людмилой, живут в Зольском. Они выкупили сельский магазин и обеспечивают односельчан всем необходимым. У них подрастают наследники, сын и дочь. Ибрагим много лет работал шофёром в родном Зольском. И он позаботился о своих наследниках. У него трое детей. Мухаммед женат тоже на русской Любе. Он с ней живёт в Залукокоаже.

А Джабраил выехал в Карачаево-Черкессию.

...Говоря о Шурдумовых, необходимо вспомнить, что не все сыновья Машуко выехали из Заюково. В нём остались Лукман, Якуб и Шухиб.

В 1930 году на Баксане началось возведение Баксанской ГЭС. В Заюково построили дамбу через реку и несколько домов городского типа для штаба стройки и инженерного состава. В селе запахло новой жизнью, и это благотворно повлияло на образованность и культуру жителей Заюково. Веяния новой жизни коснулись и Шурдумовых. Особенно большое стремление к наукам советская власть пробудила у потомков Лукмана Машуковича.

У Лукмана и его верной жены Хьет, в девичестве Жанхотовой, было три сына: Каспот, Эльмурза и Харли, и три дочери: Лостэ, Кокураша и Лац. После замужества Лостэ стала Маршенкуловой, Кокураша - Пшиготижевой, а Лац - Хадзугемовой, жительницей села Исламей. Из всех детей Лукмана больше всех прожила Кокураша, сохранившая память о своём деде Машуко.

У Касбота и его жены Жансурат родилось трое детей: Марусхан, Газали и Барасби. К сожалению, Касбот в 1940 году заболел и умер. Марусхан тогда было лишь 12 лет, Газали - 5, а Барасби - 3 года. Стойкой Жансурат в грозные военные и трудные послевоенные годы пришлось с помощью доченьки Марусхан растить и воспитывать талантливых сынов, прославивших фамилию Шурдумовых далеко за пределами не только Кабардино-Балкарии, но и России.

В дружной семье Жансурат все дети были приучены к РУДУ- Дочка, пока мама была на работе, выполняла все домашние дела и помогала братьям, которые регулярно ходили в лес за хворостом для отопления дома. Марусхан перед оккупацией села гитлеровцами успела отличницей закончить 7-й класс. После оккупации из-за нехватки учителей ей, совсем юной девушке, предложили принять первый класс в родной школе. Марусхан, работая, заочно окончила Нальчикское педагогическое училище. Молодая учительница пользовалась уважением жителей села, что подтверждается тем, что её неоднократно избирали депутатом сельского совета. Выйдя замуж, Марусхан стала Шугушевой.

Заработки Марусхан помогали Жансурат одевать и обувать подрастающих сынов, учившихся отлично. А во время каникул и парнишки всё лето до седьмого пота работали в родном колхозе имени Кирова.

Благодаря советской власти, заботившейся об образовании народа, братья успешно окончили школу и продолжили учёбу в ВУЗах. Первым высшее образование получил Газали, окончивший естественный факультет Кабардинского Государственного пединститута. Барасби с детства мечтал стать инженером-химиком. Для исполнения мечты надо было ехать в Новочеркасск или в Грозный. Из-за недостатка средств на поездку в институт юноша поступил на работу. Будучи лаборантом химкабинета школы, он накопил небольшую сумму и основательно подготовился к экзаменам. В 1955 году целеустремленный заковец стал студентом механического факультета Грозненского нефтяного института.

И Газали, и Барасби после окончания институтов продолжили учёбу в аспирантурах и защитили кандидатские, а затем и докторские диссертации. Доктор химических наук профессор Газали Каспотович 30 лет в КБГУ возглавлял кафедру химии. Он почётный работник высшей школы России, заслуженный деятель науки КБР, академик Адыгской международной академии наук. За успехи в области изучения молибдена и вольфрама Кембриджским Биографическим центром награждён специальным дипломом. Американский Географический институт наградил Газали Каспотовича золотой медалью за работы по химии молибдена и вольфрама. Фамилия видного ученого занесена в американское издание книги «Кто есть кто в науке и технике», а также в книгу «Лучшие люди России».

У Газали и Нины Мухамедовны три дочери: Марьяна, Эльмира и Лиана. Марьяна - кандидат медицинских наук, преподаватель кафедры патофизиологии медфака КБГУ.

Эльмира - кандидат экономических наук, доцент кафедры финансово-экономического

факультета КБГУ. Лиана - кандидат юридических наук, работает в судебном департаменте Верховного Суда по КБР.

А ведущий сотрудник кафедры неорганической и физической химии доктор химических наук Барасби Каспо-тович за свои открытия и изобретения внесён в Адыгскую Энциклопедию, и в американское издание книги «Кто есть кто в науке и технике», а Международный Биографический центр наградила его золотой медалью. Это ли не слава Кабардино-Балкарии?!

Весом вклад Шурдумовых в отечественную и мировую науку, все они пользуются большим авторитетом в республике.

Барасби и его супруга Хаджат вырастили и воспитали трех сыновей: Азамата, Мурата и Анзора. Азамат и Мурат, идя по стопам отца, окончили аспирантуру по специальности «Физическая химия». Анзор окончил стоматологическое отделение медфака и в настоящее время проходит ординатуру. И другие внуки Камбота и Жансурат продолжают дело своих отцов. Они успешно окончили ВУЗы и плодотворно работают. Учеными стали и дети Марусхан Шугушевой, правнучки знаменитого Машуко. Хасан стал биологом, а Хусейн - физиком.

У Якуба Машуковича был один сын Амин. Он погиб на войне в 1914 году. У Шухиба было три дочери: Все они удачно вышли замуж. Хура вышла замуж за заюковца Кодзокова, Ужэ - за малкинца Шогенова, а младшая стала Уначевой в Анзоре.

Род Шурдумовых славен и защитниками Родины, и работниками народного хозяйства и сотрудниками правоохранительных органов. У Эльмурзы Лукмановича было три сына: Исмаил, Хусен, Чамал и пять дочерей: Мелаг, Вира, Марьян, Куано и Цаца.

Участник Великой Отечественной войны Исмаил воспитал пять сыновей и дочь: Бориса, Хасана, Юру, Муаеда, Аслана и Раю.

Борис Исмаилович - заслуженный работник сельского хозяйства КБР, главный ветеринарный врач Баксанского района, более 25 лет возглавлял штаб пастбищ в Хаймаши. Сын Бориса - Мурат - после окончания ВУЗа работает в сфере рекламы, а дочь Залина - врач.

Хасан Эльмурзович окончил Ленинградское Военно-политическое училище и Военно-политическую академию имени Ленина. Полковник Хасан Шурдумов более 25 лет служил во Внутренних войсках МВД. С 1988 до 1992 года был преподавателем Владикавказского военного института Внутренних войск, а затем до 2004 года работал на различных должностях Министерства Внутренних Дел КБР. Его сын майор юстиции Тимур Шурдумов работает в Следственном управлении МВД КБР. Дочь Хасана - Марина - после окончания медфака КБГУ учится в аспирантуре Российского Государственного медицинского университета.

И другие внуки Исмаила получили высшее образование. Майор Эдуард Юрьевич стал преподавателем Саратовского военного института. Эльдар Юрьевич - курсант Санкт-Петербургского военного института.

Хусен и Чамал Эльмурзовичи - уважаемые люди в Заюково, активные участники колхозного строительства. Чамал за развитие коневодства награжден Почётной грамотой. Хусен, талантливый художник, работал бухгалтером и парторгом маслосырзавода.

У Харли Лукмановича два сына: Мухамед и Хамидби, и две дочери: Малина и Кишхан.

Мухамед Харлиевич, отважный защитник Родины, офицер, с боями прошёл от Кавказа до Калининграда, награждён несколькими орденами и медалями. После войны он окончил юридический техникум и работал в прокуратуре Зольского района, а затем в Эльбрусском районе. У него пять сыновей: Хабас, Борис, Валера, Хасан и Аслан и дочь Марьят. Все они получили достойное воспитание и образование. Валера возглавляет механическую службу Маслосырзавода, Хабас - видный энергетик БаксанГЭСа и управления электросетей республики.

Хамидби Харлиевич до ухода на пенсию работал в системе народного образования. Его дочь Асият и сын Сафарби после окончания университета работают в школе-интернате, сын Алик - бухгалтер кирпичного завода.

Все они пользуются большим уважением односельчан. Вот таковы они Шурдумовы!

Шурдым Машуко Локович не то, что в мыслях, даже во сне не мог предположить, что его потомки достигнут таких высот и так прославят свою фамилию и родную Кабардино-Балкарию.

ТЛЕНКОПАЧЕВЫ

У ашабовского крестьянина Тленкопачева Маша Османовича ко времени приезда в Зольское было три сына. Старшего звали Караканом, среднего Баширом, а младшего Шагиром. В юности я лучше всех знал Башира, который младше меня на один год. Он был постоянным участником наших детских игр, налётов на сады и общих драк край на край, после которых мы месяцами с восхищением вспоминали эти сражения.

В начале войны Башир пошел по пути старшего брата Каракана и поступил в Орджоникидзевское военное училище. В 1942 году он успешно окончил его ускоренный курс и в чине лейтенанта успел принять участие в Сталинградской битве. Не только училище, но и наши детские игры, особенно «Битва за флаг», подготовили моего друга к войне. В ходе Курской битвы он, уже старший лейтенант, командовал разведротой. Но, к сожалению, во время боёв под Харьковом в очередной вылазке в тыл немцев Башир был тяжело ранен. Разведчики принесли на руках своего командира в медсанбат, но врачи уже ничего не смогли сделать для спасения отважного кавказца.

Каракан был старше меня, и я в детстве с ним встречался не часто. В моей памяти он остался стройным серьёзным парнем, не вмешивавшимся в дела нашей юношеской компании. В 1937 году он после окончания Терского сельхозтехникума первым из Зольского поступил в военное училище. 10 июня 1941 года старший из братьев Тленкопачевых с отличием окончил Тамбовское Военно-пехотное училище, получив звание старшего лейтенанта. Начало войны молодой командир роты 787 стрелкового полка 222 стрелковой дивизии встретил на Западной границе. Последнее письмо от него пришло в октябре 1941 года, когда 222 дивизия воевала на Московском направлении в районе города Рославля Смоленской области. В этом письме с фронта Каракан порадовал семью сообщением, что ему присвоено звание капитана.

Соседи Тленкопачевых получали письма с фронта, некоторым приходили похоронки, а от Каракана больше не было никаких вестей ни в 1942 году, ни после освобождения Зольского от немецких оккупантов.

Отсутствие весточек от первенца очень печалило Машу Османовича и его жену Гашалану Шамильевну. Печалило их и то, что оккупировавшие Зольское фашисты заставили главу семьи стать председателем колхоза «Коллективный труд». Тленкопачев всячески оберегал семью фронтовиков. Но вскоре после освобождения произошло несчастье: по клеветническому доносу Ставропольский суд, несмотря на защиту жителей Зольского, приговорил его «за сотрудничество с оккупантами» к 10 годам тюрьмы с конфискацией имущества. Каракан и Башир где-то, не шадя своих жизней, громили врага, а опозоренную семью Тленкопачевых лишили их собственного дома. Возмужавшему вмиг Шагиру пришлось возложить на свои ещё не окрепшие плечи заботу о матери.

Шагир не принадлежал к наглей необузданной детской компании, любившей играть в красных и белых со своими Чапаевым и Петькой, устраивать разные затеи. Он был моложе меня на четыре с лишним года. В 1935-1937 годах, когда я пас с отцом коров, он с соседскими мальчиками пас телят.

1940 году я около месяца был учителем в Зольской семилетней школе, замещал пионервожатого школы и преподавал физкультуру. Шагир ходил в 5-й класс. Оставшись единственным мужчиной в семье, подросток не опустил рук. Окончив после школы курсы, он работал шофёром, поддерживал семью.

Младшему из братьев Тленкопачевых не довелось воевать с немецко-фашистскими захватчиками, но почти всю свою жизнь он посвятил борьбе за честь своей фамилии. И о его нелёгкой борьбе стоит рассказать. Ещё в 1943 году Шагир, начав поиск брата Каракана, стал писать во все армейские инстанции, в газеты и различные общественные организации, пытаясь узнать, куда он мог деться. Однако на его запросы никто не отвечал. Более того, ещё в 1943 году у Тленкопачевых люди из органов, как тогда говорили, изъяли всё, что касалось Каракана: его письма, фотографии, документы и после этого неоднократно предупреждали Шагира, чтобы он перестал интересоваться, где его брат. Возможно, обстановка секретности нужна была потому, что Тленкопачев выполнял какое-то ответственное задание на оккупированной территории.

В июне 1947 года Шагир получил из Управления кадров Министерства обороны письмо, в котором говорилось, что Тленкопачев Каракан Машевич на учёте офицерского состава Вооруженных

Сил СССР не состоит. Но в 1948 году при содействии Маршала Жукова и некоторых работников Госбезопасности его отца Маша Османовича освободили.

Он вернулся из заключения к своей семье, жившей на квартире у соседей, и стал работать в колхозе.

В 1958 году Тленкопачевых удивило требование органов прокуратуры предоставить им полный список семьи и их близких родственников с указанием, где и в чьём доме живёт семья Маша Османовича. В 1970 году колхозник Маш Османович умер, и его тихо, без посторонней помощи, похоронили родственники. Через 8 месяцев скончалась и его многострадальная жена. К удивлению Шагира и всех родственников неожиданно приехал офицер военкомата, сообщивший, что из Министерства Обороны СССР пришёл приказ похоронить Г.Ш. Тленкопачеву при участии военкомата. Мать двух защитников Родины была похоронена за средства Министерства. Это действие Министерства обороны утвердило убеждённость Шагира в том, что его брат Каракан жив и где-то работает, и, несмотря на запрет работников КГБ, решил продолжить поиски. В 1974 году он как-то узнал адрес корреспондента американской газеты и написал ему письмо, в котором сообщил, что ищет брата, офицера Советской Армии. Через некоторое время Шагира вызвали в КГБ и ещё раз потребовали от него прекратить поиски брата, которые могут помешать Каракану выполнять его спецзадание.

27 ноября 1987 года Судебной коллегией Верховного Суда РСФСР приговор по делу Тленкопачева Маши Османовича был отменён. Главу рода и добросовестного труженика реабилитировали, и было принято решение о восстановлении материального ущерба, нанесённого его семье из-за несправедливого осуждения.

В 1988 году Шагир Машевич в последний раз был в Министерстве Обороны СССР, где ему сказали, что дело Каракана в ведомстве начальника КГБ Чебрикова. К сожалению, к Чебрикову попасть не удалось.

С каждым годом здоровье Шагира ухудшалось, он стал терять зрение, но продолжал писать в различные инстанции, в том числе Президенту РФ. Никто вразумительных ответов не давал. Более того, в сентябре 2000 года из Центрального архива ФСБ РФ пришёл ответ, в котором никаких сведений о Каракане не было, зато говорилось, что Центральный архив ФСБ России прекращает переписку с Тленкопачевыми.

Потерявший здоровье и надежду узнать, жив ли Каракан, инвалид 1 -й группы по зрению, Шагир Машевич в последние годы прекратил поиски брата, но тайна его судьбы до последних дней не давала покоя ему и его жене Лене. Шагир, умерший в 2005 году, и Лена, скончавшаяся в 2007 году, ушли из жизни, так ничего и не узнав о Кара-кане. У страны есть секреты, которые, возможно, будут раскрыты только следующими поколениями.

Шагир Машевич, женившись в молодости на красавице из села Куба Лене Асланбиевне, стал отцом трёх сыновей и дочери. К сожалению, Жанна родилась инвалидом, зато сыновья оказались достойными продолжателями дел своих дядей. Умеют верно людям и Родине служить.

Старший сын Шагира и Лены Султан Шагирович всю жизнь до ухода на пенсию служил в органах МВД. В 1983 году он окончил Орджоникидзевское Высшее Военно-Командное училище имени Кирова. Получив звание лейтенанта, он был направлен в распоряжение командования Внутренних войск Средней Азии. Служил в Киргизии командиром взвода, а затем командиром роты. Через 10 лет, перейдя на службу в МВД. Султан работал следователем райотдела МВД г. Нальчика, затем командиром роты созданного подразделения ОМОНа. В 1995 году капитана Султана Тленкопачева перевели в Адыгею, где, он успешно поднимался по служебной лестнице, и в чине полковника в 2004 году вышел на пенсию с поста начальника колонии.

Сейчас Султан Шагирович живёт в Майкопе. Его старший сын Заур работает там в службе судебных приставов. Младший, Валерий, студент юридического факультета Адыгейского университета, готовится идти по стопам брата.

Примеру Султана последовали и младшие его братья. Отличник МВД подполковник Руслан Шагирович, окончив Орджоникидзевское училище МВД до ухода на пенсию в марте 2008 года работал в системе ГИБДД Кабардино-Балкарии. Он женат на замечательной аргуданке Анфисе Урусовой. Их дочь Карина учится в КБГУ, а сын Мухамед в Санкт-Петербургском институте МВД России.

Самый младший сын Шагира и Лены капитан милиции Тленкопачев Альберт, окончив юридический факультет Пятигорского института бизнеса и права, работает в Управлении внутренних

дел Нальчика, в отделе ГИБДД. У Альберта два сына: Азамат и Аслан и дочь Камилла.

На моём жизненном пути, кроме Тленкопачевых из села Зольского, встречалась ещё одна семья с такой фамилией. Когда я работал директором школы в Нижнем Чегеме, там заведовал сельским магазином Тленкопачев Те-миржан Темирканович. Это был очень добрый и честный человек, старавшийся по мере возможностей помогать бедным покупателям. Под стать Темиржану досталась жена - вежливая и внимательная Куна Хамашевна. Столь же добрыми и отзывчивыми росли и их дети: дочери Галя и Цаца, отличницы нашей школы, и сын Мухаммед. Галя и Цаца, окончив педагогический институт, посвятили свою жизнь обучению и воспитанию детворы.

Через много лет, во время работы над этой книгой, мне стало известно, что Темиржан Темирканович - двоюродный брат Маша Османовича. В 1941-1944 годах я воевал на фронте и не мог знать о действиях Маша Тленкопачева, но, зная его как порядочного человека, его семью и родственников, не могу поверить в то, что отец двух советских офицеров, воевавших против гитлеровцев, хотел им помогать, сотрудничал с ними. Выйдя на работу в должности председателя колхоза в период оккупации, он спас семью и жизни многих односельчан. Хорошо, что справедливость восторжествовала, и этот достойный человек смог вернуться домой и ещё много лет плодотворно трудиться. Жаль, они с супругой и младшим сыном так и не узнали участи Каракана. Было бы хорошо, если б наследники рода Тлен-копачевых всё же приоткрыли завесу тайны, и, выяснив какие важные задания выполнял отважный их родственник, могли заслуженно гордиться им. Как чтут они Башира, геройски погибшего за Родину. И да не придётся никогда им воевать!

2009 г.

ХАЗЕША ПЛОХОЙ И ХОРОШИЙ

Среди моих друзей детства был большой выдумщик Хазеша Хашев. Его талантливые проделки вносили в жизнь нашего села настоящее оживление. Надо сказать, что в то время (тридцатые годы) в Зольском воровства не было. Редко у кого имелся замок. Даже кража овощей с огородов считалась непростительным грехом. Но воровство фруктов почему-то слыло не грехом, а чуть ли не подвигом. Налёты на сады планировались ребячьим сообществом, в них участвовали все неробкие мальчишки и Хазеша в том числе. Даже в том случае, когда намечался налёт на сад одного из ребят, то он вместе со всеми ночью тайно пробирался на свою территорию и спешно удирает, если хозяева замечали что в саду есть непрошенные гости.

Наиболее привлекательными для ребятни были сады жаднейших селян и редкие сорта груш. Хазеша неоднократно слышал, что в селе самые вкусные из них - на небольшом дереве деда Исмеля Нахушева, растущем у забора. Старик жил через дорогу от Хашевых, и желание съесть хоть один ароматный плод с дерева, под которым он сидел от зари до темна, не давало парнишке покоя. Однажды Хазеша, заметив, что бдительный страж, согретый солнцем, задремал, подкрался и стал наклонять ветку, чтоб достать красную грушу. В этот момент очнувшийся дедок, врезав своей кизиловой палкой воришке по мягкому месту, начал ругать его, обозвав плохим и вредным мальчишкой.

Что больше не понравилось Хазеше, чувствительный удар или обидное звание, не известно, но он решил, что в отместку деду Исмелю надо сорвать все его груши. Обдумывая это, сорванец обратил внимание на кусочки красного кирпича, лежавшие рядом с ним. И по цвету и по форме они походили на дедовы груши. И тут у сообразительного мальчишки родился дерзкий план возмездия! Хазеша позвал троих верных друзей и поделился с ними планом налёта на соблазнительное дерево.

В абсолютной тайне заговорщики из кусочков кирпича сделали с полсотни «груш». В их хвостиках просверлили гвоздиком дырочки для ниток, чтобы повесить вместо аппетитных плодов. Дождавшись, когда дед ушел спать, и, зная, что его внуки не скоро окажутся дома, налётчики бесшумно подобрались к дереву и минут за 15 заменили натуральные плоды их кирпичными копиями.

В тот год мы пасли сельское стадо, и я каждое утро бежал мимо двора деда Исмеля на дальний конец села, откуда гнал коров к месту их сбора. Я тоже мечтал попробовать диковинных груш и всегда, глотая слюнки, посматривал на них. В очередной памятный день я бежал на псынадахский конец села. Солнце еще не взошло, но я, взглянув на краснобокие груши, успел заметить, что у них почему-то побелели хвостики. Сидевший на скамейке дед Исмель сердито прикрикнул на меня, чтобы я шёл своей

дорогой и не поглядывал на его груши. Обиженный таким отношением к пастуху, я промолчал, но вскоре сосед Нахушевых, Николай, направлявшийся на работу, увидел белые хвостики груш и сказал старику, что он, наверно, проспал долгожданный урожай. Дед приподнялся, пристально посмотрел вверх, и вместо груш обнаружил кусочки кирпича. Тогда он поднял такой крик, что сбежались все соседи. Старик сразу догадался, кто организовал налёт на грушу, и вскоре все виновники, даже не успевшие отмыть руки от кирпичной пыли, были найдены. Конечно, их наказали, и больше всего досталось Хазеше.

Иной после полученной трёпки успокоился бы, но только не мой неугомонный друг. Он месяца через два, когда стали затихать рассказы о кирпичных грушах, провёл очередную операцию, да так хорошо её выполнил, что долго в селе не знали, кто нанёс Нахушевым невиданное оскорбление. Сырым октябрьским утром, подходя к их двору, я увидел у калитки круглый плетёный нужник. В это же время я заметил деда Исмеля, который с кубганом (металлическим кувшином для воды) направился за сарай, где обычно находилось отхожее место. Но, подойдя к углу сарая, старик не обнаружил того, к чему спешил. Трудно описать всё то, что потом творилось во дворе Нахушевых и вокруг него! Исмель сразу же напустился на Мажида, отца Хазеши, но Хашев твердо заявил, что его сын всю ночь был дома и ему не под силу перетаскивать тяжёлый нужник. С таким доводом Мажида согласились все соседи. После того утра в селе долго с юмором обсуждали загадочное перемещение «дома для воды» деда Исмеля....

После окончания 7-го класса Хазеша поступил в Нальчикский сельхозтехникум и, осваивая сельхоз науки, стал курсантом аэроклуба. Он успешно окончил техникум и, успев стать первым лётчиком села Зольского, вместе с земляками Хурановым Анатолием и Шаовым Мустафаром участвовал в боях за Сталинград, где был ранен. После лечения в госпитале лейтенант Хашев Хазеша приехал домой долечиваться. Бездельничать ребячий заводила не мог. Он, ставший коммунистом на фронте, зашел в Райком Партии, чтоб стать на временный учёт и получить какое-нибудь задание. Вскоре дипломированного агронома назначили Заведующим Райземотделом.

В конце 50-х годов я работал директором средней школы в станице Александровской Майского района. Как-то мне позвонил директор крахмального завода Нагопетян. Он сказал, что у них на заводе председатель Областного профсоюза работников пищевой промышленности, мой Давний товарищ, который просит, чтобы я пришёл. Нагопетян не назвал фамилию товарища, но я догадался, кто хочет видеть меня, и тут же направился на завод. Зашел в кабинет директора,, а Сосник Арташесович, улыбаясь, говорит:

Интересный и добрый человек ваш товарищ! Обычно рабочие и служащие стараются обходить приезжающих начальников, а к нему тянутся. Сейчас в кабинете главно го инженера он с нашим экспедитором о чём-то спорит. Не зная кабардинского языка, я не пойму, о чём спор, но со бравшиеся вокруг рабочие весело смеются.

Подойдя к кабинету главного инженера, я услышал знакомый голос Хазеши. Под дружный хохот собравшихся он говорил экспедитору Хапову:

Хоть ты старше меня, но всё равно должен подчи няться мне. Я же Хашев - собачья голова, а ты Хапов, всего лишь - собачья морда!

Увидев нас, улыбающиеся спорщики пожали друг другу руки, и мой земляк пошёл мне навстречу. Мы обнялись. Хазеша, обращаясь к Нагопетяну, сказал:

Ваня после моего отъезда будет рассказывать вам о нашем Зольском, обо мне, плохом мальчишке. Не очень доверяйте ему, он тоже со всеми участвовал в наших на летах на сады и, пользуясь правами пастуха, ухитрился у самого строгого сторожа забрать пол ведра очень хороших груш.

Подошедший водитель напомнил Хашеву, что им пора ехать, чтобы не опоздать на какую-то встречу в Нальчике. После отъезда высокого гостя Нагопетян сказал:

Хороший у вас товарищ, с ним интересно говорить не только о том, чья фамилия главнее, но и на производ ственные темы. А вот с вами мы беседуем только о делах завода, школы, станицы, а о вашей юности вы никогда не рассказывали. Расскажите хотя бы о тех грушах, про ко торые вспомнил ваш друг.

Оставшись вдвоём в кабинете Сосника Арташесовича, мы продолжили разговор о Хазеше и о нашем детстве. Мне пришлось рассказать, как я во время сильного грозового ливня, нарочно загнав в сад корову, любившую шастать по чужим огородам, зашёл туда сам, вроде для того, чтоб вернуть её в

стадо. На самом деле я хотел сорвать хоть немного вкусных груш, очень строго охраняемых дедом Архипом. Но он, сам не ведая того, невольно помог мне, собрав аппетитнейшие плоды для себя и оставив их под стенкой шалаша, в котором прятался от дождя. Я конфисковал их, а на следующее утро сказал неусыпному стражу, что груши съела корова, на что дед ответил: «Догадываюсь, что то была не корова, а бычок».

Этот забавный случай из моего детства побудил меня вспомнить мой друг Хазеша.

2006 г.

ДЕД ГОРОБЕЦ И ДЕД ЧЕПУРУШКА

Андрей Афанасьевич Скорик, племянник моей бабушки Любы, в девичестве Скорик, в Баптистский хутор приехал из села Комаривка Корсуньского района Киевской губернии. Со своей Катериной он построил на окраине маленькую хатку, в которую войти можно было лишь пригнувшись. Не из-за лени, а из-за своей неприхотливости он её не перестраивал. В той хатёнке Катерина родила и вырастила двух крепких старательных сынов: Николая и Макара и дочку-красавицу Маню. То ли оттого, что ей за день приходилось много раз, пригибаясь, проходить через низенькую дверь, то ли от какой-то болезни, бабушка Катя к старости согнулась так, что голова её была почти на уровне колен.

Скорик не пил, лентяем не был, но разбогатеть не старался. Его вполне устраивало то, что у него имелось. Он даже сада у хатки не завёл. И дети его пошли в отца. Они тоже были неплохими работниками, но к наживе не стремились. За доброту и находчивость односельчане уважали деда Андрея. Многие удивлялись тому, что он всегда был доволен тем, что подадут на обед. Старик не ждал, когда остынет слишком горячий борщ, а брал кружку холодной воды, выливал её в миску и с аппетитом, без брюзжания, съедал всё.

Но он не был тихоней-рохлей. Не боялся начальства, смело критиковал руководителей за их промахи в работе и любил подшучивать над односельчанами. И сам не обижался, если становился объектом шуток. Например, ещё в Комаривке его за неприятзательность и весёлый нрав прозвали Горобцом (воробьем), и на новом месте люди стали называть его так, и ничего. Не то, что другой хуторянин, жаловавшийся во все инстанции на односельчан за прилипшую к нему кличку Махно.

Мне, может, потому на всю жизнь запомнилось прозвище дядьки Андрея, что я из-за него пострадал. Как-то пришёл он к нам, а я, искренне желая порадовать гостя, говорю ему: «Зараз я для вас заспиваю» (Сейчас я для вас спую). И спел: - Горобец без яиц Высоко литае, Горобчиху лае.

Но вместо благодарности за так старательно и звонко исполненную песенку я получил подзатыльник от мамы и долго ещё не понимал за что. Но дядька всё ж не ругался.

Добропорядочный гражданин во время выборов он стремился проголосовать пораньше, чтобы потом весь день спокойно заниматься своим делом. Летом 1938 года на выборы в Верховный Совет России дед Андрей пришёл к избирательному участку затемно, но молодые избиратели обогнали его и проголосовали первыми. Старик обиделся и, заявив, что будет голосовать последним, ушёл к своим быкам на выгон, находившийся в километрах шести от села. К вечеру проголосовали все, кроме Андрея Скорика, а из района звонили, что пора докладывать в Нальчик об окончании голосования. За разобиженным избирателем послали верхового с сообщением, что из-за него Зольское не может рапортовать о завершении выборов. На это Горобец спокойно ответил, что по положению о выборах он может проголосовать и за минуту до двенадцати часов ночи.

Стрелка часов приближалась к 12, когда дед Горобец, то бишь избиратель Андрей Афанасьевич Скорик важно, не спеша, вошёл в помещение избирательного участка. Получив бюллетень, он торжественно опустил его в урну и так же важно с чувством собственного достоинства и исполненного гражданского долга покинул место голосования.

А дед Чепурушка в Зольском появился во время голодовки на Украине и года два жил у своих родственников рядом с хатой Скорика. Довольно скоро соседи обратили внимание на особые качества новосёла, из-за которых его многие прочитавшие Шолоховскую «Поднятую целину» прозвали зольским Щукарём. Чепурушка удивлял своими чудачествами всех! Он покрасил своих кур, чтобы отличать их от соседских. На единственном плодовом дереве, росшем у его хатки, пересчитал все сливы и предупредил свою старуху, чтобы она без его разрешения их не трогала. А каждое утро этот прижимистый хозяин

пересчитывал на грядке огурцы, не доверяя даже ухода за ними бабке -боялся, что она съест хоть один без его ведома.

Каждый день необычный новосёл сообщал соседям, что ночью видел чертей, что сатана мешает ему спать, что на Золке он заметил русалку, когда купался. Дед Андрей, хорошо знавший Чепурушку, часто подшучивал над ним.

Обычно во время молотбы с полевого стана на ночь отпускали только женщин, у кого были дети и дойные коровы. Все мужчины и мы, молодёжь, его неделями не покидали. В колхозе было налажено бесплатное общественное питание. Поварихи готовили хорошие завтраки, обеды и ужины, а подросткам после ночной смены по их желанию давали ещё сметану или мёд с белым хлебом. Как-то завхоз колхоза Иван Павлович Ягодзинский в очередной раз послал в село за продуктами подводу. В помощь ездовому он дал деда Чепурушку. А тут у деда Горобца закончилось курево, и он решил ему поручить купить махорку и спички. Подойдя к бричке, на которой уже сидел, свесив ноги, чудаковатый его сосед, Горобец сообщил, что даёт ему важное задание. Взяв одну руку деда Чепурушки, и положив в неё 20 копеек, он сказал:

На эти 20 копеек купи мне две пачки махорки и две коробки спичек.

Затем взял другую руку и, положив в неё такую же двадцатикопеечную монету, проговорил более значительно:

А на эти купи для меня две пачки махорки и получи две копейки сдачи.

Пожелав Чепурушке, державшему перед собой два кулака, в которых были зажаты монеты, улыбающийся дед направился к молотилке. Не успел он сделать и пяти шагов, как услышал крик «Щукаря», который, протягивая в его в сторону кулаки, спрашивал:

Андрей, на какие деньги купить махорку и спички, а на какие - махорку и сдачу взять?

Свидетели этой сцены расхохотались, а дед Горобец, как ни в чём ни бывало, вернулся к бричке и снова растолковал, за какие деньги брать махорку и спички, а за какие ещё и сдачу получить и привезти её вместе с покупками ему. Бричка наконец тронулась, и Чепурушка, сжимавший деньги в кулаках, чуть не свалился с неё.

На следующий день во время завтрака свидетели той картины со смехом рассказывали всем, как дед Андрей поручал деду Чепурушке купить ему курево.

Таких забавных случаев с нашими знаменитыми стариками было немало.

Через много лет, когда я уже стал забывать нашего деда Чепурушку, я увидел интересный мультфильм про Чебурашку и крокодила Гену и подумал, что автор сказки о Чебурашке мог в своё время знать нашего смешного деда Чепурушку и его шутника-соседа деда Горобца или слышать о них.

Вспоминая наших интересных дедов, я сделал вывод, что жизнь украшают не только талантливые певцы и музыканты, не только герои и чемпионы, но и безвредные чудаки, рядом с которыми всем веселее.

2009 г.

ШОЛОХОВ В СЕЛЕ ЗОЛЬСКОМ

Этот небольшой рассказ о том, как сила гениального слова Михаила Шолохова сблизила станицу Вешенскую и маленькое село далёкой от тихого Дона Кабардино-Балкарии. Хотя в Зольском в конце 20-х годов не имелось библиотеки, имя Шолохова уже было известно многим. Не помню, откуда к нам попала книжка с его рассказом «Нахалёнок». Я, восьмилетний пастушок, прочитав её, полюбил отважного мальчика, прозванного Нахалёнком.

В 1936 году в Зольском появился томик «Поднятой целины», просто взбудоражившей селян. Создалась длинная очередь желающих её прочитать. То тут, то там возникали разговоры об интересной книге. Как-то бригадир Василий Яценко во время обеденного перерыва на полевом стане сказал: «Очень правдивая книга, словно о нас написано, как мы колхоз создавали, как скотину переводили. А дед Щукарь, вроде, нашего деда Чепурушки».

Наконец очередь знакомиться с «Поднятой целиной» дошла и до нашей семьи. В тот день старшие постарались поскорее выполнить все неотложные работы в огороде и во дворе.

После ужина все уселись поближе к столу, чтобы слушать чтение книги. Обычно у взрослых

всегда было немало дел в доме, и чтение вслух поручалось кому-нибудь из младших. В нашей семье чаще всего - мне, ведь самым грамотным был я - шестиклассник. Зольчане, потомственные украинцы, говорили «по-хохлацки». И мне приходилось останавливаться, чтобы с помощью отца уяснить, что означает то или иное непонятное слово. При этом я старался запомнить, как оно пишется. С этим запоминанием однажды произошёл забавный случай.

Буквально на следующий день после прочтения очередной главы мы в школе писали диктант. Там попало слово «ещё». Зольчане в те времена знали слово «ще», и я задумался, не зная, как точно написать это «ещё». Вдруг я вспомнил, что дед Шукарь говорил «исчо», и так и написал. Потом наш учитель под хохот всего класса сказал: «Впервые вижу ученика, который в слове из трёх букв сделал четыре ошибки».

Не успели в селе закончить обсуждение «Поднятой целины», как кто-то из Пятигорска привёз три тома «Тихого Дона». Вновь образовалась очередь жаждущих прочесть этот роман. Наша очередь была далеко, и, когда наш сосед, агроном колхоза, очень быстро проглотив второй том, предложил его отцу, мы начали читать роман, считай, с середины.

Вновь до поздней ночи звучивал я завлекательные страницы о жизни донских казаков, о подвигах Григория, его товарищей и земляков. Вскоре в нашем доме появился 1-й том «Тихого Дона», и как прежде почётная обязанность читать вслух легла на меня. Надо сказать, что в нашей строгих нравственных правил семье царили благочестие и стыдливость. Родители никогда не произносили неприличных слов и не вели разговоров на интимные темы. Это считалось недопустимым и даже греховным. Поэтому чтение некоторых моментов для меня было трудным испытанием. У меня не хватало смелости озвучить, например, что-то из описания отношений Григория и Аксиньи. Мне приходилось, читая, глазами просматривать последующие строчки и пропускать отдельные слова и даже куски текста. Родные, заметив, что я что-то пропускаю, выражали по этому поводу недовольство. «Не спи! Читай внимательнее!» - говорил старший брат.

Третий том читать было легче, в нём куда меньше запретных для нас слов и выражений. Пробежавшие роман в спешке, хотели перечитать его вновь. В селе была настоящая охота за понравившейся книгой. 1937 и особенно 1938 годы были очень щедрыми на урожай. Колхозники получили на трудодни очень много зерна, картофеля, масла, мёда и кормов для скота. У большинства появилась возможность приобретения не только одежды, обуви, но и велосипедов, патефонов, швейных машин и книг. Во многих домах складывались свои библиотечки, и гордостью их владельцев были тома Шолохова.

Так Михаил Александрович Шолохов благодаря своему писательскому таланту вошёл почти в каждый дом Вольского, приблизив к этому маленькому селу в предгорьях Кавказа станицу Вешенскую и хутор Гремячии с лихими донскими казаками.

2004 г.

НЕИСПОЛНЕННАЯ МЕЧТА ПРОКОПА

Село Зольское, хоть и называлось долгое время Баптистским, особой религиозностью не отличалось. Я помню, что почти все праздновали Пасху, Рождество и Троицу, а о других религиозных праздниках, вроде Благовещения, Сретения или Вознесения, многие и не вспоминали.

Никто из зольчан не бывал в Иерусалиме и в Палестине. Лишь один Прокоп, прозванный Святым, всю жизнь мечтал о Палестине, в которой по его словам (и в это он верил прочно, как и в то, что после ночи будет новый день) «текут молочные реки в кисельных берегах».

Мне кажется, что даже молока и киселя за всю жизнь Прокоп вволю не ел. Отец его Дмитрий, довольно зажиточный крестьянин, был скрягой и старался копить деньги. Незадолго до смерти он сложил накопленные золотые и серебряные монеты в кувшин и замуровал его в стену старой хатки. Перед смертью Дмитрия разбил паралич, и он потерял дар речи. Его три сына были уверены, что отец где-то сберёт золото, и, стоя у постели умирающего, надеялись, что отец скажет им, где он запрятал клад, но не слова, а лишь предсмертный хрип отца они услышали.

При разделе имущества Святому почти ничего не досталось, и он жил с надеждой, что Всевышний отблагодарит раба божьего Прокопа за его глубокую веру и преданность Творцу и его сыну

Иисусу. Вот за эту глубокую веру и мечту побывать в Палестине богомольные сельчане и прозвали благочестивого земляка Святым. Казалось бы, что человека с таким прозвищем должны были уважать, но получилось наоборот. Многие в Зольском, особенно молодежь, надсмехались над Прокопом, который часто старался рассказать детям и подросткам о святой Палестине, в которой «райская жизнь, и там даже текут молочные реки в кисельных берегах».

Бог, разумеется, не забывал своего преданного раба и через каждые два года благодарил его очередным сыном или дочерью. В 1936 году верная Палашка стала Матерью-героиней, подарив Прокопу к этому времени пятерых сыновей и пятерых дочерей.

С таким богатством у Святого даже в пасхальные или рождественские дни не было минутки на отдых, и даже в такие праздники он не мог вдоволь попить молока. Его младший брат, ставший хозяином отцовского подворья, жил много лучше и построил просторный дом, сломав старую хибарку, мешавшую въезду во двор. До Прокопа дошла молва, что, ломая заднюю стенку хибарки, его брат обнаружил кувшинчик с золотом. Несмотря на то, что Иван утаил от родственников и соседей находку, слухи о ней всё же достигли ушей Святого. Прокоп считал, что он, наверное, чем-то обидел Господа, и не пошел к брату за своей долей клада, надеясь, что в раю ему за все его труды и муки воздастся. Даже в годы коллективизации, когда колхознику Прокопу стало легче жить, а его дочь Надя вошла в число пионерок-активисток в школе семилетке, вера в существование рая и в то, что его ожидает райское блаженство, оставалась непреклонной.

После одной проделки сельских парней в Зольском долго со смехом рассказывали, как Прокоп уже побывал в раю. Об этой истории, происшедшей в начале 20-х годов, стоит рассказать подробнее.

Стояла хорошая весенняя погода, и супруги решили, что Прокопу надо съездить на базар в Пятигорск, продать сбитое Палашей сливочное масло, сотню яиц и с полмешка зелени с огорода. Дети подрастали, и им надо было шить одежду, а денег на покупку материи не имелось, поэтому без поездки в Пятигорск никак нельзя было обойтись. В назначенную субботу Палашка собрала необходимое для продажи и поздно вечером сложила всё на бричку. Прокоп подготовил упряжь, насыпал в ящик, установленный сзади брички, овса для лошадей и улегся тут же, на бричке спать. Он не хотел среди ночи беспокоить семью.

В Зольском, как обычно, молодые парни вечерами собирались на улице и до полуночи ходили по селу с песнями или где-либо сидели и обсуждали различные проблемы. Проходя мимо дома Прокопа, кто-то обратил внимание на то, что посреди двора стоит бричка и рядом с ней пара лошадей. Прокопов сосед Николай сказал, что тот собрался ехать в Пятигорск. По предложению заводилы села Петра решили подшутить над Святым. Открыли ворота, бесшумно вывезли деревенский транспорт со спавшим тяжёлым сном наработавшимся за день мужичком со двора и притащили её в красивую рощицу на берегу Золки. Лошади спокойно шли за бричкой и продолжали жевать овёс.

Великовозрастные «шутники», оставив бричку под развесистой вербой, разошлись по домам, а «Святой» продолжал спать. Ему снились райские кущи, в которых пели соловьи и другие птицы. От нежных их песен Прокоп проснулся, но не сообразил, что он не в раю, а на земле, и не райские птицы поют, а настоящие земные славки, скворцы и щеглы. Солнце уже встало, и Прокоп, глядя вверх, наблюдал за полётом птах. Свежий воздух, тихое журчание воды под бричкой, радостное пение птиц, щебет птенцов, стрекотание кузнечиков на самом деле создали впечатление прекрасной неземной обители. За всю жизнь несчастному трудяге ни разу не доводилось просыпаться в такой благодати, поэтому ему и в голову не приходило, что он не в раю, а на земле. И когда Прокоп увидел, что с пригорка к речке с ведром спускается его соседка Глафира, он радостно воскликнул: «Гашка! Ты тоже в раю?».

Глафира, занятая не радостными думами о своих делах, не сразу увидела бричку с соседом и от его голоса вздрогнула, выпустив из рук ведро. Хорошо рассмотрев бричку и лежащего привольно на ней Прокопа, она опешила. Палашка ей сказала, что муж ночью уехал в Пятигорск и вскоре должен вернуться.

Придя в себя, Глафира набросилась на непутёвого соседа: «Почему ты тут, а не дома?»

Тебя уже Палашка и дети ждут с гостинцами, а ты сюда приехал и наслаждаешься райской жизнью!». До Прокопа не сразу дошло то, о чем говорит соседка. Он удивлённо произнёс: «Так шо? Цэ не рай?». Приподнявшись, он увидел своих лошадей, а рядом с собой корзину с тем, что он должен был продать. Поняв, что над ним в очередной раз с Божьего позволения жестоко пошутили, Святой чуть не

заплакал, произнося: «Господи! Чем же я обидел тебя, если ты позволяешь такое недоброе дело, какое охальники сделали надо мною? »

А охальники со смехом рассказывали всем, как они устроили Прокопу райскую жизнь и впоследствии неоднократно придумывали другие способы подшутить над бедолагой. И, к сожалению, Бог никак не оберегал своего верного раба. Более того, он напустил на его замечательного сынишку Толю тяжелую хворь, после которой мальчик стал глухонемым. Но и это, наверное, не удовлетворило Всевышнего. В начале 40-х годов, когда в село приезжала кинопередвижка, киномеханик Иван, узнав о мечте Прокопа побывать в Палестине, пообещал привезти фильм об этой святой земле. Прокоп обрадовался, ведь он так верил в библейские истории! Как истинный баптист он никогда в кино не ходил, но теперь только и думал о нём. Вероятно, он мечтал о предстоящей встрече с Палестиной и в тот час, когда по новому шоссе возвращался с небольшой тележкой из Пятигорска. Я уверен, что это было так потому, что он не обратил внимания на шум грузовика, догонявшего его. Водитель сигналил, но Святой был весь в мыслях о заветной стране и не слышал тревожных звуков. Шофёр нажал на тормоза, но... поздно. Господу богу, вероятно, было угодно оставить бедную Пелагею с детьми одну.

Киножурнал о Палестине зольчане смотрели без особой радости. Только после похорон Прокопа они с запоздалым раскаянием поняли, что своими «шутками» обижали доброго человека, хорошего труженика и заботливого отца, имевшего мечту, которая, в общем-то, никому не мешала.

2007 год.

НЕВЕСТУ УКРАЛИ или ЧП СЕЛЬСКОГО МАСШТАБА

В Зольском с 1930 года жила большая семья Куповых, приехавших из Заюково. У Теуважа, родного брата кабардинского просветителя Исмаила Гуловича, и его жены Ханумы было три сына: Махмуд, Масхуд и Башир, и две Дочери: Сакинат и Зеда. Все красавицы на подбор и хорошие труженики. Особенно привлекательной была Сакинат. Соседки, глядя ей вслед, начинали судачить о возможном будущем девушки.

Кому же достанется такое счастье? - спросит одна. Другая поддержит её:

Да, хорошая хозяйка будет. Осчастливит кого-то!

В селе было немало подходящих женихов, но красавица почему-то не обращала на них внимания. Любительницы посплетничать начали волноваться: «Не засидится ли в девках наша Сакинат? ». Жизнь шла своим чередом. Все Куповы, кроме домохозяйки Ханумы, в любую погоду рано утром уходили на работу. Но в один прекрасный, памятный для всех день Сакинат на работу не пошла. Ханума сказала бригадиру колхоза Беслану, что дочка приболела.

Через некоторое время к Куповым на подводе приехали два парня. Один из них - с ружьём, хотя сезон охоты ещё не наступил. В те спокойные времена, когда различной живности водилось больше, чем охотников, в каждом селе ружья были не редкостью. Правда, из них стреляли редко: во время лунных затмений, во время свадеб и при рождении наследников. У Куповых, хотя они не ходили на охоту, ружьё тоже имелось. Из него хозяин Теуваж в последний раз стрелял как-то ночью, во время затмения в сторону Луны, стараясь спасти её от жадного дьявола.

Приехавшие гости распрягли во дворе лошадей, привязали их к задку брички и, поговорив о чём-то с хозяйкой, улеглись под яблоней отдыхать. А Ханума засуетилась и стала раз за разом выходить со двора и поглядывать в сторону соседнего села. Увидев появившихся на улице трёх всадников, она поспешила в дом, откуда через несколько секунд вышла вполне здоровая Сакинат. На девушке было новое платье, а на плечах яркий платок. В правой руке она держала ведро. Выйдя со двора, красавица медленно направилась в сторону Золки, вроде бы за водой, хотя у них во дворе был колодец. Я с сестрёнкой с интересом наблюдал за девушкой. Из-за забора на любимую дочь внимательно смотрела и Ханума.

Тройка всадников, заметив вышедшую со двора девушку, погнала лошадей вскачь, и самый видный джигит подхватил красавицу и усадил её перед собой. Другой на ходу набросил на неё большую шёлковую шаль. Девушка выпустила из руки ведро, и оно с грохотом запрыгало по дороге, словно не желая расставаться с хозяйкой. Ханума вышла со двора, догнала ведро и, увидев, что джигиты с её доченькой ускакали довольно далеко, закричала по-кабардински: «Сакинат ядыгыуаш!» и

тут же по-русски: «Вай, вай! Сакинат украли!».

Услышав крик хозяйки, приехавшие парни начали суетливо отвязывать лошадей. Один из них вбежал в дом и выбежал из него с ружьём хозяина дома. Вскочив на своих явно не скаковых лошадях и, стреляя в воздух, парни с криком и свистом помчались в сторону, куда ускакала тройка джигитов. К парням присоединилось ещё два всадника из соседних дворов на таких же не привычных к быстрому бегу лошадях.

Через час утомлённые преследователи на взмыленных скакунах вернулись назад, потеряв из виду джигитов, умыкнувших красавицу. К тому времени свидетели невиданного в селе чрезвычайного происшествия собрались у двора Куповых и высказывали Ханеме сочувствия, но та, узнав, что похитители бесследно исчезли, не усилила свои причитания, а, вроде бы, успокоилась.

Вечером, когда Куповы вернулись с работы, Ханема вновь запричитала и даже всплакнула, однако наблюдательные соседки заметили, что похищение Сакинат семью не встревожило. Никто из них не поспешил в сельсовет, чтобы заявить о случившемся.

Два дня любители таких историй обсуждали редчайшее происшествие. Людей удивило, что Куповы не сильно переживают пропажу девушки. Даже мать перестала плакать.

На третий день Куповы на работу не пошли, а во дворе появился хороший баран.

- Наверное, гостей ждут, - сказала всезнающая соседка Меланья.

Так и случилось. Перед обедом к дому Теуважа на хорошей бричке приехали три кабардинца в дорогих шапках и бешметях. Двое приезжих, белобородые старики, были особенно важными. Третий, моложавый мужчина солидного вида, помог старикам слезть с брички. Тут их встретил хозяин двора и повёл в дом. Брат похищенной Сакинат, Махмуд, открыл ворота, и через несколько минут бричка въехала во двор. Дав лошадям травы, Махмуд тоже вошел в дом.

Если до приезда гостей во дворе Куповых было тихо и спокойно, и кроме Ханемы и её снохи людей не замечалось, то после того, как Теуваж с гостями вошёл в дом, по двору забегали какие-то женщины и мужчины. Послышался тревожный крик барана, которого потащили за сарай, и вскоре лёгкий ветерок разнёс по округе аппетитный аромат варёной баранины.

Часа через три из дома вышли старики, поддерживаемые Махмудом и парнями. Было видно, что сваренную баранину они запивали не чаем - у Куповых всегда в запасе имелась превосходная махсыма. Мастерница Ханема умела готовить еду и махсыму! Гостям явно понравилось у Куповых, и они не спешили уезжать. Да и Куповым гости, было заметно по всему, пришлись по душе. Беседа, начавшаяся в доме, продолжилась на свежем воздухе под навесом.

Солнце уже спускалось к Зольским пастбищам, когда гости Куповых собрались домой. Расставание было трогательным, со многими объятиями.

...Через несколько дней в соседнем селе Камлюково состоялась шумная весёлая свадьба Сакинат и красивого джигита, который так лихо увез её из родного дома. Как выяснилось, молодые давно знали и любили друг друга.

Не прошло и года, как Теуваж Гулович, выйдя из дому с ружьём, открыл пальбу. Он салютовал по поводу рождения внука, названного в его честь.

Так счастливо закончилось то ЧП сельского масштаба.

РЕВНОСТЬ КАСЬЯНОВНЫ

В начале 30-х годов в Зольском появились Шурдумовы, купившие в центре села хороший дом. В приобретенном дворе рядом с сараем стояла небольшая старая хатёнка, в которой семья не очень нуждалась. Поэтому они согласились предоставить её под квартиру прибывшему в село одинокому учителю Александровскому, который помимо этого достоинства хорошо играл на скрипке. Примерно тогда же в Зольском откуда-то появилась одинокая русская женщина средних лет с заметными умственными недостатками. Все её называли Касьяновной.

Летом 1935 года люди стали замечать её во дворе Шур-думовых, а затем мы обратили внимание на то, что Сергей Николаевич начал приходить в школу в чистых рубашках. А френч, доставшийся ему ещё до революции, стал почти как новый. Вскоре все узнали, что учитель без торжественной свадьбы женился на Касьяновне, и она стало хозяйкой ветхой избушки. Хотя, как говорят украинцы, у Касьяновны «в голове не хватало одной клёпки», она побелила хатёнку, привела в приличный вид

своего мужа, да и сама стала выглядеть довольно прилично. Шурдумовых и их соседей Ягодзинских и Осадчих, вероятно, не интересовали отношения в создавшейся семье, потому никто толком не знал, как живут «молодые», и по любви ли они сошлись. Многие считали, что Касьяновна и полюбить по настоящему не способна и что она вышла замуж за 60-летнего человека только из-за его неплохой зарплаты и, хоть и небольшого, но вполне подходящего для двоих жилья.

Так думали и мы, ученики Сергея Николаевича. Однако весной 1937-го года произошло событие, взбудоражившее школу и многих селян и показавшее, что Касьяновна очень ревностно следит за своим супругом. И всё произошло не из-за того, что у женщины, не хватало клёпки в голове, не хватало клёпки у её мужа.

О чём думал Сергей Николаевич в теплый мартовский вечер, на который директор школы Даниил Лукич назначил педсовет, не понятно. В тот вечер он перед педсоветом выбрился, начистил до блеска сапоги и надел новую рубашку. Касьяновна удивленно спросила, куда это он так прихорашивается.

Муж ответил, что ему, как старшему в коллективе, на педсовете надо выглядеть не хуже других. Жена с недоверием отнеслась к сказанному, тогда Сергей Николаевич, как говорится, сдуру сказал ей, что и она может идти с ним. В ответ на возражение жены, заметившей, что ей, не работающей в школе, не положено быть на педсовете, муж заверил её, что он имеет право привести её туда. Поверившая в это женщина быстро собралась, и парочка пошла в школу.

В большом классе ярко горела лампа, и через окно было видно, что почти все учителя в сборе, в том числе и учительница немецкого языка Мария Николаевна, выглядевшая лучше других. Касьяновна с учителями не общалась, но к чопорной «немке», жившей в доме Хашевых, относилась с недоверием.

Подойдя к школе, Александровский сказал жене: «Постой на крыльце, подожди меня тут. Я спрошу Даниила Лукича, можно ли тебе присутствовать на этом педсовете».

Взволнованная женщина сразу почувствовала что-то неладное, но ничего не сказала. С крыльца, она увидела, как Мария Николаевна радостно встретила Сергея Николаевича и, как он, весело улыбаясь, поцеловал её руку. Касьяновну это особенно задело, ведь за всё время муж ей ни разу не поцеловал руки! В её душе всё заклокотало, хотелось ворваться в класс и что-то страшное сделать с мужем и соперницей, которые, держась за руки, стали о чем-то оживлённо говорить. Уязвлённая таким поведением любимого Касьяновна решила его хорошо наказать, но не срывать педсовет и не трогать Марию Николаевну.

Женщина постаралась успокоиться и стала думать, что предпринять, чтобы муж навсегда запомнил, что она не намерена прощать ему измену. Возвратившись домой, оскорблённая в своих лучших чувствах она продолжала обдумывать способ наказания. Вдруг взгляд жаждущей отмщения остановился на скрипке, висевшей на стене. Муж не раз говорил что скрипка для него дороже всего и очень берёт её. И тут Касьяновна сообразила, как она проучит своего обидчика.

Взяв скрипку, добросовестно служившую Сергею Николаевичу и возглавлявшую наш ребячий струнный оркестр, женщина завернула её в темный платок и пошла к школе. Педсовет всё ещё длился, и мстительница, присев у крыльца на камень, сохранявший тепло жаркого дня, стала ожидать окончания его работы. Около часу ей пришлось ждать. Похолодало, камень стал остывать, и Касьяновна, поднявшись, прижалась к стене у входной двери. Наконец-то в классе зашумели, дверь открылась, и из школы выбежали молодые учительницы. В темноте никто не заметил женщины, стоявшей у двери.

Вслед за молодёжью в дверях показался Сергей Николаевич, который вёл за собой Марию Николаевну, держа осторожно её за руку. Касьяновна вмиг сорвала со своей драгоценной ноши платок и, схватив скрипку за гриф, со всей силы ударила ею по голове мужа. Бросив ему под ноги несчастный разбитый инструмент и пообещав Марии Николаевне такого же наказания, если она будет продолжать заигрывать с чужим мужчиной, воплотившая план мести в жизнь супруга пошла домой. Ошеломлённые происшествием учителя не могли что-либо сказать Касьяновне и Сергею Николаевичу, по лицу которого потекла кровь...

...На следующее утро я, маленький подпасок, как обычно, бежал мимо школы на псынадахский конец села за коровами. Приближаясь к школе, я не сразу увидел Сергея Николаевича, сидевшего у крыльца с перевязанной белым полотенцем головой. Я мог бы и не заметить учителя, но услышал его тихий голос: «Обойди, Ваня, это место стороной, не наступи на осколки скрипки». Посмотрев под ноги, я увидел несколько кусочков деки. Остановившись, я хотел спросить, что произошло, но Сергей

Николаевич, взмахнув рукой, проговорил: «Беги-беги!», и я побежал.

Когда я гнал коров к месту сбора стада, Сергея Николаевича у школы уже не было. И в школе он не показывался около недели, а, появившись, он ещё несколько дней ходил с перевязанной головой. После одного урока Коля Добротворский, сын председателя Сельсовета, игравший в нашем оркестре на мандолине, спросил учителя: «Сергей Николаевич, почему вы не играете на скрипке? Мы уже соскучились по хорошей музыке».

«Дорогой Коля, - вздохнув, ответил Сергей Николаевич, скрипка сейчас состоит из шестидесяти частей и пока не играет».

Нам было жаль единственной в селе скрипки, а заодно и нашего непутёвого учителя, который при всех его недостатках умел так красиво играть на ней, и научил многих ребят игре на струнных инструментах.

Поступок Касьяновны, вызванный ревностью, женщины села одобрили и напоминали своим мужьям, что и их может постигнуть такое наказание в случае неправильного поведения. Однажды я услышал, как соседка, ругаясь со своим мужем, крикнула: «Учти, я не хуже Касьяновны отделаю тебя. Правда, скрипки у меня нет, зато есть коромысло! »

Так что крепко любила Касьяновна своего мужа, если в приступе ревности не пожалела дорогой скрипки для того, чтобы доказать ему это.

Вскоре супруги помирились. Скрипка была склеена, и, хотя немного хрипела, по-прежнему радовала зольчан хорошей музыкой и, как всегда, возглавляла наш школьный струнный оркестр, с выступлениями которого нас и в райцентре ждали!. Даже я, почти не знавший нот, играл в нём на второй балалайке.

Жизнь шла своим чередом.

2008 г.

ПАМЯТНЫЙ ПОХОД

Если посмотреть из Зольского на юго-запад, то увидишь на склоне Джинальского хребта церковь, стоящую в загадочном хуторе, который жители Зольского называли Хомячихой. Издалека было видно, что в том хуторе большие дома, каких в нашем селе не было. Люди говорили, что там монастырь, в котором живут монахи. Баптисты, не признавали церквей и монастырей, потому и церковь, и монастырь, и монахи вызвали желание посетить хутор и рассмотреть всё вблизи. Наконец моя мечта неожиданно исполнилась.

В тёплый весенний денёк учительница Раиса Никифоровна Винникова повела нас, первоклассников, на экскурсию в Хомячиху. Для малышей путь был довольно длинный, девять километров, но мы шли, не останавливаясь нигде на отдых. Свежий воздух, наполненный чарующими песнями жаворонков, трескотней кузнечиков и приятным запахом разнотравья сенокосной целины, живоительно действовал на нас, и мы даже успевали гоняться за красивыми бабочками. Через полтора часа мы подошли к речушке Маленькая Золочка с прозрачной вкусной водой. В те годы поля и сенокосы не знали ни удобрений, ни пестицидов, и вода в речушках, стекавших со склонов хребта, была чистой.

Если смотреть от Золочки в сторону церкви, то кажется, что до неё уже рукой подать, что поднимись на невысокий холм, лежащий за речушкой, и ты уже в Хомячихе. Напившись воды, я побежал на холм не полевой дорогой, шедшей в сторону хутора, а напрямик по мягкой траве. И вдруг я увидел булку, лежавшую на траве. То была не крестьянская, а городская булка, целая и мягкая. Как она оказалась там, в нескольких саженьях от речки и дороги, непонятно и до этих пор для меня загадочно. Окинув взглядом всё вокруг, я никого, кроме Раисы Никифоровны и учеников, не увидел. Я поднял булку вверх и радостно закричал: «Я булку нашёл!». Ко мне прибежали ребята, и мы, разломив вкусную находку на кусочки, съели её с удовольствием.

Пробежав несколько метров вперёд и оказавшись на вершине холма, мы обнаружили за ним широкую долину и поняли, что до заветной цели нашего похода надо пройти ещё около двух километров. И их мы вскоре осилили и оказались у ворот в Хомячиху. В строениях бывшего монастыря разместился племсовхоз. Мы увидели большие сараи для скота и длинные постройки с маленькими

комнатами, в которых жили доярки - бывшие монашки. Они любезно встретили нас.

Раиса Никифоровна подвела нас к домику, над дверями которого висел красный флаг с серпом и молотом на полотнище. Наказав нам никуда не отлучаться, она зашла в домик и вскоре вышла из него в сопровождении человека приятной наружности. То, как нам объявили, был зоотехник племсовхоза. Он рассказал нам о том, чем занимается их совхоз и показал сарай для коров, телят и двух племенных быков швейцкой породы, о которой мы слышали впервые. В нашем селе тогда ещё не было светло-серых коров, дававших молока больше, чем местные рыжие и чёрные коровы. А быков, оказывается, купили в Швейцарии, уплатив за большого 100 тысяч рублей, а за молодого - 30. У большинства семей учеников были коровы, и мы знали, в каких сараях они находятся. Поэтому чистота в совхозных сараях поразила всех нас. Зоотехник сказал, что и коровы любят чистоту, и чем у них чище, тем больше молока они дают. Старенькие доярки угостили нас свежим молоком, которое нам показалось очень и очень вкусным. Мы поблагодарили добрых женщин за угощение, придавшее нам сил и бодрости.

Подкрепившись молоком, мы пошли осматривать территорию хутора. И вокруг сараев, и на всей территории хутора радовали глаз чистота и порядок. Вокруг было много зелени и цветов. Затем мы осмотрели церковь, в которой в то время находилось зернохранилище. Я обратил внимание на то, что железные двери были пробиты пулями. Нам сказали, что это память о боях во времена Гражданской войны. Кто тогда стрелял по церкви, красные или серебряковцы, разорившие в 1918-м году ряд хуторов, ни зоотехник, ни наша учительница не знали.

Возвращались мы домой уже не так быстро, хотя вниз идти было легче. Всю дорогу мы обсуждали увиденное и услышанное в племсовхозе. На всех огромное впечатление произвели чистота в сараях и вокруг них и цена племенных быков. Нам было с чем сравнивать - недавно мой отец в Пятигорске купил хорошую корову с телёнком за 125 рублей. Немалая для нас сумма. А тут 100 тысяч!

В тот памятный день у нас не было уроков, но поход в Хомячиху для всех стал очень памятным уроком, стоившим десятка классных часов!

2008 г.

НЕДЕТСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПАСТУШОНКА

В марте 1928 года, когда мне исполнилось 6 лет, отец решил, что мне уже пора, как и восьмилетнему брату Саше, быть его подпаском. Саша ещё в прошлом году помогал пасти сельское стадо коров.

Отец всегда старался выгнать стадо на пастбище как можно раньше, поэтому мама Маша будила нас до зари. Если мы долго не просыпались, маме приходилось прибегать к радикальным методам - макать наши заспанные мордашки в ведро с холодной водой. От такой процедуры мы вскакивали сразу.

После быстрого завтрака Саша и я бежали в разные концы села, чтобы пригнать коров к месту сбора на «прогоне» - в середине Зольского. Когда мы выгоняли стадо из села, нам с Сашей приходилось поторапливать отстающих и не допускать в огороды слишком шустрых коров.

Кроме этих повседневных и не сложных обязанностей у нас имелись и более серьёзные. Мы должны были наблюдать за бурёнками и ставить в известность отца, что та или иная из них, как у нас говорили, отгуляла. У отца не было записной книжки, но он хорошо помнил даты и сообщал хозяевам коровы, когда стоит ожидать её отёла.

Были и более ответственные, совсем не детские, обязанности. Не все знают, что, особенно в весенний период, коровы иногда погибают от сильного вздутия живота. Неожиданное и очень опасное оно начинается после того, как корова съест какую-то неподходящую траву или проглотит вместе с травой паука. Живот несчастной бурёнки раздувается настолько, что сдавливает лёгкие, и она погибает от удушья.

Если вздутие замечено в самом начале, то спасти кормилицу семьи не сложно. Необходимо долго гонять её, не давая отдыха. Вот мы с Сашей и гоняли таких коров по пастбищу, пока сами не падали от усталости. Когда же на страдания бурёнки вовремя не обратили внимания, она ложится и, если не пробить в области правого паха её живот, погибает.

У пастухов обычно для этого есть большие ножи или специальные пробойники, с помощью которых пробивается дыра в коже и желудке животного, через которую со свистом вырываются газ и

пережёванная масса травы.

В один из солнечных дней, когда мы не ожидали никакой беды, отец пораньше подогнал стадо к стойлу, где в Центральную Золку впадает Вторая Золка (Залукодесская). Оставив там коров на наше попечение, он пошёл в сельсовет, куда его зачем то вызвали. Через некоторое время после его ухода у одной нашей подопечной началось сильное вздутие, и она легла. Поднять страдальицу мы, как ни старались, не могли, и не было чем пробить дырку в крепкой её коже. Пока мы бегали в поисках чего-нибудь острого, корова умерла.

Это была большая потеря для её хозяев и ещё больше для нас, так как отцу пришлось уплатить им немалые деньги.

Как известно, редко когда корова телится точно в срок, и немало их даёт жизнь потомству на пастбище. Забота о сохранении появившихся телят и самих круторогих мамаш - одна из важных обязанностей пастуха.

Обычно при удачных отёлах корова сразу встаёт и начинает облизывать своего народившегося малыша. В тяжёлых случаях ослабленное животное не может тотчас встать, и беда телёнку, если он родился в плодной оболочке, словно в прозрачном яйце. Если не разорвать её, детёныш погибнет от удушья. Поэтому отец всегда возле коровы оставлял меня с карманным ножиком, чтоб своевременно разрезать эту оболочку. Однажды отец, которому было необходимо гнать стадо дальше на пастбище, оставил меня возле лёгшей на траву Красотки.

Обычно корова в родовых муках лежит часа два. Но Красотка долго не могла отелиться. Она тяжело дышала и жалобно смотрела на меня, сидевшего возле её головы. Из больших глаз несчастной текли слёзы. Я встал и, обойдя Красотку, увидел, что сзади из неё вышла левая ножка телёнка, и как не тужилась коровушка, правая не показывалась. Я сунул руку в тёмную глубь и нащупал правую ножку, которая подогнулась и не выпускала детёныша наружу. Сумев высвободить правую ножку, я взялся за обе ножки и с силой потянул их на себя. Показалась мордочка телёнка, а затем шея и широколобая головка.

Когда я вытащил на белый свет мокренького детёныша Красотки, она глубоко, с облегчением, вздохнула и, как мне показалось, с благодарностью посмотрела на меня. Родившийся крупный бычок, походил на своего папашу Борьку, который уже вёл своё стадо к селу, словно уменьшенная копия.

Подошедший ко мне отец порадовался бычку и похвалил меня за сообразительность. Он поднял его, пытающегося встать на дрожащие ещё ножки, положил себе на плечи, и мы пошли за стадом. Красотка поднялась и двинулась за пастухом, то и дело стараясь лизнуть своего долгожданного сыночка.

Я был горд тем, что спас телёнка и Красотку. И был счастлив, увидев огромную радость женщины, которой принадлежала коровушка, когда отец вручил ей хорошее пополнение их хозяйства!

2008 г.

РОЗКА И ЕЁ СЫНОВЬЯ

Окончив в 1938 году первый курс педучилища, я второго июня вернулся домой. Я так мечтал о встрече с друзьями! Хотелось поделиться новостями, обсудить планы на летнюю работу в колхозе и просто вместе погулять.

Встретив радостно сыночка, мама тут же сказала, что по требованию отца я должен немедленно идти к нему в горы. Отец был заведующим фермой колхоза, а мне предстояло всё лето пасти телят. Как ни хотелось встретиться с друзьями, но отец есть отец, и не исполнить его требование я не мог. Мама рассказала, как найти в горах нашу ферму, нагрузила меня сменной одежды для нас, и я, прихватив несколько книг, отправился в путь.

День был ясным и жарким. Впереди в синеватой дымке лежал Джинальский хребет, а из-за него выглядывали белоснежные главы Эльбруса и Скалистые горы. За селом Залукодес я перешёл через холм и оказался в долине Четвёртой Золки, где вскоре увидел ферму нашего колхоза «Маяк». Отец издали заметил меня и тихо пошёл навстречу. Рядом с ним шла большая кавказская овчарка Розка, за которой цепочкой бежали три щенка. Умная собака, не видевшая меня раньше, сразу поняла, что я «свой» и весёлыми глазами поглядывала на меня. Мы обнялись с отцом после полугодичной разлуки и

направились к ферме, где доярки Катя и Лида, радостно встретив, напоили меня холодным молоком.

Отец сказал, что я должен буду пасти 29 телят, помогать в ведении ежедневного учёта надоя и расходования молока, возить молоко на маслосырзавод и воспитывать щенков. Пора уже было освободить Розку от кормления подросших сыночков. Она нужна была возле коров. В горах волки то и дело нападали на стада. Щенки сразу поняли, что понравились мне и старались облизать моё лицо, когда я взял их на руки.

В первый же день я, узнавший в училище об условном рефлексе, решил приучить телят, прятавшихся от оводов в зарослях крапивы, самостоятельно выбираться оттуда по моему сигналу. Найдя кусок железа, я повесил его у входа в телятник. Вечером, когда доярки после дойки начали поить с трудом собранных мною бычков и тёлочек, я начал стучать по нему и только после окончания поения прекратил «музыкальное сопровождение» телячьего ужина. На третий день к удивлению доярок я прекратил лазить в заросли крапивы. Все мои подопечные, услышав звон «колокола», мчались со всех сторон к телятнику, где их поджидали доярки. Приучив к порядку телят, я почти всё время занимался со щенками, скоро признавшими во мне старшего. Отец сказал, что я должен хорошо изучить моих питомцев, так как только одного оставят на ферме, а двух других отдадут колхозникам.

Вскоре я определил, что три щенка - это три разных характера. Один был не только крупнее других, но и смелее, сообразительнее и настойчивее в своих требованиях. Он во всем подчинялся мне, но не спешил лишней раз меня лизнуть. Я назвал его Разбоем. Второго по силе и красоте я назвал Джульбарсом и решил, что он будет охранять наш дом. Третьего пастух Николай назвал Полканом, сказав, что осенью заберёт его себе.

Когда щенки подросли, я ходил с ними к стаду, где Розка своим примером учила их пасти и охранять коров от чужаков. Порой наше стадо оказывалось недалеко от стада жемталинского колхоза, и задиристый Разбой старался не допускать собак Гоплачева к нашему стаду, хотя он видел, что отец дружил с этим кабардинцем.

В конце августа я вернулся в село, чтобы хоть несколько дней и вечеров побыть с друзьями. В наше время в сёлах даже детей празднующихся не было. Все работали: сгребали сено, закладывали силос, ночами замещали женщин на току у молотилки - дел хватало! В общем труде крепла наша дружба, и 30 августа ребята с грустью проводили меня в Нальчик. Мне тоже было грустно расставаться с моими родителями, моими выросшими щенками, моими сельскими друзьями, но надо было продолжать учёбу.

С началом зимы, когда стадо перевели в коровник, отец привёл Джульбарса в наш двор. Во время зимних каникул большой, красивый и умный пёс старался не отходить от меня. Он знал всех односельчан и лишь одному из них не разрешал заходить в наш двор. И ещё почему-то он не любил цыганок. Как я ни старался, он обязательно нападал на хитрых воровитых гадалок, чтобы потрепать торбу, но ни одну из них он не покусал. Когда я уехал опять на учёбу, Джульбарс ушёл на ферму к матери Розке и брату Разбою.

Летом 1939 года я не был в горах, работал с друзьями в степи и много времени уделял Джульбарсу, вернувшемуся домой. Он стал настоящим хозяином двора! Мама уже не беспокоилась об огороде, зная, что не то, что чужая корова, чужая курица не зайдёт туда.

К зиме 1939-1940 годов мои щенки стали сильными псами. Отец похвалил меня за то, что воспитал таких сторожей, Разбой стал настоящей грозой для волков, которые будто поняли, что с началом мировой войны им станет легче нападать на стада. Хищники осмелели, но Розка и Разбой надёжно охраняли стадо, которое в связи с отсутствием снежного покрова пастухи выгоняли в степь. Отец тогда и похвалил меня за Разбоя, который успел загрызть двух волков.

Однажды в январе 1940 года Николай, будучи верхом на быстроногом Абреке, выгнал стадо за село и помчался в военкомат, куда его вызвали, оставив стадо на попечении Розки и Разбоя. День был ясным, стадо спокойно медленно продвигалась по пастбищу. Казалось, что стаду ничто не грозит, но что-то грызло душу пастуха, хотя умные собаки, одна с одной, другая с другой стороны, зорко следили за коровами. Но за стадом, как выяснилось позже, следила и притаившаяся в зарослях стая волков. Оставшись без пастуха, собаки решили подогнать коров поближе к селу.

Пастухи залукодесского стада, которое было примерно в двух километрах от стада Николая, заметили, что собаки заставили коров приближаться к селу. Через несколько минут они увидели, что со стороны Центральной Золки к стаду мчится стая волков. И Разбой это увидел. Он, рыкнув так, что его

услышала Розка, находившаяся с другой стороны стада, рванулся навстречу лютым хищникам, чтобы не допустить их к скотине. Услышав тревожное рычание сына, Розка поняла всё. Она поспешила на помощь Разбою. Несколько волков отделилось от стаи и помчались навстречу ей.

Николай, не доезжая до села, оглянулся назад и увидел, что к его стаду приближаются волки, а с другой стороны на лошадях туда мчатся кабардинские пастухи. Издали он заметил, что звери не успели напасть на коров. Их к стаду не допускали собаки. Основная стая волков пыталась справиться с Разбоем, а меньшая часть хищников напала на Розку. Ни наш пастух, ни залукодесские ребята никогда раньше не видели такого отчаянного сражения овчарок с волками! Когда три конника с криками приблизились к месту схватки, они заметили двух убежавших в заросли волков. Было видно, что они ранены. На месте главной схватки лежал Разбой, сжав челюсти на горле матёрого зверя, а вокруг него - 4 волка, задавленных им. У отважного защитника стада, тоже сильно пострадавшего в смертельной схватке, уже не было сил разжать челюсти. Парни помогли Разбою разжать их. Он с благодарностью взглянул на людей и издал последний вздох.

Николай со слезами на глазах поднял с земли Разбоя и направился с ним к Розке, будто надеясь на то, что умная мать оживит храброго сына. Возле истекавшей кровью Розки лежало два разорванных ею хищника. Она без звука разрешила поднять её и отвезти к ветеринару. Он зашил раны на шее и на спине смело вступившей в бой с хищниками собаки, и она через несколько дней поднялась на ноги. Однако охранять стадо уже не могла. Правление колхоза «Маяк» решило приобрести для стада новых собак, а Розке назначили пожизненную пенсию и оставили её на ферме. Разбоя не бросили как бросают обычно сдохших собак, а похоронили на месте его подвига. И никто тогда не смог сдержать слёз.

К тому времени я уже работал учителем в соседнем селе и в один выходной вместе с Джульбарсом пошёл на ферму проведать Розку. Она узнав меня, подошла, прижалась к моей ноге и склонила голову, словно извиняясь за то, что у неё нет сил, как прежде, положить свою голову мне на грудь.

Нам, людям, познавшим строение атома и Вселенной, научившимся читать мысли на расстоянии и клонировать животных, не понять, о чем думают наши «братья меньшие» и как они общаются между собою. Но в тот последний визит к Розке она словно знала, что прощается со мною навсегда и разрешила Джульбарсу уйти со мной. С того Дня Джульбарс больше не покидал наш двор, и когда я приходил домой, он радостно встречал меня у калитки.

22 сентября 1940 года я уехал в военное училище, а 9 сентября 1941 года меня, тяжелораненого лейтенанта, привезли в Нальчикский госпиталь. Приезжавшие ко мне отец и мать рассказали, что Розки уже нет, а Джульбарс все дни лежит у калитки и смотрит в ту сторону, куда я ушел, попросившись с ним. После тяжелого ранения я выздоравливал медленно. Мне очень надоело пребывание в госпитале, и я 8 мая 1942 года сумел покинуть его, не дождаввшись закрытия ран. Приехав на попутной машине в село, я в военной форме с лейтенантскими галунами на рукавах, поспешил домой. Ещё издали увидел Джульбарса, лежавшего на том месте, на котором я оставил его, уходя в армию. Заметив приближавшегося военного, он сердито гавкнул.

- Дорогой Джульбарс, что же ты не узнаёшь меня? - сказал я и взял его за лапы. Пёс не сопротивлялся, но всё время отводил свои умные глаза в сторону. Ему было стыдно оттого, что он меня встретил так неласково. Весь день он был рядом со мною, но так и не осмелился посмотреть мне в глаза, и особенно грустным он был на следующий день, когда я уходил. Может, чувствовал, что больше не увидит меня. Уже на фронте из письма отца я узнал, что Джульбарс не смирился с тем, что в наш двор вошел оккупант. Он бросился на него и был застрелен. От рук оккупантов погиб и его брат Полкан, тоже не пожелавший видеть в своём дворе захватчиков.

Вот и весь рассказ о моих любимых собачках, об их верности и преданности, их бескорыстной помощи человеку и отваге.

2005 г.

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ

Уходят, уходят, уходят
Творцы наших славных побед,

Все реже и реже приходят
Герои на званный обед.
На фронте их было немало,
Солдатских шеренг - океан!
Под их сапогами стонала
Земля мир нарушивших стран.
Бойцы через воды и пламя
С боями до Эльбы дошли
И славное Красное знамя
К победе они донесли.
И мир подаривши народам,
И на ноги подняв страну,
Они в наши трудные годы
Уходят навек в тишину.
Мы вспомним всех в час нашей тризны,
Кто Родине верно служил,
И тех, кто героев Отчизны
Заботой своей окружил.
В их честь стол солдатский накроем
И в знак нашей скорби, любви
Пред памятью павших героев
Мы головы склоним свои.

2005 г.

**Список жителей села Зольского, участников Великой Отечественной войны не
вернувшиеся с фронтов**

1. Афаунов Белостан Казиевич	29. Маржохов Мухаммед Мусарбиевич
2. Афаунов Азретали Тлемахович	30. Мошаков Василий Емельянович
3. Балабан Пётр Ефремович	31. Нахушев Назир Исуфович
4. Борщенко Константин Иванович	32. Ошхунов Султан Мухтарович
5. Горовенко Григорий Иванович	33. Оксаненко Иван Илларионович
6. Дикинов Исмел Мазанович	34. Палённый Пётр Николаевич
7. Добротворская Любовь Михайловна	35. Палённый Николай Петрович
8. Дорошенко Николай Михайлович	36. Палённый Пётр Иванович
9. Дьяченко Григорий Фомич	37. Палённый Владимир Иванович
10. Емкужев Хазиз Бесланович	38. Панфилов Кирилл Сергеевич
11. Ефременко Павел Семёнович	39. Пшуков Мухаммед Калмыкович
12. Жигатов Мухаб Шутович	40. Смородин Егор Иванович.
13. Жугаленко Федор Антонович	41. Степаненко Николай Иванович
14. Иванов Василий (Константинович?)	42. Стрига Иван Петрович
15. Каплин Виктор	43. Тленкопачев Каракан Машевич
16. Каплаухов Михаил Иванович	44. Тленкопачев Башир Машевич
17. Карданов Хазиз Каспотович	45. Тдихураев Кадыр Хапачевич
18. Карданов Хакяша Хазизович	46. Токаренко Николай Иванович
19. Камбиев Лапыт Матгериевич	47. Токаренко Николай Петрович
20. Коваленко Степан Антонович	48. Хамизов Хасен Исмелович
21. Крижановский Григорий Александрович	49. Хапцев Билял Карбекович
22. Купов Махмуд Теуважевич	50. Харченко Иван Нестерович
23. Лошаченко Николай Федосеевич	51. Хахов Мачраил Хацуевич
24. Лысохмар Пётр Лукьянович	52. Хрипунов Пётр Васильевич
25. Макатаев Ауэс Амдурахманович	53. Чередниченко Николай Федорович
26. Мамсиров Хамитби Гериевич	54. Чередниченко Петр Иванович
27. Махошев Назир Ахметович	55. Чередниченко Семен Григорьевич
28. Митченко Иван Гаврилович	56. Шиков Тая Табишевич

57. Ягодзинский Алексей Афанасьевич
58. Якушкин Павел Андреевич
59. Яценко Владимир Васильевич
60. Яценко Николай Васильевич

61. Тлигачев Мухаммед Якубович
62. Тимохин Петр Григорьевич

Вернувшиеся с фронта

1. Бовт Иван
2. Бовт Николай
3. Борщенко Анатолий Иванович
4. Власюк Николай Фомич
5. Гаенко Юрий Данилович
6. Головенко Григорий
7. Гринченко Егор Федорович
8. Джибилов Сет
9. Дикинов Алихан Ю.
10. Дикинов Азрет
11. Добротворский Николай Иванович
12. Добротворская (Проценко) Анна

тов|rid

13. Дьяченко Михаил Фомич
14. Емкужев Билял
15. Емкужев Абдулах Бесланович
16. Ефременко Степан Семенович
17. Ефременко Василий Семенович
18. Жужуев Али
19. Коваленко Иван Антонович
20. Кучеренко Петр Петрович
21. Ковалев Сергей
22. Купов Масхуд Теуважевич
23. Купов Башир Теуважевич
24. Лошицкий Николай Захарович
25. Лошицкий Виктор Захарович
26. Махатаев Алисаг Билостанович
27. Мамсиров Хажпаго Гериевич
28. Митяшкин Яков Никитович
29. Митченко Александр
30. Маржохов Боля Мусарбиевич
31. Маснуха Людмила Александровна
32. Нахушев Исмет
33. Нахушев Адам
34. Нахушев Нашир
35. Нахушев Шагир
36. Оксаненко Иван Иванович

37. Оксаненко Владимир Илларионович
38. Примаченко Алексей Алексеевич
39. Примаченко Николай Архипович
40. Полищук Иван Ильич
41. Полищук Александр Ильич
42. Резников Павел Иванович
43. Скорик Николай Андреевич
44. Скорик Макар Андреевич
45. Синявский Иван
46. Сатырёв Яков Акимович
47. Сотник Иван
48. Съедин Стефан Стефанович
49. Токаренко Николай
50. Токаренко Михаил Михайлович
51. Токаренко Пётр Михайлович
52. Токаренко Иван Петрович
53. Федоренко Василий
54. Хамизов Хусен Исметович
55. Хуранов Мусаби Патунович
56. Хуранов Анатолий Муратович
57. Хашев Хазейша Мажидович
58. Чередниченко Василий Прокофьевич
59. Чередниченко Дмитрий Иванович
60. Чередниченко Фёдор Фёдорович
61. Чередниченко Владимир Фёдорович
62. Чередниченко Иван Ивнович
63. Шаов (Бирсов) Мустафар Сотович

(Хажмуратович)

64. Шурдумов Сахадин Билостанович
65. Юрковский Иван Михайлович
66. Шипилов Василий Акимович
67. Якушкин Виктор Андреевич
68. Ягодзинский Николай Афанасьевич
69. Чередниченко Яков Григорьевич
70. Ягодзинский Иван Афанасьевич
71. Ягодзинский Петр Евгеньевич
72. Чередниченко Василий Прокофьевич

Список составил Иван Ильич Полищук с помощью Анатолия Муратовича и Хасанби Темиркановича Хурановых.

2 марта 2007 г.

РАСКАЗЫ И ОЧЕРКИ

В РАЙЦЕНТРОВСКОЙ СТОЛОВОЙ

В 1939 году Зольский район почему-то разделили на два района: Зольский и Нагорный.

В первом осталось 12 небольших населённых пунктов, расположившихся на берегах Золок, и село Этоко. К Нагорному району отошли крупные сёла на Малке и Кичмалке. Райцентром стало село

Каменномоетское. Для районных органов и различных служб спешно нашли несколько квартир в домах жителей села.

Вскоре стало очевидным, что нужна и столовая. На центральной улице арендовали под неё две комнаты, а в Нальчике нашли заведующего столовой из грузин. Он привёз из Нальчика повара, тоже закавказца, и вывеску, на которой довольно крупными буквами было написано: «Районы РЕСТОРАН». Узнав, о том, что открытие этой точки общепита состоялось, я не стал покупать для своего обеда в магазине хлеб и молоко, а направился туда.

В небольшой комнате стояли 4 столика и 12 стульев. В соседней комнате, откуда доносился аппетитный запах жареного мяса, находилась кухня. За двумя столиками уже сидели посетители и отчего-то смеялись. Я уселся на свободное место и, взяв в руки меню, засмеялся тоже. «Районы ресторан» предлагал «Борч без мяско» за 60 копеек и «Борч с мяско» за рубль. Я хотел достать из кармана карандаш и исправить ошибки, но посмотрев на дальнейшие записи, решил ничего не изменять, чтобы все посетители могли повеселиться перед обедом. Блюда с ценами нальчикского ресторана были очень интересными!

Я читал: «Веногрет - 40 к., Лоб и Я - 60 к., Котлет без горнир - 1 р. 15 к., Котлет с горнир - 1р. 50 к., Аперкот -3 р., Тифтель - 3 р.». Стало понятно, почему смеются более старшие и более солидные чем я, посетители столовой.

Но дальнейшее творчество составителей меню, заставило меня просто расхохотаться, хотя цены нагоняли грусть. Меню представляло: «Чехов Били из «кур» за 3 р. 15 к., «Чехов Били из барана» за 3 р. 30 к., «Разврат с луком» - 2 р. 45 к., «Разврате яйцом» - 2 р. 90 к.». Если сообщение о том, что чехов били из барана вызывало смех, то после «Разврата» мне уже не хотелось смеяться, тем более, что в моих карманах было только 2 рубля 50 копеек. Я заказал «Борч без мяско» и «Котлет с горнир». Уплатил 2 р. 20 копеек (10 копеек за 2 кусочка чёрного хлеба) и покинул «Районы ресторан» полуголодным с намерением больше не заходить сюда.

...Об этом районном «ресторане» я не вспоминал много лет. Но лет через 20 узнал, что в кафе, уютно разместившемся у кургана близ села Малка, его заведующий, закавказец, готовит мясные блюда из бедных осликов, закупаемых в Сармаково, Каменномоетском и других селах. Я вспомнил тогда давнего заведующего «Районны рестораном», который предлагал посетителям «разврат с луком» и «разврат с яйцом».

Уже полвека прошло после закрытия харчевни у подножья исторического кургана - могилы скифского царя, но я, проезжая мимо, всегда вспоминаю Каменномоетское, в котором начиналась моя педагогическая деятельность, и то, что «чехов били из барана».

2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛЬСКОЕ И ЗОЛЬЧАНЕ

Из истории селения Зольское

Возрождение зольских просторов

Курганы

Родники

Зольчане

Пастух

Наши соседи Хурановы и Токаренко

Отважные танкисты

Пётр Кучеренко

Хамизовы

Митяшкины

Жигатовы

Якушкины

Маржоховы

Шурдумовы

Тленкопачевы

Хазеша плохой и хороший

Дед Горобец и дед Чепурушка

Шолохов в селе Зольском

Неисполненная мечта Прокопа

Невесту украли или ЧП сельского масштаба

Ревность Касьяновны

Памятный поход

Недетские обязанности пастушонка

Розка и ее сыновья

Памяти героев

Список жителей села Зольского, не вернувшиеся с фронтов

Вернувшиеся с фронта

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

В райцентровской столовой